

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Научный журнал

№ 3 (5)

Санкт-Петербург
2017

PUSHKIN LENINGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Scientific journal

№ 3 (5)

St. Petersburg
2017

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2017
№ 3
(5)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веремко, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
Л. Ю. Гусман, доктор исторических наук, доцент, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор, Россия
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент, Республика Молдова
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
И. А. Тропов, доктор исторических наук, профессор, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2017
№ 3
(5)

**The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016**

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-68612

**The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year**

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
L. Yu. Gusman, Doctor of History, Associate Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
N. D. Kozlov, Doctor of History, Full Professor, Russia
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
S. M. Nazariia, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Republic of Moldova
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
I. A. Tropov, Doctor of History, Full Professor, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

<i>С.С. Войтиков</i> Третья «волна» массового красного террора в годы Гражданской войны	9
<i>А.А. Савчук</i> Была ли сексуальная революция в России в 1920-е гг.? К постановке проблемы	22

ФИЛОСОФИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>О.Р. Demidova (О.Р. Демидова)</i> Translating the language of (the) Revolution.....	40
---	----

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Т.Ю. Бойкова, Е.В. Никуленкова</i> Формирование внешнеполитического восприятия мира ленинградских рабочих в 1930-е гг.	50
<i>Е.А. Окладникова</i> Образ времени в общественном сознании сельских жителей Ленинградской области.....	66

ЭТНОГРАФИЯ

<i>Д.В. Михеев</i> Быт и нравы индейцев Южной Америки в свидетельствах участников кругосветной экспедиции Фрэнсиса Дрейка.....	80
--	----

ЯЗЫК В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>О.А. Теуш</i> Народная метрология: представления о расстоянии и мере	90
--	----

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

<i>В.А. Веремченко</i> Детские сады и вопрос о социализации детей дошкольного возраста в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в.	99
<i>В.Г. Смирнов</i> О повседневной жизни и быте личного состава парохода «Пахтусов» в Архангельске в конце XIX в. (к 120-летию создания Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана)	112

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

М.В. Оськин

Питание солдата в окопах Первой мировой войны 127

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В.В. Каминский

Они создавали Красную армию: Генерального штаба
генерал-майор Ф.Ф. Новицкий – реальный организатор побед
Красной армии на Восточном фронте 1919 г. 142

ПУБЛИКАЦИИ МЕМУАРОВ

Л.А. Рамазанова

Дворовые игры нашего детства (воспоминания) 156

Сведения об авторах..... 163

Contents

GOVERNMENT AND SOCIETY

S.S. Voytikov

The third «wave» of mass red terror during the Russia Civil War 9

A.A. Savchuk

Was the sexual revolution in Russia in 1920th? About the problem..... 22

PHILOSOPHY OF EVERYDAY LIFE

O.R. Demidova

Translating the language of the Revolution 40

REGIONAL ASPECTS OF HISTORY OF EVERYDAY LIFE

T.Yu. Boykova, E.V. Nikulenкова

Formation of foreign policy perception of the world
of Leningrad workers in the 1930s 50

E.A. Okladnikova

Image of time in public consciousness of rural residents
of the Leningrad region..... 66

ETHNOGRAPHY

D.V. Mikheev

Life and customs of the Indians of South America in the testimonies
of participants of the Drake's Circumnavigation 80

LANGUAGE IN HISTORY OF EVERYDAY LIFE

O.A. Teush

National Metrology: the notions of distance and measure..... 90

EVERYDAY LIFE OF CERTAIN SOCIAL GROUPS

V.A. Veremenko

Kindergartens and the issue of the socialization of the preschool
age children in the noble-intellectual families of Russia in the second
half of the XIX – early XX centuries 99

V.G. Smirnov

On the daily life and life of personnel steamer *Pakhtusov*
in Arkhangelsk in the late XIX century (to the 120th anniversary
of the Hydrographic Expedition Arctic Ocean)..... 112

MILITARY EVERYDAY LIFE

M.V. Os'kin

Food soldier in the trenches of the First World War 127

PERSONALITY IN HISTORY OF EVERYDAY LIFE

V.V. Kaminsky

They created the Red Army: major-General of General staff F.F. Novitsky, the real organizer of the victories of the Red Army on the Eastern front in 1919 142

PUBLICATION OF MEMOIRS

L.A. Ramazanova

Yard games of our childhood (memories) 156

About authors 164

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

УДК 94(47)"1918/1922":323.282

ГРНТИ 03.23.55: История России новейшего времени (с XX в.)

С.С. Войтиков

Третья «волна» массового красного террора в годы Гражданской войны

30 августа 1918 г. был ранен председатель Совета народных комиссаров, основатель и член ЦК большевиков В.И. Ленин. 2 сентября на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) под председательством главы Советского государства Я.М. Свердлова и по его предложению был объявлен «массовый красный террор против буржуазии и ее наймитов» (свернут в ноябре 1918 г.). 16 января 1919 г. Оргбюро ЦК РКП(б) был разослан циркуляр о расказачивании, ставший второй «волной» массового красного террора, на этот раз развязанной руководством правящей партии, но также быстро свернутой. Однако была еще одна «волна» массового красного террора, менее масштабная и недостаточно изученная. Она и стала предметом настоящего исследования. В статье использованы как опубликованные источники, так и неопубликованные документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО).

Ключевые слова: массовый красный террор, 1918 г., Я.М. Свердлов, В.И. Ленин, Ф.Э. Дзержинский, анархисты подполья, В.М. Загорский, М.С. Ольминский.

S.S. Voytikov

The third «wave» of mass red terror during the Russia Civil War

August 30, 1918, was wounded the Council of People's Commissars's chairman, founder and member of the Bolsheviks's Central Committee V.I. Lenin. On the third day after this event, on September 2, at the meeting of the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK), chaired by the head of the Soviet state Ya.M. Sverdlov, and at his suggestion, declared «a massive red terror against the bourgeoisie and its hirelings» (rolled up in November 1918). On January 16, 1919, the Central Committee's Organizational Bureau sent out a circular about the raskazachivani, which became the second «wave» of massive red terror, this time unleashed by the ruling party's leadership, but also quickly collapsed. However, there were one more «wave» of mass red terror, less large-scale and insufficiently studied in terms of V.I. Lenin's plans. It becomes the subject of this article uses both published sources and unpublished documents of the Rus-

sian State Archive of Social and Political History (RGASPI) and the Central State Archives of the Moscow Region (TSGAMO).

Key words: Mass Red Terror, 1918, Ya.M. Sverdlov, V.I. Lenin, F.E. Dzerzhinsky; anarchists; V.M. Zagorsky, M.S. Olminsky.

30 августа 1918 г. был ранен председатель Совета народных комиссаров, основатель и член ЦК большевиков В.И. Ленин. Уже 2 сентября на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) под председательством главы Советского государства Я.М. Свердлова и по его предложению был объявлен «массовый красный террор против буржуазии и ее наймитов».

Единственной постсоветской научной монографией о массовом красном терроре как *официальной государственной политике в 1918 году* является книга петербургского историка И.С. Ратьковского. В книге на основе комплексного анализа периодической печати периода Гражданской войны предпринята попытка изучить массовый красный террор и выделить в нем основные этапы в контексте истории создания и становления ВЧК как карательно-репрессивного аппарата [1]. И.С. Ратьковский сделал важный вывод о том, что по итогам красного террора осенью 1918 г. ценой тысяч жертв значительно ослабили контрреволюционное подполье и антисоветское движение; «вместе с тем платой за политику террора оказались не только тысячи расстрелянных и пострадавших, но и утверждение негативных тенденций в развитии Советского государства» [1, с. 2]. Проведя источниковедческий анализ большевистской печати, И.С. Ратьковский установил, какие именно социальные группы стали объектом красного террора, сделав парадоксальный вывод: в меньшей степени террор коснулся того слоя, против которого он вводился, – буржуазию преимущественно ждали серьезные выкупы и гостеприимные концлагеря, а расстрелы в основном касались офицеров, жандармов, интеллигенции, крестьянства, а также преступников, расстрелянных для стабилизации внутреннего положения и оправдания террора в глазах населения [1, с. 174]. Историк доказал, что массовый красный террор как *официальная* политика советского руководства хронологически ограничен двумя месяцами – с сентября по ноябрь 1918 г.

16 января 1919 г., как известно, Оргбюро ЦК РКП(б) был разослан печально знаменитый циркуляр о расказачивании [2], ставший второй «волной» массового красного террора, на этот раз развязанной руководством правящей партии, но также быстро свернутой.

В кризисной ситуации лета 1919 г., когда Деникин продвинулся к Москве, а «гидра контрреволюции» подняла свою голову, в большевистском руководстве всерьез обсуждался вопрос о необходимости третьей волны массового красного террора как универсального средства решения всех проблем. 22 июня, не без участия В.И. Ленина [3,

с. 126, 127], ВЦИК принял постановление, вновь развязавшее руки чекистам. Уже на следующий день ВЧК указала всем губернским ЧК, что «...с изданием настоящего декрета на ЧК возложены более чем когда-либо тяжелые задачи – очистки Советской республики от всех врагов рабоче-крестьянской России. В то время как Красная армия защищает наш внешний фронт, внутри страны белогвардейцы, пользуясь частичными нашими неудачами, поднимают головы и стараются связаться с заклятыми врагами пролетариата – Колчаками, Деникиными, финскими, польскими и иными белогвардейцами. В самом тылу нашей армии происходят взрывы мостов, складов, кражи и сокрытие столь необходимого армии оружия и пр. и пр. Уголовные элементы также используются белогвардейцами в своих целях. Во многих замечается усиление бандитизма, ограбления, хищения грузов и пр. и пр. Чрезвычайные комиссии в настоящее время должны проявить максимум энергии, максимум усилий к тому, чтобы обеспечить тыл нашей армии. Все чрезвычайные комиссии должны превратиться в боевые лагеря, готовые в любое время разрушить планы белогвардейских заговорщиков. Все явные и скрытые враги Советской России должны быть на учете ЧК и при малейшей попытке повредить революции должны быть наказаны суровой рукой. [...] Все на боевые посты по охране революции – вот лозунг сегодняшнего дня» [3, с. 127, 128]. Не желая возобновления вакханалии, с одной стороны, и дискуссии о ВЧК, сотрясавшей партию во второй половине 1918 г. – начале 1919 г. [1], – с другой, составившие телеграмму Ф.Э. Дзержинский и начальник Следственного отдела ВЧК Г.С. Мороз, прекрасно помнивший свое провальное выступление на заседании Московского губернского исполкома, дополнили телеграмму необходимым разъяснением: «...суровое наказание ждет всех тех, кто вздумает злоупотребить предоставленными ВЧК правами. За применение прилагаемого декрета к каким-либо лицам в корыстных целях виновные будут расстреливаться. Ответственность за правильность проведения прилагаемого декрета возлагается на местные ЧК в целом и на председателей в частности» [3, с. 128].

Повод был получен 25 сентября 1919 г.: в этот день «анархисты подполья» провели теракт в здании Московского комитета РКП(б), располагавшемся в Леонтьевском переулке, д. № 18. В результате взрыва двух бомб было убито и ранено около 40 большевиков, в числе убитых – секретарь МК В.М. Загорский [4, с. 189].

27 апреля 1920 г. контуженый при взрыве М.С. Ольминский написал брату Н.С. Александрову: «Я стоял лицом к бомбе; движение воздуха в дверь задело мою левую сторону, оторвало целиком левую половину пиджака и изорвало ее в клочки; и вырвало клочок барабанной перепонки левого уха. Я видел огонь взрыва, но звука уже не слышал, т.к. мгновенно потерял сознание. Не слышал и того, как рушилось зда-

ние – это, по рассказам, длилось довольно долго. Силой взрыва приподняло половину потолка (ближе к окнам); балки внутренней стены вышли из пазов и обрушились на нас, вместе с дровами, печными трубами (ближе к бомбе были разрушены пол, и потолок [упал] в нижний этаж, и свалена наружная стена) и т. д. Когда я стал приходить в себя, то смутно слышал только стоны засыпанных и придавленных. Ближе ко мне потолочные балки стояли [под наклоном], опираясь на наружную стену. Счастье, что, падая, балки не задели моей головы. Я лежал головою к двери на левом боку, верхняя часть туловища на камнях, а ноги и нижняя половина под камнями. Сознание и силы возвращались медленно; наконец, [я] стал откапываться: сбрасывал с себя кирпичи, короткие бревна [...] обломки мебели, куски штукатурки; работа прерывалась усталостью и сильной рвотой; по лицу текла кровь, борода в крови (царапины около виска). Откопал кое-как правую ногу, а в левой – боль ниже колени. Наконец, явилась помощь. Меня откопали, положили рядом с другими на пол в соседней комнате, а затем вынесли на двор, положили на мостовую (без пальто и в одной половинке пиджака), затем на автомобиль и в Кремлевскую больницу. Говорят, что вид у меня был не очень хорош, лицо залито кровью. Отмыли, уложили. Страшный шум в ушах, полное отсутствие сил и все время рвота с кровью (врачи очень опасались, что разорваны внутренности и несколько дней не позволяли подняться с постели). Все-таки через неделю я настоял, чтобы меня выписали из больницы. Я многое стал забывать – особенно имена и названия предметов. Упадок сил и умственной деятельности продолжался всю зиму» [5. Л. 10 с об.–11].

Несколько ранее, 1 апреля 1920 г., М.С. Ольминский отписал брату Н.С. Александрову: «Шесть лет войны, а затем эпидемии сделали меня очень равнодушным к человеческой жизни и смерти – как своей собственной, так и других. В сентябре, во время взрыва, я потерял сознание и не слышал, как рушились вокруг потолок, крыша и проч.; пришел в себя, когда грохот уже прекратился и слышались только стоны. Будучи засыпан глиной и кирпичами, я не мог, конечно, сразу определить своего положения, но первой мыслью было: "Как досадно, что приходится еще сколько-то времени жить! Поскорей был конец!" Думаю, что я уже пожил на свете достаточно и нам, старикам, не жить на свете два века» [5. Л. 8–8 об.].

Однако так думали только старейшие партийцы. Михаил Ольминский собирался помирать и в 1919 г., когда в Кремлевской могиле торжественно закопали гроб с телом Я.М. Свердлова (более торжественно, чем, по мнению правоверного марксиста, это было необходимо), и в 1924 г., когда «похоронили» вождя, сохранив его «нетленное тело». Пепел погибших бил в грудные клетки большевиков-материалистов.

Политзаклученный Надеждин писал в воспоминаниях 1922 г.: «Был тихий вечер, тюрьма жила, сосредоточенно притаившись, как всегда по вечерам. Раздался какой-то взрыв, большинство не придало этому значения, некоторые же насторожились, чересчур знаком был гул. Не прошло и получаса, как раздалась бешеная команда по коридорам: "Запирай все двери, никого никуда не выпускай!" Щелканье затворов, полные коридоры вооруженных солдат, через окно видно, как во двор втягивают пулеметы. Сменивший Ляхина бравый чекист с фронта Марков в полчаса привел в боевую готовность тюрьму, вооружился до зубов, заготовил ручные гранаты и нагнал такую панику, что у бедных тюремных обитателей зуб на зуб не попадал. Через час мы уже через наши связи были в курсе всего происходящего и ждали гадали с замираньем сердца ужасов» [6, с. 339].

Невозвращенец Г.А. Соломон вспоминал позднее, как весть о теракте принес на заседание Коммунистической ячейки 2-го Дома Советов, проходившее «в роскошном белом зале "Метрополя"», один из членов партии: «Резко распахнулась дверь и в нее театрально, как голец в опере, стремительно вошел [взволнованный партиец] и быстро подошел к эстраде. На нем была белая русская рубаха, и на его спине ярко выделялись пятна крови... Появление его сразу же вызвало у настороженной, вечно ждущей какого-нибудь несчастья, публики, движение... Смущенный очередной оратор смолк [на полуслове]. [Опасаясь] паники, в потенциале уже появившейся, я громко предложил оратору продолжать его речь, цыкнул на [...] двинувшихся к выходу и пригласил "вестника" подняться на эстраду» [7, с. 149, 150]. Соломон шепотом спросил, в чем дело. «Я сейчас был на собрании в Леонтьевском переулке, – взволнованным шепотом ответил он, – эсеры (курсив наш. – С.В.) бросили бомбы... масса убитых и раненых... я сам ранен...» Таким образом, изначально большевики подозревали в организации теракта не анархистов, а эсеров, что, кстати, было логично. Соломон, позволив оратору закончить свое выступление, выступил с кратким сообщением о происшествии и закрыл заседание. «По телефону мы узнали подробности, которые я опускаю в виду того, что в свое время это событие было подробно описано и освещено прессой» [7, с. 150], – сообщил далее мемуарист. Однако, судя по всему, о том, что теракт организовали анархисты, Соломон со товарищи не узнали. В «Метрополе» тем временем, как пишет Соломон, началась паника. Пришли и другие свидетели теракта, «которые взволнованно описывали, как произошел взрыв» [7, с. 150]. Коммунисты «разбились по группам, в которых шло тревожное обсуждение события. Около 12 час ночи Коммунистическая ячейка 2-го Дома Советов получила распоряжение МК РКП(б) «всем коммунистам собраться на площадке в вестибюле» и направиться в некий «штаб партии» [7, с. 150]. О каком штабе идет речь в мемуарах, установить не удалось. «Весь "Метрополь" был

в движении и смятении, – вспоминал Соломон. – Ползли самые ужасные слухи. Передавалось, что Москва уже объята восстанием, во главе [с эсерами], движущ[ими]ся с толпами восставших рабочих и красноармейцев в центр города, и пр. и пр... Воображение и фантазия разыгрались... Был даже слух, что в самом Кремле идут схватки, что многие, и в т. ч. Ленин, уже скрылись. На площадке в вестибюле столпились коммунисты, мужчины и женщины. [...] Многие были вооружены. [Стояла] ужасная осенняя погода: шел дождь, улицы почти не были освещены. [...] Пришли в штаб. Долго ждали [...]. [Пожилые люди, молодые прохвосты и женщины] были отпущены. Оставшимся тотчас же были розданы винтовки, и они были посланы для несения патрульной службы. [Около 3 часов ночи забракованные] штабом возвратились в "Метрополь". В вестибюле были учреждены усиленные дежурства членов партии, снабженных винтовками. Дежурили и женщины. Эта тревога продолжалась дня два-три. Среди обитателей "Метрополя" шли, все разрастаясь, самые нелепые слухи о происходящих в городе событиях. Многие собирали [...] свои вещи, чтобы в случае чего было легче бежать... Некоторые прятали свои партийные билеты и извлекали на свет Божий разные старые, времен царизма и Временного правительства, удостоверения и документы. Коммунисты начали забегать к "буржуям", которые стали поднимать головы и в душах которых закопошились надежды. Позже я узнал, что и в [Петрограде], в местах расположения коммунистов, повторялись сцены паники и растерянности. Передавали, что сам "генерал-губернатор" [...] Зиновьев хотел уже бежать, но его удержали. Растерялись кремлевские сановники...» [7, с. 150, 151]. Г.Е. Зиновьев действительно неоднократно был замечен в панических настроениях, однако в это время ему и без взрыва в МК РКП(б) было достаточно поводов для душевного расстройства.

Насколько преувеличили Г.А. Соломон и Надеждин тревогу, охватившую московских партийцев после теракта? Видимо, достаточно серьезно. Однако дыма без огня не бывает. В Кремле же точно паниковали не все. Так или иначе, имело место зеркальное отображение ситуации, сложившейся 30 августа 1918 г.: на фоне всеобщей паники ясный ум и решимость сохранял, по крайней мере, один человек: на этот раз не Я.М. Свердлов, а В.И. Ленин, который тут же написал записку секретарю и члену ЦК, члену Политбюро Н.Н. Крестинскому: «Тайно подготовить террор – необходимо, и [притом] срочно. А во вторник (30 сентября [8, с. 174]. – С.В.) решим: через СНК оформить или иначе (провести через ВЦИК. – С.В.)» [9. Л. 1]. Однако вождь быстро передумал, вместо того чтобы взять инициативу на себя, он решил по традиции переложить всю ответственность на товарищессу по ЦК партии. Не зря наш ведущий «смутовед» В.П. Булдаков заметил в наблюдениях о кадровой политике Ленина, что на Руси для принятия

сомнительных решений самодержцы всегда находили мальчиков для битья.

26 сентября 1919 г. на Пленуме ЦК РКП(б) был первым же пунктом заслушан вопрос «о красном терроре и лозунги для пятничных митингов (пятница как раз приходилась на 26 сентября [8, с. 174], из чего следует, что заседание было утреннее, таким образом обсуждались лозунги, под которыми должны были пройти демонстранты в этот же день. – С.В.)» [10, с. 165]. По старой партийной традиции В.И. Ленин предоставил инициировать весьма опасное политическое решение другому – в данном случае Ф.Э. Дзержинскому. Однако последний, прекрасно зная привычки вождя, ограничился в своем выступлении на заседании ЦК осторожным предложением: «не объявляя официального массового террора», поручить ВЧК провести его «фактически» [10, с. 165]. К счастью, Центральный комитет РКП(б), по горло сытый осенним террором 1918 г., четко постановил: «вчерашнее покушение на собравшихся в Московском комитете не должно отразиться на обычной деятельности ВЧК и ЧК» [10, с. 165]. Кроме того, «в качестве директивы», что прекрасно характеризует ленинскую псевдодемократическую систему, была утверждена следующая резолюция для митингов, которые должны были состояться в этот день: «Заслушав [...] сообщения о попытке контрреволюции уничтожить наших товарищей и представителей районных комитетов, собравшихся в Московском комитете партии, рабочие районов призывают рабочих Москвы и всей России стать грудью на защиту своего дела, дела пролетарской революции. Белогвардейцы (которые к теракту не имели никакого отношения. – С.В.) жадно стремятся восстановить власть помещиков и капиталистов. Чтобы достичь своей цели, чтобы утопить в крови дело рабочих и крестьян, они идут на все средства. Гнусная политика – превратить лучших рабочих-коммунистов в кровавое месиво во славу помещикам и фабрикантам – пусть покажет всем рабочим, что несут белогвардейцы, которым помогают изменники, на которых работают предатели из бывших социалистов (которые также не имели к теракту никакого отношения. – С.В.). Рабочие Москвы над телами предательски убитых товарищей заявляют: тот, кто в этот момент не станет активно в наши ряды на защиту рабоче-крестьянского дела, тот враг рабочего дела, изменник и помощник царских генералов (о том, какое их количество служило в Красной армии, не сообщалось. – С.В.). Вечная память погибшим товарищам! Да здравствует борьба рабочих за укрепление своей власти! Да здравствует Коммунистическая партия! Смерть врагам пролетарской диктатуры!» [10, с. 166–167].

ВЧК образцово справилась с поставленной задачей. По свидетельству Надеждина, вечером 25 сентября, а вернее всего – вечером не 25-го, а днем 26-го, после заседания ЦК РКП(б), «по рассказу коменданта Захарова, прямо с места взрыва [видимо, после заседания

ЦК. – С.В.] приехал в МЧК бледный, как полотно, и взволнованный Дзержинский и отдал приказ – расстреливать по спискам всех кадетов, жандармов, представителей старого режима и разных там князей и графов, находящихся во всех местах заключения Москвы, во всех тюрьмах и лагерях. Так одним словесным распоряжением одного человека [словесным распоряжением, переданным на исполнение одним человеком. – С.В.] обрекались на немедленную смерть многие тысячи людей.

Точно установить, сколько успели за ночь и на следующий день перестрелять, конечно, невозможно, но число убитых должно исчисляться по самому скромному расчету сотнями. На следующий день это распоряжение было отменено вследствие вмешательства ВЦИКа и ЦК РКП.

Из Бутырок 26 сентября утром, часов в 12, была выведена первая партия и отвезена прямо в Петровский парк, где и расстреляна; подвалы ЧК, где обыкновенно расстреливают, были, по-видимому, заняты своей "работой", и для бутырцев не хватало места. В эту первую партию попали [бывший министр юстиции А.А.] Макаров, [князь А.А.] Долгоруков, Грессер и [генерал Н.Д.] Татищев. Макаров до конца сохранил свою твердость. [...] Потом пошли расстрелы пачками, и тут пригодились списки, заготовленные агентами [...] в сравнительно спокойное время. ЧК потребовала от администрации списков по той же данной Дзержинским магической формуле: аристократы, буржуи, министры. [...] Был в одиночке один молоденький конторщик, случайно арестованный при засаде в соседнем с его конторой помещении. Не то случайно не в ту дверь попал, не то зашел позвонить по телефону к соседям и попал в засаду, но он явно был ни к чему не причастным. Однако и его включили [в список]. В эти дни были расстреляны и юноши Коновницыны, привезенные в ЧК из лагеря, где их гоняли на принудительные работы – закапывать трупы расстрелянных на кладбище; погиб и старик [действительный статский советник А.П.] Нарышкин, и [генерал Н.В.] Скрыдлов (брат адмирала) [...] и бесконечная вереница других, менее известных имен» [6, с. 341].

26 сентября 1919 г. Президиум Моссовета образовал для расследования теракта следственную комиссию в составе члена коллегии ВЧК Г.С. Мороза, члена коллегии МЧК А.Г. Глузмана и члена Президиума Моссовета М.И. Рогова [8, с. 173]. В тот же день состоялось специальное заседание Московского губернского исполкома, посвященное «вопросам о белогвардейском заговоре и преступном покушении белогвардейцев 25 сентября». Доклад делал председатель Мосгубисполкома Т.В. Сапронов, который, по всей видимости, и не подозревал, что за терактом стояли анархисты. Так или иначе, были «единодушно приняты резолюции» следующего содержания:

«I. Застрельщица мировой революции Советская Россия в лице Коммунистической партии зажгла мировой пожар коммунизма. Пламя костер его захватывает все новые и новые государства, составляющие оплот господства капитала.

С невероятной яростью бывшие господа положения стараются спасти себя, укрыть свои богатства, сохранить свою власть. Нажимом на фронты и белым террором в тылу, в центре Советской Республики, они хотят затушить пламя коммунизма, раздавить восставших и гордо отстаивающих свои права трудящиеся и обездоленные массы.

Брошенная бомба в заседании ответственных товарищей-коммунистов, является примером ярости и бешенства империалистов всех стран, ощущающих свою близкую гибель (но так до сих пор и не ощутивших. – С.В.). Ужасная агония их должна быть учтена, как момент для полного обезвреживания молодого организма Советской Республики от всяких, подобного рода, посягательств на нее. Пусть грозен будет приговор над теми, кто имеет отношение к этому злодеянию.

Московский губернский исполнительный комитет призывает рабочие и крестьянские массы своей сплоченностью, организованной выдержкой дать почувствовать свою мощь тем, кто стремится встать на пути социалистических завоеваний.

Нет места чувству уныния, смерть павших на славном посту требует самоотверженности. Кровь павших требует возмездия как в тылу, так и на фронте.

II. Отправить Центральному комитету и Московскому комитету РКП, ВЦИК и Московскому совету письмо следующего содержания: "С чувством глубокой скорби Московский губисполком заслушал весть о гибели наших дорогих товарищей, павших на своем революционном посту от предательской руки обессилевшей контрреволюции, посылает вам, товарищи, свое сочувствие, и с[о] своей стороны примет решительные меры к полному уничтожению контрреволюции и торжеству международного коммунизма". [...]

IV. Объявить Московскую губернию на военном положении.

V. Для общего руководства борьбой с врагами контрреволюции, для защиты рабочих и крестьян от белогвардейских [элементов] учредить губернский революционный к[омите]т, которому предоставить широкие полномочия по проведению в жизнь всех необходимых военных мероприятий» [11. Л. 61].

Таким образом, Московская губерния была объявлена на военном положении, в ней создавался орган, цель которого обозначалась как чисто военная, но, несмотря на наступление армии Деникина, очевидно, что второй (неформальной) задачей ставилась зачистка столичного региона.

27 сентября 1919 г. было оформлено постановление Мосгубисполкома об объявлении Московской губернии на военном положении и

об учреждении Московского губернского революционного трибунала (кстати, давно существовавшего) [8, с. 176], наделенного «широкими полномочиями по проведению в жизнь всех военных мероприятий» [8, с. 177].

В тот же день, 27 сентября, Московский комитет РКП(б) объявил партийную мобилизацию кавалеристов с пояснением, что призыву подлежат все большевики-кавалеристы, вне зависимости от занимаемой должности. Все районные комитеты должны были в очередной раз представить списки партийцев, пригодных для военной работы, в т. ч. и руководящей (в революционных комитетах и в качестве военных комиссаров). Судя по тексту, предполагалось проведение совместных массовых операций Московской организацией РКП(б) и органами государственной безопасности, о сути которых в тексте постановления не было сказано ни единого слова. 30 сентября районные комитеты обязывались отчитаться об исполнении постановления на заседании Московского комитета [8, с. 174].

3 октября Е.Д. Стасова, как один из руководителей Секретариата ЦК РКП(б), сообщила на заседании Организационного бюро ЦК, что «почти все телеграммы, поступающие в ЦК из провинции относительно взрыва [...] требуют красного террора». Оргбюро по ее предложению даже поручило Л.Б. Каменеву составить циркулярное письмо с разъяснением причин отказа от возобновления массового красного террора [12. Л. 48]. 4 октября ЦК РКП(б) направил письмо Оренбургскому губернскому комитету РКП(б) с почти дословной цитатой постановления Пленума ЦК от 26 сентября: «совершенное в Москве покушение не должно изменить характера деятельности ЧК. Поэтому просим: террора не объявляйте» [4, с. 184]. Вероятно, аналогичные послания были направлены и в другие местные организации РКП(б).

Для пресечения вакханалии на местах 14 октября 1919 г. в «Известиях ВЦИК» было напечатано письмо, якобы найденное «у одного анархиста». Этот неизвестный писал: «Дело, кажется, подпольных анархистов, с которыми у меня нет ничего общего. У них миллионные суммы. Всем правит один человек, мнящий себя Наполеоном. Они сегодня, кажется, публикуют извещение, что это сделали они» [8, с. 191]. Вместо объявления третьей волны массового красного террора высшим партийным (ЦК) или правительственным (СНК) органом во второй по значимости партийной газете вышли указания по точечной борьбе с потенциальными террористами, причем не всероссийского, а столичного органа партийного руководства (МК): «...руками анархистского подполья белогвардейцы ослабили силы рабочего класса и готовят победу царских генералов. Идеи анархисты, в действительности не желающие помогать восстановлению господства буржуазии, не способны справиться с негодями, пользующимися их знаменами, чтобы служить буржуазии (несмотря на кажущуюся стро-

гость, МК по сути оградил большинство анархистов от расправ. – С.В.). Комитет обороны [гор. Москвы] призывает всех рабочих к особой бдительности по отношению к анархистскому подполью, предписывает усилить надзор за пробирающимися с юга анархистами и немедленно арестовывать и доставлять в МЧК всех тех белогвардейских шпионов, провокаторов и анархистов, которые могут прикрываться ширмой "По-встанческого комитета революционных партизан" для подпольной борьбы с организациями рабочего класса и советской властью» [8, с. 192]. Иными словами, вместо террора предполагалось элементарное повышение бдительности.

20 ноября 1919 г. Пленум ЦК РКП(б) счел необходимым нарочито продемонстрировать «отцу партии» собственное миролюбие: В.И. Ленину было дано поручение указать в докладе на VII Всероссийском съезде Советов, что террор навязали контрреволюция и Антанта [13, с. 72].

То же самое В.И. Ленин вынужденно заявил и на Восьмой всероссийской конференции РКП(б) вечером 2 декабря 1919 г. в политическом отчете ЦК РКП(б). Не собираясь отрицать результаты инициативы Я.М. Свердлова и скрывая собственные отнюдь не светлые идеи и намерения лета 1918 г., В.И. Ленин обратил особое внимание собравшихся на то обстоятельство, что террор был лишь вынужденной, ответной мерой большевиков мировому империализму: «До сих пор больше всего мелкая буржуазия в Европе обвиняла нас в нашем терроризме, в нашем грубом подавлении интеллигенции и обывателя. На это мы скажем: "Все это навязали нам вы, ваши правительства". Когда нам кричат о терроре, мы отвечаем: "А когда державы, имеющие в руках всемирный флот, имеющие в руках военные силы в сто раз больше наших, обрушиваются на нас и заставляют воевать против нас все малые государства, – это не был террор?" – Это был настоящий террор, когда против страны, одной из наиболее отсталых и ослабленных войной, объединились все державы. Даже Германия помогала постоянно Антанте еще с тех времен, когда она, не будучи побеждена, питала Краснова, и до последнего времени, когда та же Германия блокирует нас и оказывает прямое содействие нашим противникам. Этот поход всемирного империализма, этот военный поход против нас, этот подкуп заговорщиков внутри страны, – разве это не был террор? Наш террор был вызван тем, что против нас обрушились такие военные силы, против которых нужно было неслыханно напрягать все наши силы. Нужно было действовать внутри страны со всей настойчивостью, нужно было собрать все силы. Здесь мы не хотели оказаться (и мы решили, что не окажемся) в том положении, в каком оказались соглашатели с Колчаком в Сибири, в каком завтра будут немецкие соглашатели, воображающие, будто они представляют правительство и опираются на Учредительное собрание, а на деле сотня

или тысяча офицеров в любой момент может дать такому правительству по шапке. И это понятно, потому что это офицерство представляет из себя массу обученную, организованную, великолепно знающую военное дело, имеющую в своих руках все нити, превосходно информированную насчет буржуазии и помещиков, обеспеченную их сочувствием... Это показала история всех стран после империалистской войны, и теперь перед лицом такого террора со стороны Антанты мы имеем право прибегнуть к этому террору. Из этого вытекает, что обвинение в терроризме, поскольку оно справедливо, падает не на нас, а на буржуазию. Она навязала нам террор. И мы первые сделаем шаги, чтобы ограничить его минимальнейшим минимумом, как только мы покончим с основным источником терроризма, с нашествием мирового империализма, с военными заговорами и военным давлением мирового империализма на нашу страну» [14, с. 17–18]. То есть после окончательной победы мировой революции.

Сентябрьская вакханалия 1918 г. навсегда разубедила тех, кто в условиях ранения В.И. Ленина стоял в авангарде социальной революции вместе с Я.М. Свердловым, в целесообразности применения террора как радикального способа решения всех проблем. Что нельзя не оценивать позитивно: большевики всегда хорошо учились на собственных ошибках и не позволяли вождю мирового пролетариата забывать о конкретных российских реалиях. И.В. Сталин, лишь наезжавший осенью 1918 г. в Москву из Царицына, и Л.Д. Троцкий, который сразу же после создания Реввоенсовета Республики был отправлен Я.М. Свердловым в армию, сообщениями с мест о реалиях массового красного террора в полном объеме не прониклись. Видимо, это и предопределило взгляды вначале Л.Д. Троцкого, а затем и его победителя И.В. Сталина на вопросы, связанные с коллективизацией и индустриализацией промышленности в СССР. Большинство членов ЦК РКП(б), однако, проявили политическую мудрость и оттянули очередную постановку вопроса о жизни и смерти собственного народа на достаточно длительный по меркам бурного XX в. период.

Список литературы

1. Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2006. – 286 с.
2. Генис В.Л. Рассказывание в Советской России // Вопросы истории. – 1994. – № 1. – С. 42–55.
3. Ф.Э. Дзержинский. Председатель ВЧК – ОГПУ. 1917–1926. – М.: Демократия, 2007. – 872 с.
4. Деятельность Центрального комитета партии в документах (события и факты) // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 3. – С. 183–191.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 91. Оп. 1. Д. 347.
6. Красный террор в Москве: Свидетельства очевидцев / сост. С.В. Волков. – М.: Айрис-Пресс, 2013. – 495 с.

7. Соломон Г.А. Среди красных вождей. – М.: Современник; Росинформ, 1995. – 507 с.
8. МЧК. – М.: Московский рабочий, 1978. – 320 с.
9. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 492.
10. Деятельность Центрального комитета партии в документах (события и факты) // Изв. ЦК КПСС. – 1990. – № 2. – С. 139–179.
11. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 680. Оп. 4. Д. 263.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 9.
13. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 8. – М., 1977.
14. Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г. – М.: Партиздат, 1934. – 293 с.

References

1. *Rat'kovskii I.S. Krasnyi terror i deyatel'nost' VChK v 1918 godu* [Red terror and the activity of the Cheka in 1918]. – SPb., 2006.
2. *Genis V.L. Raskazachivanie v Sovetskoj Rossii* [Raskazachivanie in Soviet Russia] // *Voprosy istorii*. – 1994. – № 1. – S. 42–55.
3. *F.E. Dzerzhinskii. Predsedatel' VChK – OGPU. 1917–1926* [F.E. Dzerzhinsky. Chairman of the Cheka – OGPU. 1917–1926]. – М.: Demokratiya, 2007. – 872 s.
4. *Deyatel'nost' Tsentral'nogo komiteta partii v dokumentakh (sobytiya i fakty)* [Activities of the Party Central Committee in documents (events and facts)] // *Izvestiya TsK KPSS*. – 1990. – № 3. – S. 183–191.
5. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F. 91. Op. 1. D. 347.*
6. *Krasnyi terror v Moskve: Svidetel'stva ochevidtsev* [Red Terror in Moscow: Evidence of eyewitnesses]. – М.: Airis-Press, 2013. – 495 s.
7. Solomon G.A. *Sredi krasnykh vozhdiei* [Among the red leaders]. – М.: Sovremennik, Rosinform, 1995. – 507 s.
8. *MChK*. М.: Moskovskii rabochii, 1978. – 320 s.
9. *RGASPI. F. 2. Op. 2. D. 492.*
10. *Deyatel'nost' Tsentral'nogo komiteta partii v dokumentakh (sobytiya i fakty)* [Activities of the Party Central Committee in documents (events and facts)] // *Izvestiya TsK KPSS*. – 1990. – № 2. S. 139–179.
11. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Moskovskoj oblasti (CGAMO). F. 680. Op. 4. D. 263.*
12. *RGASPI. F. 17. Op. 112. D. 9.*
13. *Vladimir Il'ich Lenin. Biograficheskaya khronika* [Vladimir Ilyich Lenin. Biographical chronicle]. Т. 8. – М., 1977.
14. *Vos'maya konferentsiya RKP(b). Dekabr' 1919 g.* [Eighth Conference of the RCP(b). December 1919]. – М.: Partizdat, 1934. – 293 s.

А.А. Савчук

Была ли сексуальная революция в России в 1920-е гг.? К постановке проблемы

В данной статье поставлен вопрос о том, была ли сексуальная революция в Советской России в 1920-е гг. В исследовательской и популярной литературе экспериментирование в сфере взаимоотношения полов представлены как сексуальная революция, что, на наш взгляд, является некорректным. Если брать за основу модель сексуальной революции, которая произошла в 1960-х гг. в Западной Европе и США, то для нее характерны постиндустриальное общество, инициатива женщин и массовость. Советская Россия в 1920-е гг. оставалась аграрной страной, в которой большинство населения являлось носителями традиционной патриархальной культуры, и, следовательно, не готово было воспринять идеи новых взаимоотношений между полами. Ни один из выделяемых исследователями критериев сексуальной революции не был характерен для Советской России 1920-х гг., что и позволяет сделать вывод о её отсутствии.

Ключевые слова: Советская Россия, гендерная история, 1920-е гг., сексуальная революция, проституция.

A.A. Savchuk

Was the sexual revolution in Russia in 1920th? About the problem

In the article discusses the question about sexual revolution in Russia in 1920th. In researches and in popular literature experiments in the relations between men and women are represented as sexual revolution. However, I strongly believe that new relations between sexes in Soviet Russia in 1920th cannot be called the sexual revolution. If we use as the base the model of sexual revolution of 1960th in Europe and USA we will discover that for this revolution we need the post-industrial society, initiative of women and mass character. In 1920th Russia still was the agrarian country in which the most of people were the bearers of the traditional patriarchal culture. As the result, the society was not ready to grasp the ideas of the new relations between sexes. No one of detailed by researchers criterions of sexual revolution was typical for the Soviet Russia in 1920th which allows to conclude that there was no sexual revolution in this period.

Key words: Soviet Russia, gender history, 1920th, sexual revolution, prostitution.

Восприятие сексуальности в современном российском обществе остается достаточно противоречивым. С одной стороны, достаточно широкое распространение имеют порнофильмы, освещающие интим-

ный аспект отношений между полами, а с другой – данная тема в обществе замалчивается. Говорить о сексе считается неприличным, но в Интернете довольно широко распространены эротические сайты и специфические сайты знакомств, где люди знакомятся со вполне определенной целью – заняться сексом. Отсутствие полового воспитания в семье и школе вкупе с распространением порнографии приводит к тому, что у молодежи формируются искаженные представления о сексуальности, в первую очередь женской. Порнография основывается на сексуальном подавлении и подчинении; это индустрия, где женщина эксплуатируется экономически и сексуально. Порнография убеждает зрителя в том, что все женщины (так как женщина действует в ней от имени своего пола) наслаждаются сексуальным унижением или изнасилованием; что женщина – это не более чем сексуальный объект; что насилие не только сексуально привлекательно, но и легитимно [1, с. 25].

В традиционных сообществах сексуальность, особенно женская, табуирована и жестко контролируется. Существуют обрядовые практики, подчеркивающие несвободу в распоряжении женщиной собственным телом: от китайского бинтования ног до обрезания клитора в странах Африки и арабского мира. Подобные обряды направлены в первую очередь на ограничение женской сексуальности и подчинение женщины законному мужу. В связи с этим сексуальная революция, отстаивающая право женщины на автономную сексуальность, относится к важнейшим условиям установления равноправия между полами.

Сексуальную революцию определяют как следствие и неотъемлемую часть глобальной индустриальной революции, которая затрагивает и один из самых консервативных институтов – брачно-семейный. Выделяются и основные признаки и последствия сексуальной революции:

- стирание двойного стандарта в половой морали;
- отделение сексуальности от функции воспроизводства;
- растущая терпимость к добрачным половым связям;
- усиление открытости сексуальной сферы;
- признание права женщины на обладание собственной сексуальностью и на получение сексуального наслаждения;
- коммерциализация секса [2, с. 89–90] и т. д.

Считается, что сексуальная революция в России происходила приблизительно в то же время, что и в Европе и США, охватив период от кануна Первой мировой войны до начала 1920-х гг. Её движущие мотивы те же, что и в Европе и Америке: протест против ограничений и запретов, налагаемых на область секса традиционной моралью, отрицание общепринятого лицемерия по отношению к сексу [3, с. 167]. Давайте же рассмотрим подробнее, произошла ли сексуальная революция в Советской России в 1920-е гг.

1. Стирание двойного стандарта в половой морали. «Половой вопрос» попал в центр внимания исследователей и публицистов после завершения Гражданской войны. Дезорганизация привычного уклада брачно-семейных отношений, быта и морали вызвала к жизни множество проблем, прямо или косвенно связанных с сексуальностью, что стимулировало многочисленные социальные исследования. Значительное место в исследовании проблем пола занимали сексологические опросы. В половых анкетах 1920-х гг., разработанных, внедренных и обработанных врачами и социологами, затрагивались проблемы разных форм брака, развод, внебрачные связи, средний возраст начала половой жизни, пользование проституцией, репродуктивное поведение (основной упор делался на проблему абортов). Отличительной чертой всех анкетирований был количественный и процентный переко́с в сторону мужской аудитории, вызванный малым количеством студенток в вузах (так, например, у Гельмана (1922) это соотношение 77,9 % к 22,1 %, у Ласса (1928) 77,4 % к 22,6 %) [4, с. 18], а также довольно большой процент молодых людей в возрасте до 25 лет (79,5 % у Гельмана, 72 % у Ласса) [4, с. 20] от общего числа опрошенных.

Итоги данных опросов были напрямую связаны с довольно распространенным в те годы представлением о зависимости чувств и эмоций от воздействия экономической формации. Именно такой подход порождал призывы к молодежи строить новые отношения между полами, основанные на полной свободе в этой области, раскрепощении от предрассудков буржуазной морали, разоблачении любви как чувства, выдуманного буржуазией и ненужного пролетариату. Молодежь, вступавшая в эту область взрослой жизни, оказывалась дезориентирована противоречивыми взглядами приверженцев нового и защитников старого [5, с. 70–71].

Как следствие, в 1920-е гг. меняется возраст вступления в дебютную половую связь юношей и девушек. У юношей (данные приведены по студенчеству) в начале века средний возраст дебюта составлял 17–18 лет, у девушек он в среднем равнялся возрасту вступления в первый брак и составлял по переписи 1897 г. 21,4 года [6, с. 83–84]. В 1926–1927 гг. данные обследований молодежи в центральной части России показали, что начало сексуальной жизни в возрасте до 15 лет отмечалось у 20 % подростков, в возрасте от 17 до 19 лет – у 50 % [5, с. 73–74]. По данным выборочного обследования молодых рабочих Сибири в возрасте 16–17 лет, проведенного в 1926 г., 23,3 % юношей и 8,6 % девушек имели сексуальные отношения, причем до 15 лет первый опыт получили 13,4 % юношей и 11,3 % девушек [5, с. 73].

Таблица 1

Возраст вступления в дебютную связь студентов и рабочих, живших половой жизнью на момент опроса, 1922–1927 гг.

[7; 8, с. 128; 4, с. 98; 9, с. 79–80]

Возраст начала половой жизни	И. Гельман, 1922, 923 студента	В. Клячкин, 1924, 567 студентов	Н. Чучелов, 1927, 83 рабочих	Д. Ласс, 1927, 1602 студента
До 14 лет	74 (7,5 %)	45 (8,4 %)	-----	242 (15 %)
15–16 лет	371 (34 %)	154 (29,8 %)	2	379 (23,8 %)
17–21 год	-----	331 (61,8 %)	81	864 (54,1 %)
Старше 22 лет	-----	37 (7,2 %)	-----	117 (7,1 %)

Что касается студенток, то опрос Гельмана дает лишь общие сведения о вступивших в дебютную связь: из 338 опрошенных женщин жило половой жизнью 180 (53 %) [7]. Работницы уездного города Шуи распределились по возрастам следующим образом: до 16 лет в дебютную связь не вступила ни одна женщина, в 16–22 года – 5 женщин, но при этом 16 женских анкет из 76 не содержали ответа на этот вопрос. Сам автор считал, что причина в открытости опроса и двойном стандарте относительно вступления в добрачную половую связь мужчин и женщин [9, с. 79–81].

Таблица 2

Возраст вступления в дебютную связь студенток и работниц, живших половой жизнью на момент опроса, 1924–1927 гг.

[8, с. 128; 9, с. 98; 4, с. 79–81]

Возраст начала половой жизни	В. Клячкин, 1924, 79 студенток	Н. Чучелов, 1927, 76 работниц	Д. Ласс, 1927, 253 студентки
До 16 лет	5 (6,3 %)	-----	3 (1,2 %)
16–22 года	57 (71,8 %)	5	174 (72 %)
После 22 лет	17 (13,43 %)	Нет данных	68 (26,8 %)

Столь отрывочные данные о начале половой жизни у женщин можно объяснить нежеланием женщин распространяться относительно своей интимной жизни. В то время как для мужчин количество ин-

тимных связей и их более раннее начало являлось признаком мужественности, свободную сексуальную жизнь женщины общество не приветствовало, считая её показателем распущенности женщин. Традиционная мораль, предписывавшая женщине соблюдение невинности до брака и строгую моногамность, продолжала господствовать в обществе, особенно в крестьянской среде.

Новое общество было не готово к признанию интимных отношений как неперенной части жизни. Свободные интимные отношения, выходящие за рамки традиционной морали, в представлении большевиков подлежали регламентации в качестве одного из аспектов новой коммунистической морали, которая требовала:

- изъятия из взаимоотношений полов всякого рода материального или иного расчета;
- уничтожения брачной регламентации, создающей иллюзию обособленности брачной пары от коллектива;
- внушения молодежи (в первую очередь девушкам), что любовь не есть содержание жизни;
- отсутствия ревности;
- отказа от потомства, если существовал риск передачи по наследству какой-либо болезни [10, с. 33–34].

Наиболее радикальными и новаторскими были представления А.М. Коллонтай о необходимости отмены двойных стандартов в отношениях между мужчиной и женщиной, а также убеждение в том, что «половой акт должен быть признан актом не постыдным или греховным, а естественным и законным, как и всякое другое проявление здорового организма, как утоление голода или жажды» [10, с. 31]. Однако «излишества» в интимных отношениях, наряду с воздержанием, должны быть признаны вредными. Косвенно признавая невозможность установить единобрачие или многобрачие как единственно приемлемую форму общения, Коллонтай настаивала на том, что многобрачие ведет к снижению способностей мужчин и женщин к воспроизводству потомства, а потому должно быть признано нежелательным с точки зрения интересов трудового коллектива, заинтересованного в природе здорового населения [10, с. 32]. Во взглядах Коллонтай, наряду с упором на эмоциональный аспект отношений, прослеживается идея биологической целесообразности интимных отношений, развитая впоследствии А. Залкиндом, хотя их точки зрения представлены как прямо противоположные. Коллонтай приписывается упор только лишь на эмоциональную сторону отношений (как пример приводится работа «Дорогу крылатому Эросу!»), Залкинду – фрейдизм и еврические взгляды на взаимоотношения полов. Однако Коллонтай считала, что брачное общение полов может подлежать законодательному регулированию в интересах трудового государства с двух точек зрения: а) в интересах народного здоровья и гигиены расы; б) в интересах приро-

ста или уменьшения народонаселения в зависимости от потребностей народохозяйственного коллектива [10, с. 30].

Эти представления впоследствии и были развиты А. Залкиндом в работе «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата» (1924). Основной мыслью Залкинда, высказанной в данной работе, является допустимость половой жизни «лишь в том ее содержании, которое способствует росту коллективистических чувств, классовой организованности, производственно-творческой, боевой активности, остроте познания и т.д. и т.п.» [11]. Интимные отношения должны быть полностью подчинены интересам воспроизводства здорового потомства и существовать для формирования «революционно-целесообразного» досуга и классово правильных отношений. Всякие «излишества» в интимных отношениях должны, безусловно, осуждаться как путь растраты энергии пролетариата, которой у него не так уж и много. Признавая возможность, в первую очередь для молодых людей, не состоять в браке, Залкинд старался регламентировать и внебрачные отношения. Другим аспектом его «Заповедей» становится укрепление коллективизма, закрепление примата общества над индивидом. Тем не менее «Заповеди» Залкинда были более понятны партии и населению, чем взгляды Коллонтай, воспринятые как призыв к «разврату». «Её мнение, что духовная жизнь человека настолько сложна и обширна, что не может удовлетвориться сожительством с одним, то есть в одно и то же время человеку нужно иметь несколько "сожителей" или "сожительниц". По ученому, это называется, кажется, гетеризмом, а по-нашему, по деревенскому, это называется просто развратом», – писала в «Крестьянку» одна из селькорок [12, с. 7]. Принцип революционной целесообразности в брошюре Залкинда «Революция и молодежь» доходит до того, что вытесняет физиологический аспект влечения. Половая жизнь рассматривается им как социальная, а не как физиологически-личная, соответственно, и побеждать должна классовая целесообразность, а не физиологическая привлекательность. Здесь четко виден перенос структур желания и удовольствия из «физиологически-половой» сферы в пространство социальной активности и идеологической правильности [13, с. 213]. В историографии укрепилось мнение, что в итоге именно идеи Залкинда определяли отношение большевистской партии и Советской власти к сексуальности вплоть до распада СССР.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на все попытки изменить отношение к сексуальным связям и внедрить в сознание женщин представление о естественности полового акта, не произошло того слома в сознании, который привел бы к уничтожению двойного стандарта. Кроме того, навязывание регламентации сексуальных практик автоматически приводило к реставрации двойного стандарта в интимных отношениях.

2. Отделение сексуальности от функции воспроизводства

становится возможным только при широком распространении контрацептивов и абортов. После революции экономическая разруха в сочетании с дезорганизацией брачной жизни и ростом числа беспризорников поставила вопрос о регулировании рождаемости. Так как наладить выпуск контрацептивов в разоренной войной и революцией стране было очень сложно, оставалось легализовать аборт, ставшие к тому времени основным способом избавления от нежелательной беременности. Подпольные аборт производились в условиях полной антисанитарии людьми, зачастую далекими от медицины, самым варварским способом: во влагалище помещался какой-нибудь острый предмет, например, веретено, вязальная спица, гусиное перо или головная шпилька, и производящая аборт принималась наугад тыкать в разные стороны, стараясь попасть в матку и проткнуть плодное яйцо. Бывали удачные случаи попадания через шейку матки внутрь, что вызывало выкидыш. Но чаще вместо матки протыкался мочевого пузырь или кишки, нередко были и случаи сепсиса, прободения матки и застревания крючка или спицы в мочевом пузыре. Врачи приводили печальную статистику: из 100 нелегально абортировавшихся четыре умирали, 80 оставались искалеченными на всю жизнь [14, с. 25]. Выбор в пользу легальных абортов позволил сохранить им если не здоровье и возможность иметь детей, то хотя бы жизнь.

В 1920 г. РСФСР постановлением Народных комиссариатов здравоохранения и юстиции «Об охране здоровья женщин» первой легализовала аборт как частный выбор женщины. В постановлении признавалось, что уголовное преследование женщины, сделавшей аборт, и врача, его произведшего, вынуждает женщин прибегать к помощи непрофессиональных абортистов, что наносит непоправимый вред их здоровью. Согласно законопроекту, допускалось бесплатное прерывание беременности в больнице, запрещалось абортировать кому бы то ни было, кроме врача, акушерка или бабка, произведшие аборт, лишались практики и предавались суду наряду с теми врачами, которые делали операцию из корыстных побуждений [15, с. 475].

К 1924 г. число желающих сделать аборт в больнице выросло настолько, что заговорили об «эпидемическом характере» абортов [16. Л. 2]. Для урегулирования числа желающих сделать аборт были созданы комиссии в составе заведующего подотделом охраны материнства и младенчества, врачей и представителей женотделов. Задачей комиссии было установление очередности производства абортов в больничной обстановке и моральное воздействие на женщину с целью убедить её отказаться от аборта. Последнее, впрочем, удавалось довольно редко.

Вопрос допустимости аборта и права женщины на его производство сложен и неоднозначен, даже спустя почти 100 лет. Дискуссии о том, с какого момента начинается самостоятельная жизнь ребенка – с зачатия или с рождения – не прекращаются до сих пор, и во многих странах аборты недопустимы. Несмотря на все доводы сторонников абортов, искусственное прерывание беременности воспринимается как убийство. Поэтому, на наш взгляд, неправомерно говорить об ограничении права на аборт в 1920-е гг., так как само искусственное прерывание беременности изначально воспринималось в обществе, где подавляющее большинство его членов было носителями традиционной христианской морали, как девиация, а не как неотъемлемое право женщины.

Распространенность абортов, а главное – их негативные последствия для женского здоровья – вызвали к жизни дискуссию о средствах контрацепции. Предупреждение беременности рассматривалось как способ сохранить здоровье женщины, дать ей возможность сознательного материнства. Для изучения и производства максимально безвредных противозачаточных средств с их научной оценкой была создана Центральная научная комиссия по изучению противозачаточных средств при отделе охраны материнства и младенчества наркомата здравоохранения. Ею исследовались как традиционные химические и механические средства, так и разрабатывавшиеся методы временного стерилитета: биологический (ввод эмульсии из сперматозоидов под кожу женщины), облучение репродуктивной системы рентгеновскими лучами (данный способ считался опасным из-за угрозы полной утраты способности к деторождению), внутриматочные методы (когда в матку вводились химические или механические средства).

Основными способами предохранения от беременности считались механические (мужские презервативы и женские влагалищные колпачки), химические (шарики из хинина с добавлением сулемы или борной кислоты, спринцевание влагалища марганцовкой или древесным уксусом, введение особых губок, пропитанных уксусом пополам с водой, жидким формалином или древесным уксусом) [17, с. 16] и прерванный половой акт. Однако последний способ не рекомендовался к применению, так как считалось, что он может привести к тяжелым нервным расстройствам обоих партнеров [14, с. 26].

В первой половине 1920-х гг. контрацептивы не получили должного распространения даже в студенческой среде, открытой к новым веяниям. Так, по данным Государственного института социальной гигиены, использование студентами предохранительных средств выглядело следующим образом.

Применение противозачаточных средств, 1924 г. [18, с. 94]

Пол	Средства					Итого
	Coitus interruptus	Другие противозачаточные средства	Не употребляют никаких средств	Не указано	Вопрос не относится*	
Мужчины	33	72	93	104	39	341
Женщины	11	12	24	72	151	270
Итого	44	84	117	176	190	611

* – не жившие половой жизнью и имевшие случайные сношения.

Аборт оставался единственным более-менее доступным средством предохранения от беременности, которое в то же время не поощрялось властями. Разговоры о необходимости запретить аборты проистекали, во-первых, из убеждений большевиков в том, что в коммунистическом будущем женщина не должна будет ограничивать свой материнский инстинкт (предполагалось, что каждая беременность, сколько бы их ни было, будет заканчиваться родами), а во-вторых, из необходимости более высокого прироста населения в стране победившего пролетариата. Итогом этой политики стало принятие в 1936 г. постановления «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводе», которое разрешало аборты только по медицинским показаниям. Таким образом, сексуальность так и не была в итоге отделена от функции воспроизводства, в обществе надолго укрепилось мнение, что половой акт должен иметь целью рождение ребенка.

3. Растущая терпимость к добрачным половым связям. Замена церковного брака светским привела к тому, что брак перестал восприниматься как таинство и, как следствие, исчезла необходимость сохранения чистоты и непорочности до брака, что также влияет на отношения между полами. Говорить о росте терпимости к добрачным половым связям можно только в отношении женщин, для мужчин этот вопрос не стоял и в дореволюционной России. После революции при сексуальном дебюте у мужчин на первом месте в качестве первой партнерши стояла случайная знакомая (от 50,1 до 65,9 %), у женщин – муж/жених (от 33 до 54,9 %). На втором месте у мужчин стояла прости-

тутка (от 9 до 28,4 %), у женщин – сожитель (от 22,5 до 31,9 %), третье место у мужчин занимала жена/невеста (от 3,7 до 22,6 %), у женщин – случайный знакомый (от 11,3 до 18 %) [19, с. 42]. Таким образом, наблюдалась тенденция к вступлению женщин в дебютную связь с мужем, а мужчин – со случайной знакомой, что можно объяснить большей восприимчивостью мужчин к пропаганде новых идей «свободной любви», довольно популярных в это время. Согласно данным Д.И. Ласса (1927), основными причинами вступления в дебютную связь у мужчин были физиологическая потребность (31,5 %), любопытство (19,4 %) и любовное влечение (13,6 %). У женщин, наоборот, любовное влечение стояло на первом месте (47,3 %), на втором – любопытство (20,2 %), на третьем – физиологическая потребность (13,3 %) [4, с. 107]. Таким образом, мы видим, что для женщин вступление в интимную связь становится возможным в первую очередь с тем партнером, с которым у нее существуют длительные отношения (фактически либо зарегистрированный, либо незарегистрированный союз). Выборка до 18 %, падающая на случайного знакомого, представляется недостаточной для того, чтобы говорить о терпимости к добрачным половым связям.

4. Усиление открытости сексуальной сферы тесно связано с происходившими в обществе процессами трансформации взаимоотношений между полами. Особенностью процесса легитимации сексуальной сферы в Советской России была его заданность партийной властью. Вопрос о том, насколько можно легитимизировать сексуальную сферу, возник в рамках дискуссий о новой коммунистической морали. Лидер большевистской революции В.И. Ленин не одобрял чрезмерное увлечение вопросами пола:

«Мне говорили, что на вечерах чтения и дискуссий с работницами разбираются преимущественно вопросы пола и брака. Это будто бы предмет главного внимания политического преподавания и просветительской работы. Я ушам своим не верил, когда услышал это.... Я не доверяю тем, кто постоянно и упорно поглощён вопросами пола, как индийский факир созерцанием своего пупа. Мне кажется, что это изобилие теорий пола, которые большей частью являются гипотезами, притом часто произвольными, вытекает из личных потребностей. Именно, из стремления оправдать перед буржуазной моралью собственную ненормальную или чрезмерную половую жизнь и выпросить терпимость к себе. Это замаскированное уважение к буржуазной морали мне так же противно, как и любовное копание в вопросах пола» [20].

Особенно волновало Ленина увлечение молодежи вопросами половой морали. «Вряд ли хорошо то, что в эти годы вопросы пола, усиленно выдвигаемые естественными причинами, становятся центральными в психике молодёжи. Хотя я меньше всего мрачный ас-

кет, но мне так называемая «новая половая жизнь» молодёжи, а часто и взрослых, довольно часто кажется чисто буржуазной, кажется разновидностью доброго буржуазного дома терпимости» [20]. Он считал, что молодежь, будучи наиболее активной, революционной и трудоспособной частью общества, не имеет права отвлекаться на малозначащие вопросы пола и тратить на них свою энергию и внимание. В его представлении идеальными отношениями были стабильные моногамные отношения на основе общих интересов. Взаимоотношения мужчины и женщины становятся не их личным делом, а общественно значимым, так как «в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу» [20]. Именно возможность зачатия новой жизни, ценной для Ленина, прежде всего как жизнь будущего строителя коммунизма, переводила отношения между полами в плоскость социальной ответственности, и задавала тон в обсуждении сексуальной сферы. Предполагалось, что выбор партнера теперь зависит от самого человека, однако в отношениях должен был работать принцип взаимной ответственности. Еще одной особенностью данного периода стало то, что непосредственно о сексе практически не говорилось, разговоры велись об отношениях между полами.

Формирование новых отношений между полами в 1920-х гг. неотделимо от имевших место дискуссий о «новой морали», в рамках которых окончательно оформились две точки зрения на взаимоотношения полов – А. Коллонтай и А. Залкинда. Оба они выступали за моногамный союз, основанный на отсутствии ревности и недопустимости передачи потомству наследственных болезней, однако Коллонтай считала, что на пути к этому союзу возможен ряд последовательных половых связей (любовь-товарищество, эротическая дружба [21]), а Залкинд – что недопустима половая жизнь до брака, а выбор партнера должен быть основан в первую очередь на классовой целесообразности [11].

Для подавляющего большинства населения принятие сексуальности было невозможно из-за веками воспитанного убеждения в том, что секс – это постыдно и грязно. Вторая стратегия отвечала интересам не только партии, стремившейся сохранить семью как гарант заботы о детях, но и малообразованного крестьянства, стремившегося пресечь «разврат» среди молодежи. Традиционная крестьянская мораль, в которой не принято было говорить о сексе, осталась доминирующей в деревне, где проживало большинство населения. Свободные интимные отношения воспринимались как угроза стабильности брака и крестьянского хозяйства, которое и в 1920-е гг. оставалось, прежде всего, хозяйственной ячейкой общества. Участвовавшие случаи изнасилования, беспорядочность половых связей и, как их итог, рост числа беспризорников способствовали распространению и доминированию второго подхода.

5. Признание права женщины на обладание собственной сексуальностью и на получение сексуального наслаждения. После практической реализации нового брачного законодательства женщина стала восприниматься не как товарищ, чего добивались большевики, а как сексуальный объект. Свобода развода привела к тому, что мужчины все чаще стали воспринимать брак как нечто, не требующее особых моральных усилий: не понравится – разведусь. В сознании женщин, наоборот, брак по-прежнему оставался важным событием, накладывающим определенные права и обязанности на супругов. Алиментная практика привела к тому, что мужчины стали воспринимать отношения с женщиной в первую очередь как угрозу своему благосостоянию. Следовательно, необходимо было вступить в такие отношения, которые не вели бы к беременности и необходимости выплаты алиментов. Отсюда и активное пользование проституцией, и изнасилования. Оба эти типа «отношений» позволяли не нести ответственности за женщину и могущего родиться у нее ребенка.

В Советской России 1920-х гг. наблюдался рост числа изнасилований, в том числе и групповых, которые не являлись характерным видом преступлений в дореволюционной России, в первую очередь по причине доступности проституции [22, с. 380]. После революции, в 1926 г. только лишь Московским судом было рассмотрено 547 случаев изнасилования; в 1927 г. – 726; в 1928 г. – 849 [23]. В официальной пропаганде тех лет склонность к насилию над женщинами приписывалась врагам-мужчинам, причем это могли быть и женщины его круга [24, с. 626]. Но вскоре пришлось признать наличие насильников и среди класса-гегемона революции. Первым процессом, получившим широкое освещение в центральной прессе, стало украинское дело 10 хулиганов, изнасиловавших девушку. Насильники были преимущественно молодыми рабочими в возрасте от 17 до 22 лет [25, с. 4]. Зачинщик – рабочий Шульгин – получил 10 лет тюрьмы, двое его подельников – Иванов и Барматов – по восемь лет лишения свободы, причем последнему, как несовершеннолетнему, срок был уменьшен на 1/3. Шестеро хулиганов получили шесть лет и один был приговорен к трем годам лишения свободы [26, с. 4]. Однако наиболее запоминающимся процессом, давшим название явлению в целом, было чубаровское дело, а само явление (включавшее в себя впоследствии и нетоварищеское отношение, и хамство, и физическое насилие) получило название по самому громкому делу о групповом изнасиловании – чубаровщины.

Советское общество формировалось под лозунгом гегемонии пролетариата, у мужчин формировалось убеждение в своем праве на обладание властью. В это понятие включалась и власть над женским телом, неосознанное ощущение в праве на привилегии, в частности, решать, когда и с кем заниматься сексом. Женские желания и потреб-

ности при этом совершенно не учитывались. Об этом говорили и художественные произведения, в частности, рассказ П. Романова «Без черемухи». Идеология физической силы и подавления, процветавшая в годы Гражданской войны, не ушла из сознания людей, в первую очередь мужчин. Кроме того, в обществе существовали представления и о постыдности секса, и о недопустимости аборт, и о вреде определенных контрацептивов, что позволяет принять сексуальность и отделить её от функции воспроизводства. В этих условиях не приходится говорить о признании права женщины на собственную сексуальность. Женщина по-прежнему не может распоряжаться своим телом: изнасилования конструируют мужское доминирование и отрицают право на женскую сексуальность.

6. Коммерциализация секса включает в себя много разных аспектов. Это и художественная, и печатная, и видеопродукция эротического содержания, и активная пропаганда разного рода «сексуальных игрушек», и популярные статьи о сексе. Отдельным аспектом коммерциализации секса является проституция.

В годы военного коммунизма профессиональная проституция ушла в подполье, занятие проституцией стало одной из специфических женских стратегий выживания [27]. А. Коллонтай отмечала, что проституция не только не уменьшается, но еще и разрастается, принимая лишь несколько иные формы. Уменьшается профессиональная проституция, но под влиянием тяжелой экономической ситуации растет проституция как подсобный промысел [28, с. 16].

В 1919 г. была создана межведомственная комиссия по борьбе с проституцией, исходившая из того, что проституция тесно связана с капитализмом, и борьба с ней – это борьба с причинами, порождающими её, т. е. с капиталом, частной собственностью и делением общества на классы. Проституция была признана пережитком прошлого, который должен исчезнуть после того, как будет построено социалистическое общество. А. Коллонтай видела в проституции не только источник «физической заразы» (венерических заболеваний), но и подрыв чувства солидарности между рабочим и работницей, низведение женщины до простого орудия наслаждения, что, в свою очередь, тормозит утверждение начал коммунистического общества [28, с. 16].

Проституция была объявлена пережитком капиталистического строя, борьба с проституцией – борьбой с её первопричинами. Основными причинами были признаны: нужда, плохие жилищные условия, ведущие к раннему началу беспорядочной половой жизни, беспризорность, отсутствие трудовых навыков, недостаточная материальная помощь, оказываемая беременным, и, хоть прямо это нигде не указывалось, рост числа разводов. Так, М. Гернет уже во второй половине 1920-х гг. отмечал, что на 10.000 женщин соответствующей возрастной категории приходилось проституток: девиц 3,8, вдов 8,2,

состоящих в зарегистрированном браке 0,8, а разведенных 37,0 [29, с. 88]. Проститутки были поделены на три категории: несовершеннолетние, профессиональные и женщины, для которых проституция являлась подсобным промыслом. Первая и третья категории считались жертвами обстоятельств, и несовершеннолетних проституток изымали в специальные детские учреждения, а к женщинам, подрабатывающим проституцией, применялось моральное воздействие: им разъяснялся вред их занятий. Считалось, что «момент наказуемости проституции как подсобного промысла мог иметь место в том случае, если бы коллектив принял, что *всякий брачный союз*, краткосрочный или длительный, основанный на материальном расчете, подвергается преследованию закона. В переходную эпоху, которую мы переживаем, этого сделать нельзя – следовательно, отпадает наказуемость проституции как подсобного промысла» [28, с. 17]. Иначе обстояло дело с профессиональными проститутками. Они воспринимались как трудовые дезертиры, наносящие своими действиями вред коллективу. Их не могли привлечь к ответственности как проституток, но могли это сделать на общих основаниях со всеми остальными женщинами и мужчинами – *дезертирами труда* [28, с. 16].

К середине 1920-х гг. наметился переход от борьбы с проституцией к борьбе с проституткой. В его основе лежал переход от ошибочного понимания властями проституции только как типа негативного поведения, навязанного индивиду внешней средой, к представлениям о проституции как об аномалии психики. До этого на властном уровне игнорировались социально-психологические основы «проституционной деятельности» [30, с. 16], хотя в сознании обывателей проститутка считалась «паразитом, распространителем заразных болезней, излечение которой стоило государству миллионы рублей» [31. Л. 158]. Уже в 1926 г. совещание наркомов внутренних дел союзных и автономных республик СССР признало необходимым ввести правила, по которым проститутки подвергались бы изоляции в специальных колониях, а также постановило усилить борьбу с притоносодержателями и производить принудительное лечение венерических больных в случае их отказа (что противоречило изначальному заявлению о недопустимости репрессивных мер в адрес проституток).

Итогом стало сворачивание в конце 1920-х гг. системы реабилитации проституток и переход к репрессивным мерам, принятым НКВД. Проституток стали высылать на Соловки и в другие колонии, отправлять на лесоповалы и т. д. Были свернуты все исследования проституции как явления, перестали упоминать о самом наличии проституток. Считалось, что в первом рабочем государстве проституции не существует, хотя, разумеется, это было далеко не так. Профессиональная проституция ушла в подполье, слилась с криминальной средой, но не исчезла: оставались женщины, проституировавшие в силу своего ха-

рактера, или считавшие, что занятия проституцией – это путь к легкой, красивой жизни. Отдельную категорию составляли бывшие беспризорницы, зарабатывавшие телом в годы бродяжничества и так и не освоившие другую профессию.

В 1920-е гг. проституция была одной из стратегий выживания, и только ближе к концу 1920-х гг. наметилась реставрация профессиональной проституции, воспринятой обществом как девиация и порабощение женщины. Общее же число художественной и печатной продукции, посвященной интимным отношениям, было невелико и не оказывало существенного влияния на общество. Подобного рода издания были доступны немногим слоям общества, в первую очередь интеллигенции и нэпманам, подавляющее большинство не было с ними знакомо. Таким образом, мы не можем говорить о коммерциализации секса в 1920-х гг., исключая проституцию, которая ближе к концу указанного периода подвергается репрессиям.

Отличительная черта сексуальной революции в том, что она является следствием и частью глобальной индустриальной революции. Если в обществе не произошла индустриальная революция, то невозможно говорить и о сексуальной революции, так как не произошло разрушение патриархальной семьи, которая в доиндустриальном обществе играет роль хозяйственной единицы и транслирует традиционные моральные нормы и ценности. Советская аграрная Россия в 1920-е гг. оставалась по большей части традиционным обществом, большинство изменений, происходивших в сфере взаимоотношений полов, были инициированы «сверху» и восприняты населением довольно неоднозначно. Впоследствии отказ от новшеств в интимной сфере произошел также «сверху» и не вызвал возмущения среди населения именно потому, что в сознании населения не сформировалось убеждения о правильности и моральности произошедших изменений, что характерно для более поздних революций 1960–1970-х гг. в Западной Европе и США.

Список литературы

1. Ерохина Л.Д. Социальная конструкция сексизма и порнография // Истоки агрессии и недоверия в современном мире. – Владивосток, 2005. – С. 17–27.
2. Анурин В.Ф. Сексуальная революция: двойной стандарт // Социологические исследования. – 2000. – № 9. – С. 88–95.
3. Шаповалов В.Ф. Особенности российской сексуальной культуры. Семья и брак в России // Общественные науки и современность. – 2007. – № 2. – С. 163–173.
4. Ласс Д.И. Современное студенчество (быт, половая жизнь). – М.-Л.: Изд-во Наркомюста, 1928. – 32 с.
5. Исаев В.И. Необычные судьбы обычных людей: советская повседневность в 1920–1930-е гг. – Новосибирск: Параллель, 2008. – 188 с.
6. Денисенко М.Б., Далла Зуанна Ж.-П. Сексуальное поведение российской молодежи // Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 83–87.

7. Гельман И. Половая жизнь современной молодежи. – URL: <http://www.fedy-diary.ru/?p=3431> (дата обращения: 07.06.2011).
8. Клячкин В. Половая анкета среди омского студенчества // Социальная гигиена. – 1925. – № 6. – С. 124–138.
9. Чучелов Н.И. Опыт изучения половой жизни населения путем открытого опроса // Социальная гигиена. – 1928. – № 4. – С. 79–84.
10. Коллонтай А. Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений // Коммунистка. – 1920. – № 12–13. – С. 28–34.
11. Залкинд А.Б. Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата. – URL: <http://www.pseudology.org/health/12zapovedei.htm> (дата обращения: 13.07.2010).
12. Мысли крестьянки // Крестьянка. – 1926. – № 6. – С. 7.
13. Синельников А. Мужское тело: взгляд и желание. Заметки к истории политических технологий тела в России // Гендерные исследования. – 1999. – № 2. – С. 209–219.
14. Д-р Петровская. Как предупредить беременность // Красная сибирячка. – 1926. – № 5. – С. 25–26.
15. Постановление народных комиссариатов здравоохранения и юстиции «Об охране здоровья женщин» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – № 90. – 26 нояб. 1920. – С. 474–475.
16. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-939 – Дальневосточный областной отдел здравоохранения Народного комиссариата здравоохранения РСФСР. Оп. 1. Д. 22.
17. Д-р Отрадинский. Борьба с абортами // Делегатка. – 1926. – № 5. – С. 15–16.
18. Опыт подхода к изучению проблемы пола (Семья, брак, воспитание). Из работ Гос. ин-та социальной гигиены // Социальная гигиена: сб. – 1925. – № 6. – С. 36–111.
19. Голод С.И. Что было пороками, стало нравами. – М.: Ладомир, 2005. – 233 с.
20. Цеткин К. Из записной книжки. – URL: www.hrono.ru/libris/lib_e/cetkin_lenin.php (дата обращения: 07.09.2010).
21. Коллонтай А.М. Дорогу крылатому Эросу! – URL: http://www.tvergenderstudies.ru/pbbk_o00r.html. (дата обращения: 4.03.2009).
22. Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. – СПб.: Дмитрий Булавин, 2008. – 444 с.
23. Грейг О. Комсомол и «Эрос революции». – URL: <http://www.secret-g.net/publish.php?p=106> (дата обращения: 31.05.2010).
24. Котылев А.Ю. «Мальчишка, люби революцию...». Гендерный аспект развития российской культуры 1917–1933 гг. // Гендер и общество в истории / под ред. Л.П. Репиной, А.В. Стоговой. – СПб.: Алетейя, 2007. – С. 621–657.
25. Дело 10 хулиганов. Начало // Правда. – 1926. – № 199. – С. 4.
26. Приговор по делу 10 хулиганов // Правда. – 1926. – № 200. – С. 4.
27. Нарский И.В. «Комплекс мачо», продажная любовь и вкус человечины: гендерные составляющие выживания в русской революции. – URL: <http://library.gender-e.hu.org/hms/uniobject.php?type = article&id=56> (дата обращения: 11.11.2008).
28. Коллонтай А.М. Трудовая республика и проституция // Коммунистка. – 1920. – № 6. – С. 15–17.
29. Гернет М.Н. К статистике проституции // Статистическое обозрение. – 1927. – № 7. – С. 86–89.

30. Панин С.Е. Повседневная жизнь российских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы (на примере Пензенской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пенза: Изд-во Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского, 2002. – 20 с.

31. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-61 – Приморский губернский комитет РКП (б). Оп. 1. Д. 550.

References

1. *Erokhina L.D. Sotsial'naya konstruktsiya seksizma i pornografiya* [The social construction of sexism and pornography] // *Istoki agressii i nedoveriya v sovremennom mire* [The sources of aggression and distrust in the modern world]. – Vladivostok, 2005. – P. 17–27.

2. *Anurin V.F. Seksual'naya revolyutsiya: dvoynoi standart* [The sexual revolution: double standart] // *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. – 2000. – № 9. – P. 88–95.

3. *Shapovalov V.F. Osobennosti rossiiskoi seksual'noi kul'tury. Sem'ya i brak v Rossii* [The peculiarities of sexual culture. The family and marriage in Russia] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social science and contemporaneity]. – 2007. – № 2. – P. 163–173.

4. *Lass D.I. Sovremennoe studenchestvo (byt, polovaya zhizn')* [The modern students (life, sexual life)]. – M.-L.: Izd-vo Narkomyusta, 1928. – 32 p.

5. *Isaev V.I. Neobychnye sud'by obychnykh lyudei: sovetskaya povsednevnost' v 1920–1930-e gg.* [Unusual life of ordinary people: the soviet everyday life in 1920th – 1930th]. – Novosibirsk: Parallel', 2008. – 188 p.

6. *Denisenko M.B., Dalla Zuanna Zh.-P. Seksual'noe povedenie rossiiskoi molodezhi* [The sexual behavior of the Russian young people] // *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. – 2001. – №2. – P. 83–87.

7. *Gel'man I. Polovaya zhizn' sovremennoi molodezhi* [The sexual life of the modern youth]. – URL: <http://www.fedy-diary.ru/?p=3431> (data obrashcheniya: 07.06.2011).

8. *Klyachkin V. Polovaya anketa sredi omskogo studenchestva* [The sexual questionnaire among the students of Omsk] // *Sotsial'naya gigiena* [Social hygiene]. – 1925. – № 6. – P. 124–138.

9. *Chuchelov N.I. Opyt izucheniya polovoi zhizni naseleniya putem otkrytogo oprosa* [The experience of study of people's sexual life by the opinion poll] // *Sotsial'naya gigiena* [Social hygiene]. – 1928. – № 4. – P. 79–84.

10. *Kollontai A. Tezisy o kommunisticheskoi morali v oblasti brachnykh otnoshenii* [The thesis about the communist moral in the marriage relations] // *Kommunistka* [The Communist woman]. – 1920. – №12–13. – P. 28–34.

11. *Zalkind A.B. Dvenadtsat' polovykh zapovedei revolyutsionnogo proletariata* [The twelve sexual commandments of revolution proletariat]. – URL: <http://www.pseudology.org/health/12zapovedei.htm> (data obrashcheniya: 13.07.2010).

12. *Mysli krest'yanki* [The thoughts of the peasant woman] // *Krest'yanka* [The peasant woman]. – 1926. – №6. – P. 7.

13. *Sinel'nikov A. Muzhskoe telo: vzglyad i zhelanie. Zametki k istorii politicheskikh tekhnologii tela v Rossii* [The men's body: the gaze and desire. The notes about the history of political technologies of the body in Russia] // *Gendernye issledovaniya* [The gender research]. – 1999. – №2. – P. 209–219.

14. *D-r Petrovskaya. Kak predupredit' beremennost'* [How to prevent the pregnancy] // *Krasnaya sibiryachka* [The Red Siberian woman]. – 1926. – № 5. – P. 25–26.

15. *Postanovlenie narodnykh komissariatov zdravookhraneniya i yustitsii «Ob okhrane zdorov'ya zhenshchin»* [The decree of people's commissariats of public health

and justice] // *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva* [The collection of laws and orders of the worker's and peasant's government]. – № 90. 26 of November 1920. – P. 474–475.

16. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)* [The State Archive of Khabarovsk Krai]. F. R-939 – *Dal'nevostochnyi oblastnoi otdel zdravookhraneniya Narodnogo komissariata zdravookhraneniya RSFSR*. Op. 1. D. 22.

17. *D-r Otradinskii. Bor'ba s abortami* [The fight with abortions] // *Delegatka* [The Delegate woman]. – 1926. – № 5. – P. 15–16.

18. *Opyt podkhoda k izucheniyu problemy pola (Sem'ya, brak, vospitanie). Iz rabot Gos. instituta sotsial'noi gigieny* [The experience of approach to the study of problems of sex. From the works of the State institute of social hygiene] // *Sotsial'naya gigiena* [Social hygiene]. – 1925. – Sb.№6. – P. 36–111.

19. *Golod S.I. Chto bylo porokami, stalo npravami* [What were vices became customs]. – M.: Lodomir, 2005. – 233 p.

20. *Tsetkin K. Iz zapisnoi knizhki* [From the notebook]. URL: www.hrono.ru/libris/lib_e/cetkin_lenin.php (data obrashcheniya: 07.09.2010).

21. *Kollontai A.M. Dorogu krylatomu Erosu!* [The way to the winged Eros!]. URL: http://www.tverggenderstudies.ru/pbbk_o00r.html. (data obrashcheniya: 4.03.2009).

22. *Lebina N.B. Entsiklopediya banal'nostei. Sovetskaya povsednevnost': kontury, simvoly, znaki* [The encyclopedia of banalities. The Soviet everyday life: contours, symbols, signs]. – SPb.: Dmitrii Bulavin, 2008. – 444 p.

23. *Greig O. Komsomol i «Eros revolyutsii»* [Komsomol and “revolution Eros”]. URL: <http://www.secret-r.net/publish.php?p=106> (data obrashcheniya: 31.05.2010).

24. *Kotylev A.Yu. «Mal'chishka, lyubi revolyutsiyu...». Gendernyi aspekt razvitiya rossiiskoi kul'tury 1917–1933 gg.* [“The boy, love revolution...” The gender aspect of the development of the Russian culture 1917–1933] // *Gender i obshchestvo v istorii* [Gender and society in the history] / Pod red. L.P. Repinoi, A.V. Stogovoi. – SPb.: Aleteiya, 2007. P. 621–657.

25. *Delo 10 khuliganov. Nachalo* [The case or 10 hooligans. The beginning] // *Pravda* [Pravda]. – 1926. – № 199. – P. 4.

26. *Prigovor po delu 10 khuliganov* [The judgement on the case of 10 hooligans] // *Pravda* [Pravda]. – 1926. – № 200. – P. 4.

27. *Narskii I.V. «Kompleks macho», prodazhnaya lyubov' i vkus chelovechiny: gendernye sostavlyayushchie vyzhivaniya v russkoi revolyutsii* [“The complex of macho”, the selling love and the taste of human body: the gender aspects of survival in the Russian revolution]. – URL: <http://library.gender-ehu.org/hms/uniobject.php?type=article&id=56> (data obrashcheniya: 11.11.2008).

28. *Kollontai A.M. Trudovaya respublika i prostitutsiya* [The labor republic and prostitution] // *Kommunistka* [The Communist woman]. – 1920. – № 6. – P. 15–17.

29. *Gernet M.N. K statistike prostitutsii* [About the statistics of prostitution] // *Statisticheskoe obozrenie* [The statistics survey]. – 1927. – № 7. – P. 86–89.

30. *Panin S.E. Povsednevnyaya zhizn' rossiiskikh gorodov: p'yanstvo, prostitutsiya, prestupnost' i bor'ba s nimi v 1920e gody (na primere Penzenskoi gubernii)* [The everyday life of the Russian cities: the drunkenness, prostitution, crime and the fight with them]: *avtoref. diss. na soiskanie uch. st. k.i.n. po spetsial'nosti. 07.00.02 – otechestvennaya istoriya*. – Penza: Izd-vo Penzenskogo gos. ped. un-ta im. V. G. Belinskogo, 2002. – 20 p.

31. *Gosudarstvennyi arkhiv Primorskogo kraya (GAPK)* [The State archive of Primorsky kray]. F. P-61 – *Primorskii gubernskii komitet RKP (b)*. Op. 1. D. 550.

ФИЛОСОФИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(47).084.2

ГРНТИ 02.15.51. Философия человека;

03.23.55. История России новейшего времени

O.R. Demidova (О.Р. Демидова)

Translating the language of (the) Revolution

Статья посвящена широкому кругу проблем, связанных с феноменом культурного перевода, т. е. перевода как толкования явлений и событий внешнего мира на язык индивидуальных и/или коллективных ценностей воспринимающего их субъекта. Непосредственным объектом анализа являются события русской революции 1917 г. и последовавшие за ними, предметом анализа – перевод этих событий на вербальный язык мемуарных текстов и невербальный язык текстов политического плаката, при помощи которых очевидцы и участники событий фиксировали и отображали их на уровне повседневности в вербальных и невербальных текстах. Авторы текстов – участники Белого движения, русские эмигранты первой волны, в своих текстах деконструирующие официальную революционную риторику и миф о революции в соответствии со своими аксиологическими и нравственными установками.

Ключевые слова: революция, переворот, революционная повседневность, Гражданская война, эмиграция, культурный перевод, вербальные и невербальные тексты, мемуары, плакаты, аксиология, культурные и нравственные ценности, деконструкция, ироническое переосмысление-перевертыш.

The article deals with a wide range of problems connected with the phenomenon of cultural translation understood as translating the external phenomena and events into the language of individual and / or collective values shared by the individual perceiving these events. The immediate object of the analysis, i.e., Russian 1917 revolution and the following events, defines its subject – the translation of the said events into the verbal language of memoirs and the non-verbal one of political posters; using these means, the participants of the events reconstructed them on the every-day level. The authors, being Russian first wave emigres who before emigration participated in the White Movement, use their texts to deconstruct the official revolutionary rhetoric and the revolutionary myth in accord with their axiological and moral standpoint.

Key words: revolution, coup, revolutionary every-day life, civil war, emigration, cultural translation, verbal and non-verbal texts, memoirs, posters, axiology, cultural and moral values, deconstruction, ironic reversal.

Any revolution among other things can be treated as a cultural space of myth making, hence producing a certain invariant of a Great Cultural Text consisting of a number of 'smaller' ones coded in accord with the aims and

means of the actors in the 'here and now' format, on the one hand, and in the perspective of the future, on the other. In both cases, the revolutionary rhetoric is based on both verbal (slogans, appeals, talks and speeches, leaflets, newspaper articles, etc.) and non-verbal (the complete paradigm of body language; the natural, cultural and social landscape; 'revolutionary' actions; the existing and constructed mythology, etc.) means, applied in different ways by different acting parties and later on made historically 'legitimate' in memoirs and, finally, scholarship. The task of a memoirist is to secure the image of the event(s) present in his/her memory, the task of a scholar being to (re)interpret this image on the background of other data available on the topic. In the former case, one deals with memory-based (conditioned) translation of the events into a written verbal document and / or a non-verbal text; in the latter, with a retranslation of it into a piece of formal academic writing, both types of the text eventually contributing to further (re/de)construction of the initial 'revolutionary' language. The present paper based on various public and personal sources aims at analyzing 'translations' of the Russian 1917 revolutionary events (both February and October) texts from the radical language(s) of the immediate actors into the ones of Russian first wave émigré community.

Every revolution brings to life its negative double – a counterrevolution, each of them constructing its own myth and deconstructing that of the other party; both myths based on the same events treat them in the perspective of different axiological systems thus each presenting a mirror reflection of the other. To do it, they often use the same verbal and visual images and metaphors translating them into their own language of cultural and moral values and applying the same oppositions of 'the order – the disorder', 'the legal – the illegal (i.e., the revolution – the coup)', 'the national – the international' (the Russian – the Jewish – the Western, etc.), 'the good – the evil', 'the beautiful – the ugly', 'the wonderful – the horrible', 'the hopeful – the disastrous', 'the sacred – the profane', their strategies oscillating between heroization and deheroization, glorification and debunking, victimization and demonization, sacralization and desacralization, hailing and damnation.

February and October in Verbal Texts: Émigré Diaries and Memoirs

The standard revolutionary myth presents the events of the end of February – beginning of March 1917 highly positively, as 'the Spring come true', 'The Great Bloodless Revolution', the turning point in Russian history promising a long-awaited freedom for the people and great liberal future for the country. Emigré memoirists, however, representing all social classes, from the members of the Imperial family to high aristocracy to the military and the Navy to middle class people, also treating the events in the historical perspective as a turning point, regard it negatively, as the period of national shame [1], and as such – the beginning of the end, leading to total chaos and ruin of the country, even though some of them state that "at first no-

body could predict all the tragic consequences with the fatal end” [2, p. 219]. Others, though, from the very start perceived it as “the precipice”, “the abyss”, and “the fatal borderline” [3, p 13; 4, p. 118; 5, p. 17; etc.]. In the third group of texts the presentation of events changes from highly or moderately positive at the first stage of the revolution to ambiguous to totally negative at its following stages. Elena Lakier, in February 1917 a student of Odessa Conservatory, starts with hailing the ‘revolutionary heroism’ and ‘adoring’ Kerensky and eventually comes to deconstructing her former heroes and presenting them as anti-heroes [6, p. 133–144]. Maria Germanova, one of the most famous actresses of the time, recalls that the majority of her colleagues at the Maly Theatre in Moscow were at first ‘quite reserved’ in their assessment of both the spring and autumn events, their reserve turning to ‘deep pessimism’ and feeling cheated and betrayed by the Provisional Government and Kerensky as time went on bringing about more and more disillusioning results. She admits that her own attitude towards Kerensky started as that of admiration, to change into deep disillusionment as things progressed from spring to summer to autumn and none of the major February political figures proved worth of the people’s trust and “displayed not a bit of either heroism and strong will or the wish to sacrifice themselves for the people <...> nothing great, reliable, or sublime we’d expected of them” [7, p. 196–197; here and in all other cases the translation of quoted Russian texts is mine – O.D.].

In most diaries and memoirs, the events are described as the beginning of total anarchy, an outburst of limitless debauchery, the triumph of the wild and senseless element of the rioting masses no one even tried to stop. Countess Bennigsen, a military nurse who had just come back from the front, describes the center of Petrograd on March 2nd as the horrifying chaos of cars rushing to and fro, tightly packed with soldiers armed with guns and red flags, aggressive and altogether very much unlike the soldiers she’d spent the previous three years among. There were also women in the cars, “armed with guns and machine gun cartridge belts, embracing the soldiers, waving red flags, shouting loudly. <...> People in the streets looked frightened; the yardmen were shutting the gates. <...> There were a lot of drunkards and outlaws, too, and something frightening in the air” [8, p. 166]. In fact, the collective image of the revolutionary masses presented in this diary entry is that of individuals who have rejected their individuality for the ‘class solidarity’ as a result having turned into human beings who have lost their humanity in favour of literal and social machinery. Inseparable from their armour and glued to their cars, roaring in unison with them, these ‘lost people’ are a perfect collective metaphor of the so called ‘machine-man’, amoral and non-human, regarded as a sign of the Apocalypse come true.

Valentina Shelepina, a low middle class woman and since 1914 also a front nurse who had come to Petrograd at the beginning of 1917 and

worked in the Hostel for injured soldiers (*Obshezhito uvechnykh voinov*), described those days very much in the same way, all stylistic differences conditioned by social and cultural ones considered. February and October events have contaminated in her consciousness and her memory as some long-term horror, with the old life devastated and all customary civilized norms gone: “There was disorder in the whole city. People were arrested, put to prison, and shot; quite a few never came back home. <...> One couldn’t be out in the street even during the daytime; at night, houses were raided, and there were a lot of arrests, and people never returned. Their fate was prison and execution” [6, p. 16].

The naval officer Boris Bjorkelund recalls February as a mixture of “gun and machine gun shots, roaring and howling of the crowd, singing of revolutionary songs interspersed with shouts ‘Hurrah’, huge crowds on Nevsky”, qualifying the whole thing as “the riot” [9, p. 22–25, 28, 30]. Grand Duke Gavriil writes about “chaos, lawlessness, and the *dictatorship of the masses*”, with shots never stopping and very little idea of who was fighting whom. The city was “*conquered* by criminal gangs wandering around the city and robbing shops and warehouses. At night, they gathered at street corners around fires and amused themselves shouting songs and shooting everyone who dared appear in the streets of the doomed city. They also robbed wine cellars and got drunk. *They felt complete masters of the situation*” [2, p. 239; the italics are mine – O.D.]. The picture presented reads as an acute dramatic allusion to late ancient Rome raided by the barbarians whose aim was ruin, murder, loot, and total destruction of the state of things traditionally perceived as culturally normal. Senseless violence becomes the routine of revolutionary ‘freedom’.

Red and gray are the two predominant colours in these and numerous other accounts, the former being the colour of the illegitimate red flags and blood of the innocent victims, the latter serving as a metaphor of the soldiers’ mass in the streets and their favourite treat – sunflower seed and its skin they spat out onto the pavements. Another omnipresent metaphor is that of dirt and destruction that seemed to have flooded both the capitals as well as provincial places almost overnight. Recalling October in Moscow, for instance, Germanova states that “in a few days, Moscow, our voluptuous beauty, turned into an ugly beggar, as if some revengeful fiend stamped upon its beauty and chastity and crushed them with furious anger” [7, p. 199].

The double metaphor of sacrifice and victim is used quite extensively to deconstruct both the myth of “the great bloodless” (February) and the one of “the liberating socialist” (October) revolutions. Among other things, memoirists juxtapose the revolutionary rhetoric of the funeral of the imaginary “victims” organized by the Petrograd Soviet to the real horror of the slaughter of the policemen and officers in the capitals and the provinces in early March 1917. Bjorkelund gives a complete list of the naval officers killed on

March 3rd – 5th in Petrograd, Kronshtadt, and Helsingfors [9, p. 57–58], while wives and widows of the officers recall those days as “full of the most outrageous horror ever experienced” [10, p. 1–5]. Doctor Lodyzhensky writes of the danger wounded front officers were facing in his hospital in Kiev starting from March [4, p. 118 and the foll]; to add to this account, Princess Vadbol’skaya, the head nurse of the same hospital, describes all the difficulties of supplying those officers with new papers presenting them as soldiers to save their lives [5, p. 17]. Shelepina tells the half dramatic-half detective story of helping numerous officers leave Petrograd after the October coup to save them from arrests, torture, and executions [6, p. 19, 21, 23–25]; Marya Slivinskaya, Colonel Slivinsky’s wife (both of them were members of Vassily Shul’gin’s organization “Azbuka” and are mentioned in his memoirs [11, p. 285, 328]) describes the atrocities in Kiev and Odessa in 1917–1919 [6, p. 74–95, 97–99]; Lakier also recalls the horrors and hardships of life in Odessa after the coup [6, p. 146–158]. Human life seemed to have lost its value, to say nothing of such ‘obsolete’ things as dignity, honour, and Christian feeling of brotherhood. All memoirists describe intentional aggressive dehumanization used by the new regime as the basic every-day strategy to curb any opposition, and the “new revolutionary morality” which from the traditional human point of view was arrogantly immoral.

Mikhail Osorgin in one of the final chapters of his “Kniga o kotsakh (The Book about the Ends)” depicts the post-February return of former political emigres from Europe to Russia, travelling through all the fronts in the infamous ‘sealed carriage’. Osorgin deconstructs both the idea of their long struggle for ‘the proletariat dictatorship’ and the Bolshevik image of Lenin as ‘the most human of the human beings’. The former, to his mind, had been used as a ‘toy’ nobody really believed in, but it was to become the only real remaining thing after the October coup, with those who had struggled for freedom becoming ‘butchers of the people’, their true ideology represented by the figure and deeds of ‘the Simbirsk nobleman’, whom emigres of the next generation would call a villain but who in fact “was nothing of the kind – he just was not human” [12, p. 331–334]. Tyrkova-Williams recalls her conversation with Lenin as early as 1904, when both of them were revolutionaries struggling for freedom, even though belonging to different social circles and political parties. She predicted that after the beginning of the revolution they would all be hanged by the ‘freed’ people; Lenin retorted: “It’s you who’ll be hanged; as for us, we’ll lead the revolution and the people” [13, N. p.].

As is obvious from the above said, the majority of émigré witnesses qualify the February events as a riot, “senseless and merciless”, to quote Pushkin’s famous line; from their point of view, February was the beginning of the end, pushing the country and its people to the precipice [2, p. 109]. The October event, called by the memoirists ‘a coup’ as opposed to ‘the

revolution' of the Bolshevik rhetoric, is unanimously described as the abyss of shame, grief, and hopelessness and the beginning of the Civil war with all its atrocities and tragic outcome.

Visual Texts: Civil War White Armies' Posters

All White armies, anti-Bolshevik parties and counterrevolutionary governments relied heavily on propaganda serving two major aims. One was purely pragmatic – to win the population over to their side thus ensuring the people's support and the source of extra drafting. The other was ideological and hence vital for the former – to deconstruct the enemy's myth of the Great Revolution for the Good of the People presenting it as a set of lies and its 'fathers' as a pack of unlawful impostors caring neither for the people nor for the country but for power with all its benefits. Posters issued by numerous information agencies and news groups abundant in all the armies served as the most convenient propagandist means combining verbal texts with visual images.

The language of the posters is blunt, their meaning quite obvious, alluding to generally recognizable and culturally heavily loaded symbols as well as images and appealing to certain feelings based on certain values. In some cases the general visual idea might be borrowed from that of the enemy's or a third source.

This was the case with the poster "Why Aren't You in the Army?" (Dobrov), issued by the Volunteers' Army in 1919. On the one hand, it was a cultural quotation referring to the famous Italian World War I poster – Luciano Mauzan's "Do Your Civil Duties" (1917); on the other, Dobrov's poster was obviously used as the basis for the most well-known Soviet Civil War poster by Moor "Have You Conscripted?" (1920) (Fig. 1). The target audience and the main political/ideological message of all the three of them is similar: a citizen should do his duty towards the country when the country needs it. The language, though, conditioning the emotional impact, is quite different. The quiet khaki as the base colour of the Italian original and Dobrov's poster vs the aggressive red of Moor's one combined with differences in composition and body-language produce the effect of the persuasive appeal vs the power-loaded demand. "The Winner" (c. 1918, anon.) (Fig. 8) could be regarded as another example of cultural borrowing of the sort: a Bolshevik 'hero' in the center presented as a cruel Oriental-looking savage, his foot on the dead body of the Father / Motherland, with a murdered baby on the right, resembles numerous World War I posters picturing enemies as blood-thirsty monsters.

The values of the Reds and the Whites being radically different, the posters present two opposite texts (that is, two opposite myths), each of them semiotically negating the other even though more often than once using the same concepts and symbols (Mother Russia, the Russian people, etc.), Biblical allusions, Russian historical figures, and relying on the same

strategies, methods and devices. A multilayered synthesis of all the above mentioned as well as the traditional image of the opposite party as the Other, hence – the Enemy, is presented in Ivan Bilibin's classic poster "How the Germans Were Letting Out the Bolshevik onto Russia" (April – July 1917) (Fig. 2). The poster is deconstructing the Bolshevik myth of the Revolution as the natural result of Russian history, that is, a purely Russian 'national' phenomenon meant to save the country and its people, and presenting it as something implanted from without by Russia's worst enemy to ruin the country. Heavily stylized to the Russian folk *lubok* tradition in both the verbal¹ and the non-verbal parts, the poster in many respects sets the paradigm of themes, images, symbols, characters, devices, and techniques for both White and Red posters of the Civil War period.

Ironical (bordering on satirical and grotesque) reversal is one of the most frequent stylistic devices, used in the posters; see, for instance, "Federal Soviet Monarchy" (Omsk, s.a., anon.), "Peace and Freedom in Sovdepia" (OSVAG, 1919, anon.), "Death, Hunger, and Desertion" (1919, anon.), "The Bolshevik Punitive Forces" (Kharkov, 1919, anon.), "What Is Bolshevism Bringing to the People" (A. Kucherov, 1918), "Lenin and Trotsky as Doctors for the Sick Russia" (Rostov-on-the-Don, c. 1918, anon.), "Dashing Work of the Red-International Army" (Argus <A. Gromov>, s.a.) (Fig. 3–5). All of these as well as lots of others deconstruct the Bolsheviks' myth of the aims of the revolution, juxtaposing their promises and propaganda to the true picture of what they really brought to Russia and its people and mocking the official name of the new state and its basic slogans. One of the essential characteristics of the posters is the thoroughly highlighted non-Russian look of the leaders and 'soldiers' of the Soviet rule to stress the foreign / international rather than the national origin of it, as well as its oppressive nature. In the majority of posters, Mother Russia is sadistically tortured and / or cruelly murdered, both literally and metaphorically, by either personalized or collective non-Russian oppressors, uncivilized and non-human. Apocalyptic images are used both as recognizable Christian allusions and visual means of depicting the danger and warning against it.

Trotsky and Lenin (in this order of priority) play the part of the two main villains of the White armies posters; the fact that they were also the main heroes of the Soviet posters makes their images very convenient for com-

---

¹ «На святую нашу Русь / Прилетел заморский гусь: / Полузмея, полуворона, / А на маковке – корона. / Что за чудище сидит, / Воет, свищет и шипит? / И, тараша свои бельма, / "Я орел, – кричит, Вильгельма! / Всех хочу я покорить, / Всех согнуть и раздавить!" / <...> Там у русского народа, / Говорят, теперь свобода. / Ну, так выкинем мы штуку, / Заберем в свои их руки! / Вылезай-ка, большевик, / Подымай в России крик! / Не вели войскам сражаться, / Вели с немцами брататься! / <...> И проклятый большевик / Свое дело сделал вмиг. / Поклонился черной птице, / Смуту сеял, фронт открыл, / Всей России яму рыл».

parative cultural analysis as instances of translating different values by very much the same means even though used in radically different ways (Fig. 7).

In the Whites' poster "Here He is, the one guilty of torture and deaths, the killer of women and children" (c. 1918, anon) two classic cultural artefacts are quite obviously alluded to. The first one is the story of Mefisto, that had brought to life numerous philosophical, literary, pictorial, musical and theatre texts, having become a densely culturally loaded semiotic phenomenon. The second artefact is Vassily Vereshchiagin's world-famous anti-military picture "The War Apotheosis" (1871) ironically 'dedicated' by the artist "to all conquerors – past, present, and future". As a result, this contaminated Mefisto-cum-"The War Apotheosis"- allusion deconstructs the 'sacred' figure of the Soviet pantheon visually desacralizing it.

In the Soviet poster "Trotsky as St George killing the Hydra of the Counterrevolution" (1918) it's the Russian and the all-Christian sacred figure and text that are desacralized and mockingly used to highlight Trotsky's status, power, and omnipresence as a guarantee of the status, power, and omnipresence of the party which he is metonymically used to represent. The strategy of the negative, sacrilegious usage of the story of St George and his heroic deed proved quite productive and as such long-lived in Soviet propaganda: Pamela L. Travers recalls seeing one of its versions in one of smaller chapels of St Basil's Cathedral during her Moscow tour in 1932. It was somewhat changed, though, to match the actual political realia of the time: instead of Trotsky, there is a whole Soviet pantheon, with Lenin in the centre, followed by Stalin, Kalinin, Molotov and Co (14, p. 92–93). From the point of view of cultural translation, this is a clear case of double successive adaptation with all censorship demands followed: first the Christian cultural text is adapted to the reality of the early Soviet period, then the resulting cultural 'product' is adapted to the political situation of the 1930s Soviet Union.

As for true heroes of the White Movement, they were presented in the posters either as abstract non-personal images of typical Russian folk *bo-gatyry*, or in a personalized way, in the form of highly aestheticized portraits of real people (generals, army commanders, officers and soldiers known for their heroism; very rarely – political figures). In the anonymous poster "For Rus'!" (1919) published in Omsk by the Artistic Department of the Commander, that is, Admiral Kolchak (Fig. 6), the hero is depicted as a typical character of a Russian *bylina*, i.e., heroization is based on the appeal to traditional Russian cultural values and folk imagery. In "The Generals' Posters" series published by the Russian Southern Forces (VSUR) in 1919, army commanders are represented in a somewhat Russian folk style with ample verbal texts describing their deeds; see, for instance, the poster showing General Wrangel' as the Caucasian Army Commander (Fig. 9).

What is obvious in these as well as in a lot of other posters is a strategy of triple translation applied to both constructs and readings of the implied message, i.e.:

- 1) the verbal and visual texts mutually 'translate' each other, reciprocally adding to each semiotic layer and making the whole message evident;
- 2) the concepts and symbols are 'translated' to fit into the paradigm of essential values meaningful for each party in a given period of time;
- 3) the values are translated into the language of a certain axiological, cultural, ideological, and political discourse.

Список литературы

1. Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. – СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. – 288 с.
2. «Позорное время переживаем»: Из дневника великого князя Андрея Владимировича / публ. В.М. Хрусталева и В.М. Осина // Источник. – 1998. – № 3. – С. 31–61.
3. Тхоржевский И.И. Последний Петербург: Воспоминания камергера. – СПб.: Издательство «Алетейя», 1999. – 256 с.
4. Лодыженский Ю.И. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 576 с.
5. Вадбольская Н.В. Воспоминания Нины Владимировны Вадбольской // Архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Бахметевский) Колумбийского университета г. Нью-Йорка. Ms Vadbol'skaya. – 42 с.
6. «Претерпевший до конца спасен будет»: Женские исповедальные тексты о революции и Гражданской войне в России / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. О.Р. Демидовой. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 262 с. (Эпоха войн и революций. Вып. 2).
7. Германова М.Н. Мой ларец с драгоценностями: Воспоминания. Дневники. – М.: Русский путь, 2012. – 448 с.
8. Беннигсен Ф.В. Записки // «В мире скорбны будете...». Из семейного дневника А.П. и Ф.В. Беннигсенов / публ., вступит. заметка, примеч. О. Демидовой // Звезда. – СПб., 1995. – № 12. – С. 165–176.
9. Бьёркелунд Б.И. Воспоминания. – СПб: Алетейя; Международная ассоциация «Русская культура», 2013. – 168 с.
10. Дон. Н.С. Мои воспоминания // Архив русской и восточно-европейской истории и культуры (Бахметевский) Колумбийского университета г. Нью-Йорка. Ms Don. – 25+14+17 с.
11. Шульгин В.В. 1917–1919 / предисловие и публикация Р.Г. Красюкова, комментарии Б.И. Колоницкого // Лица: Биографический альманах. 5. – М.: Феникс; СПб.: Atheneum, 1994. – С. 121–328.
12. Осоргин М. Свидетель истории. Книга о концах: Романы. Рассказы / сост., примеч., вступит. статья О.Ю. Авдеевой. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 496 с.
13. Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. – М.: Слово / Slovo, 1998. – 560 с. – URL: <http://mirknig.su/knigi/belletristika/61125-vospominaniya-to-chego-bolshe-ne-budet.html> (дата обращения: 20.05.2017).
14. Трэверс Памела Л. Московская экскурсия. – СПб.: Лимбус-Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2017. – 288 с.

References

1. *Velikii kniaz' Gavriil Konstantinovich. V Mramornom dvortse: Iz khroniki nashei semji* [Grand Duke Gavriil Konstantinovich. In the Marble Palace: From Our Family History]. – SPb.: Izdatel'stvo «Logos»; Düsseldorf: «Goluboi vsadnik», 1993. – 288 p.
2. «*Pozornoe vremja perezhivaem*»: *Iz dnevnika velikogo kniazia Andreja Vladimirovicha / Publ. V.M. Khrustaleva i V.M. Osina* [«We're Living Through Shameful Times» From Grand Duke Andrej Vladimirovich's Diary / Publ. by V.M. Khrustalev and V.V. Osin] // *Istochnik*. – 1998. – № 3. – P. 31–61.
3. *Tkhorzhevskiy I.I. Poslednyi Peterburg: Vospominanija kamergera* [The Last Petersburg: A Chamberlain's Memoir]. – SPb.: Izdatel'stvo «Aleteja», 1999. – 256 p.
4. *Lodyzhenskiy Ju. I. Ot Krasnogo Kresta k bor'be s kommunisticheskim Internatsionalov* [From the Red Cross to the Struggle against the Communist International]. – M.: Airis-press, 2007. – 576 p.
5. *Vadbol'skaya N.V. Vospominanija Niny Vladimirovny Vadbol'skoi* [Nina Vladimirovna Vadbolsky's Memoirs] // *The Archive of Russian and East-European History and Culture (Bakhmeteff), Columbia University, New York. Ms Vadbol'skaya*. – 42 p.
6. «*Preterpevshii do kontsa spasen budet...*»: *Zhenskie ispovedal'nye teksty o revolutsii i grazhdanskoj voine v Rossii / Sostav, podgotovka tekstov, vstupitel'naja statja i kommentarii O.R. Demidovoi* [«He Who Suffered to the End Shall Be Saved»: Female Confessional Texts about the Revolution and Civil War in Russia / Compiled, edited, with a foreword and commentary by O.R. Demidova]. – SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. – 262 p. (Epocha vojn i revolutsij. Vyp. 2).
7. *Germanova M.N. Moi larets s dragotsennostiami: Vospominanija. Dnevnik* [My Jewel Casket: Memoirs. Diaries]. – M.: Russkii put', 2012. – 448 p.
8. «*V mire skorbny budete...*». *Iz semeinogo dnevnika A.P. i F.V. Bennigsenov / Publikatsija, vstupitel'naja statja i kommentarii O.R. Demidovoi* [«You Shall Be Mournful in the World...». From A.P. and F.V. Bennigsen's Family Diary. Publ., with a foreword and commentary by O. Demidova] // *Zvezda*. SPb. 1995. № 12. P. 165–176.
9. *Bjorkelund B.I. Vospominanija* [Memoirs]. – SPb.: Aleteja; Mezhdunarodnaja Assotsiatsija «Russkaja kul'tura», 2013. – 168 p.
10. *Don N.S. Moi vospominanija* [My Memoirs] // *The Archive of Russian and East-European History and Culture (Bakhmeteff), Columbia University, New York. Ms Don*. – 25+14+17 p.
11. *Shul'gin V.V. 1917–1919 / Publikatsija i vstupitel'naja statja R.G. Krasikova. Kommentarii B.I. Kolonitskogo* [1917–1919. Published and with the foreword by R.G. Krasnikov. The commentary by B.I. Kolonitsky] // *Litsa: Biografichesky almanakh*. 5. M.: Feniks; SPb.: Atheneum, 1994. P. 121–328.
12. *Osorgin M. Kniga o kontsakh / Sostav, vstupitel'naja statja i kommentarii O.Ju. Avdeevoi* [The Book about the Ends] // *Osorgin M. Svidetel' istorii. Kniga o kontsakh: Romany. Rasskazy* [A History Witness. The Book about the Ends / Comp., with a foreword and comment. by O.Ju. Avdeeva]. – M.: NPK Intelvak, 2003. – 496 p.
13. *Tyrkova-Williams A.V. Vospominanija. To, chego bol'she ne budet* [Memoirs. What Will Never Be Again]. – M.: Slovo/Slovo, 1998. – 560 p. – URL: <http://mirknig.su/belletristika/61125-vospominaniya-to-cheg0-bolshe-ne-budet.html> (accessed: 20.05.2017).
14. *Travers Pamela L. Moskovskaja ekskursija* [Moscow Excursion]. – SPb.: Limbus-Press, OOO «Izdatel'stvo K. Tublin», 2017. – 288 p.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(470.23-25)"193"-058.14

ГРНТИ 03.23.55: История России новейшего времени (с XX в.)

Т.Ю. Бойкова, Е.В. Никуленкова

Формирование внешнеполитического восприятия мира ленинградских рабочих в 1930-е гг.

Особенности общественного сознания рабочих в годы предвоенных пятилеток определялись сложным многоплановым сочетанием различных факторов: присущими рабочим ментальными чертами, идеологическими установками власти и спецификой социокультурного, политического и международного положения советского общества и государства. Особым направлением воздействия на общественное сознание рабочего класса стало формирование восприятия внешнего мира как мира, наполненного происками враждебных рабочим правительств. Сложившаяся в предвоенные годы агитационно-пропагандистская система должна была учитывать наличие устойчивых стереотипов, преобладание эмоциональных элементов над аналитическими, тягу к упрощенным причинно-следственным связям, к персонификации предметов и явлений для достижения максимального эффекта всех мобилизационных мероприятий власти. Постоянное ощущение жизни в осажденной крепости было сознательно формируемым властью компонентом общественного сознания с целью мобилизации трудовых ресурсов для решения сложных внутренних и внешнеполитических задач.

Ключевые слова: общественное сознание, ментальность, образ врага, мобилизация, трудовые ресурсы, картина мира.

T.Yu. Boykova, E.V. Nikulenkova

Formation of foreign policy perception of the world of Leningrad workers in the 1930s.

The peculiarities of the social consciousness of the workers during the pre-war five-year plans were determined by a complex multifaceted combination of various factors—the mental features inherent in the workers, the ideological attitudes of power, and the specific socio-cultural, political, and international position of Soviet society and the state. A special direction of the influence on the social consciousness of the working class was the formation of the perception of the external world as a world full of intrigues hostile to the workers' governments. The agitation and propaganda system that developed in the prewar years had to take into account the existence of stable stereotypes, the predominance of emotional elements over analytical ones, the craving for simplified cause and

effect relations, and the personification of objects and phenomena in order to achieve the maximum effect of all mobilization measures of power. The constant sense of life in the besieged fortress was a consciously formed power component of public consciousness, with the aim of mobilizing labor resources for solving complex internal and foreign policy tasks.

Key words: Public consciousness, mentality, the image of the enemy, mobilization, labor resources, the picture of the world.

Соответствующие представления о внешнем мире, т. е. о других странах, народах, составляли неотъемлемую часть официальной пропаганды в СССР. Официальная пропаганда была не только причиной, но и следствием мифологизированного восприятия мира, так как в воображении своих создателей она вполне соответствовала реальности, претендуя на то, чтобы демонстрировать и разъяснять массам не столько внешнюю сторону отдельных процессов, происходивших в мире, сколько их глубинную взаимосвязь, причины, особенности, тенденции.

Представления о внешнем мире у рабочих в 1930-е гг. складывались из нескольких информационных блоков [1, с. 106]. Один из них предполагал наличие сведений об истории и культуре того или иного государства. В данном контексте возможности для самостоятельного получения и освоения объективной информации сохранялись. Классическая культура Запада не только не запрещалась, но даже, хотя и с существенными изъятиями, активно пропагандировалась; сохранялись музеи, библиотеки, использовалась литература, вышедшая до революции и в первые послереволюционные годы. Фрагментарность массовых представлений об истории, политических традициях, миропонимании, свойственным иным культурам, в какой-то степени компенсировала художественная литература.

Второй важнейший блок – «политико-информационный» – составляют сведения о политической, социальной, культурной современной жизни других стран. Именно эти сведения должны были играть определяющую роль в создании адекватной картины мира. Однако оба основных канала получения информации, относящейся к данному блоку, а именно система образования и средства массовой коммуникации, находились под жестким контролем. Альтернативных каналов получения информации практически не существовало. Официальная пропаганда оставалась для большинства населения основным источником сведений о внешнем мире.

Можно говорить о достаточно устойчивом наборе стереотипов, сложившихся в советской пропаганде к началу 1930-х гг. Мир изображался разделенным на два полюса: советский – светлый, прогрессивный, справедливый, и западный – загнивающий и враждебный.

Центром мирового зла с середины 1930-х гг. объявлялась нацистская Германия и фашизм.

До прихода Гитлера к власти термин «фашизм» использовался для характеристики всех противников большевиков, причем не только буржуазных партий, но и социал-демократических. В начале 1930-х гг. западные демократии приравнивали к фашизму и считали опасным противником. Это позволяло в упрощенном виде переносить образ врага на конкретное западное правительство и формировало негативную оценку деятельности зарубежных правительств.

Мирный период существования Советского Союза оценивался как своего рода передышка перед грядущими военными испытаниями, преобладала теория «двух лагерей», делившая мир на вражеский, агрессивный лагерь капитализма, и мирный, свободный от эксплуатации лагерь – СССР. В 1930 г., выступая перед делегатами XVI съезда партии, И.В. Сталин отмечал, что существует тенденция подготовки новой интервенции против СССР, приостановить которую можно лишь ростом могущества государства [2, с. 255, 257].

Постоянное ощущение жизни в осажденной крепости, которой представлялась страна, было частью общественного сознания советских людей в 1930-е гг., а факт участия иностранных интервентов в событиях 1918–1920 гг. естественно формировал образ внешнего врага русской революции и, соответственно, советского народа.

С 1933 г. под особым вниманием всей советской пропаганды находилась фашистская Германия. Во внешнеполитической пропаганде появляются новые, антифашистские мотивы, возникшие первоначально как реакция на антисоветскую кампанию, развернутую в Германии после прихода Гитлера к власти. В декабре 1935 г. нарком иностранных дел М.М. Литвинов подал на имя И.В. Сталина секретную записку, в которой предлагал «дать нашей прессе директиву об открытии систематической контркампании против германского фашизма и фашистов» [3, с. 212]. Таким образом, с 1935 г. немецкий фашизм стал рассматриваться как главный источник военной опасности. Многие репрессированные объявлялись японо-немецкими шпионами, мишени в советских тирах имели изображение свастики, враги в оборонных фильмах были одеты в немецкую форму [4, с. 187].

«Новая мировая война ещё не началась, – писал журнал "Большевик", – но уже сложились основные очаги военной опасности: на Дальнем Востоке – в зоне Японии, в Центральной Европе – в зоне Германии» [5, с. 1]. Германский фашизм по характеристике генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г.М. Димитрова выступал «как ударный кулак международной контрреволюции, как главный поджигатель империалистической войны, как зачинщик крестового похода против Советского Союза, важнейшего отечества трудящихся всего мира» [6, с. 4]. В докладе, сделанном в марте 1939 г. на XVIII съезде партии,

И.В. Сталин разделил капиталистическое окружение на страны агрессивные – Германия, Италия, Япония и неагрессивные – Англия, Франция, США. На съезде совершенно определенно говорилось о том, что нашим вероятным противником в будущей войне будет прежде всего, германский фашизм [7, с. 12–13].

Предполагали, что неизбежная будущая война будет кратковременной, потому что потенциальный противник окажется в ситуации борьбы на два фронта: с советскими гражданами и со своими трудящимися, которые тоже являются «гражданами пролетарского отечества». Рассматривалась возможность перерастания оборонительной войны государства в мировую гражданскую войну. При этом ссылались на высказывания И.В. Сталина о том, что в случае войны во вражеском тылу обязательно вспыхнет восстание в помощь Советскому Союзу [8, с. 499]. В угоду вождю все дружно говорили о «непобедимости Красной армии», об «усилении в Германии пролетарских настроений», о том, что внутренние трудности капиталистических стран «подорвут их изнутри». Высоко оценивалась сила международной пролетарской солидарности, боевой спайки трудящихся на защиту СССР, отечества трудящихся всего мира [9, с. 117].

На основе господствовавшего в советской пропаганде классового подхода в общественном сознании был сформирован стереотип немецкого пролетария – друга страны Советов. На СССР возлагалась миссия освобождения «братьев по классу» – трудящихся других стран от буржуазных правительств. Таким образом, в военно-патриотическом воспитании доминировала интернациональная основа. В результате вера в классовую солидарность иностранных трудящихся, не нашедшая своего подтверждения, негативно сказалась на настроениях людей в начальный период войны [9, с. 117].

Характерной чертой советской пропаганды 1930-х гг. было использование теории «легкой победы» над врагом. Тон агитационной работы зачастую был откровенно хвастливым. После выступления наркома обороны К.Е. Ворошилова на митинге в Киеве 16 сентября 1936 г., тезис о борьбе с врагом на его же территории стал официальной точкой зрения [9, с. 117]. В общественном сознании закрепилось утверждение К.Е. Ворошилова о том, что в возможной войне враг потерпит поражение в кратчайшие сроки. Выступая на XVIII съезде ВКП(б), он заявил, что в случае нападения на нас «враг будет накоротке смят и уничтожен» [7, с. 204]. «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-крестьянская Красная армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, перенеся её на территорию противника» [10].

Эта идея культивировалась в печати, произведениях литературы, работах кинематографистов. В предвоенное десятилетие все большую популярность приобретал кинематограф, идеологическая и пропаган-

дистская роль его была велика. На рубеже 1920–1930-х гг. звучали призывы поставить весь кинематограф «под ружье» [11, с. 429]. Киноискусство «должно служить целям мобилизации трудящихся на укрепление обороноспособности СССР» – указывалось в Постановлении ЦК ВКП(б) «О советской кинематографии» 8 декабря 1931 г. [12, с. 371]. «Вопросу кинофикации должно быть уделено крупнейшее внимание» – такова была позиция Управления кинофикации при СНК РСФСР. Власть осознавала возможности этого вида искусства. На протяжении всего десятилетия расширялось кинопроизводство и прокат картин. За 1934–1937 гг. в стране было создано около 150 художественных кинофильмов [13, с. 241].

В начале 1930-х гг. производство советских фильмов стало контролироваться кинокомиссией Оргбюро ЦК ВКП(б), которая утверждала темы фильмов, подбирала сценаристов и режиссеров, осуществляла цензуру и несла ответственность перед вождем. В середине 1930-х гг. И.В. Сталин стал подлинным наркомом кинематографии, определял тематику и задачи этого вида искусства. Будучи частью государственной системы по воздействию на общественное сознание масс, кинопроизводство жестко регламентировалось. В положении о Государственном управлении кинофикации (ГУКФ), принятом 27 мая 1933 г., подчеркивалась необходимость расширения производства оборонных картин. При этом внимание обращалось не только на художественные качества фильмов, но и на их политический уровень [9, с. 119].

В середине 1930-х гг. на экранах страны появляются первые крупные кинематографические работы, раскрывающие военно-патриотическую тему на современном материале. Фильм «Летчики» Ю.Я. Райзмана (1935) запечатлел характерное для того времени стремление к новым высотам и скоростям. Другой оборонной картиной стал «Аэроград» (1935), получивший одобрительные отзывы. Создавая этот фильм, А.П. Довженко по его собственному признанию, стремился выразить свое гражданское и творческое сознание, отдав дань своей великой родине [14, с. 286]. Режиссер был убежден, что «в преддверии новой империалистической войны я сделал фильм, мобилирующий на оборону СССР» [14, с. 306]. «Всякий фильм сейчас не может не быть оборонным, – говорил В.И. Пудовкин в том же году, – всякий фильм должен показывать любовь к родине, к партии, к рабочему классу» [15, с. 68].

На протяжении 1930-х гг. был создан целый ряд фильмов, изображавших ход будущей войны. Перечень «оборонно-художественных» картин начала 1930-х гг. был весьма обширен: «Закат великой империи», «Город под ударом», «Возможно, завтра», «Высота 88,5», «Враг у порога», «Снайпер» и др. Во второй половине десятилетия спрос на них возрос, что отмечалось, в частности, в выступлениях на I Всесоюз-

ном съезде профсоюза кинофотоработников в сентябре 1937 г. Картинами данного ряда стали «Глубокий рейд» (1937) А. Малахова по сценарию Н. Шпанова, «Эскадрилья № 5» (1939) А. Роома по сценарию И. Прута [9, с. 120].

Образ будущей войны, молниеносной и на чужой территории, создаваемый в общественном сознании кинематографом, соответствовал идеологическим представлениям изучаемого периода. Например, герой фильма «Танкисты» (1938, сценарий и режиссура З. Драпкина и Р. Маймана) был послан в обычную разведку, но перевыполнил задание: начал военные действия, добрался до столицы Германии и взял в плен Гитлера. Однополчане, оценивая проведенную операцию, говорят: «Молодец, Карасев, для нас ни черта не осталось» [16, с. 11].

Фильмы призваны были не только воодушевлять советского зрителя, но и предостерегать врагов. Фильмы «Граница на замке» (1937), «Эскадрилья № 5», «Моряки» (1939) показывали войну как мгновенную победу без трудностей и жертв. Очень популярным был кинофильм «Если завтра война» (1938), который повествовал о быстрой, почти бескровной победе Красной армии над врагом. Были показаны танковая атака, лихая кавалерийская рубка, рукопашный бой, высадка воздушного десанта. Материалом для фильма в значительной степени послужили киносъёмки военных парадов и маневров РККА. В рецензии на фильм говорилось: «Ценность фильма в том, что он вызывает чувство советского патриотизма, напоминает об опасности, грозящей нам от фашистов, учит ненавидеть врага» [9, с. 120]. Благодаря пропаганде о сильно преувеличенной мощи Красной армии, формировалось представление о «слабости врага», а война многим советским людям представлялась чуть-чуть опасным героическим действием, в результате которого можно стать героем, сделать быструю карьеру, а главное – ратно послужить Родине.

В общественное сознание внедрялся сверхоптимистический прогноз будущей войны, абсолютизировалась военная мощь страны, боевой потенциал Красной армии. Утверждалось, что ни в одной армии нет таких неисчерпаемых источников командного состава, какие имеет Советский Союз. «Разгромив троцкистов и бухаринцев, – говорил 22 февраля 1938 г. секретарь Ленинградского городского комитета ВКП(б) А.А. Кузнецов на торжественном заседании Ленсовета, ответственности города и представителей Ленинградского гарнизона, посвященном двадцатилетию РККА, – выдвинув новые молодые кадры талантливых командиров, наша Красная Армия и Флот стали еще более сильными, еще более могущественными» [17. Л. 4].

Последовательно внедрялась мысль о превосходстве СССР над потенциальным агрессором. Между тем в среде политработников, военных журналистов росло понимание опасности распространения в сознании общества подобных представлений. В январе 1941 г. в до-

кладной записке секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову, курировавшему вопросы идеологии, начальник Главного управления политической пропаганды Красной армии А.И. Запорожец отмечал, что «многие ... исходят из упрощенного тезиса о том, что мы сильны, капиталисты побоятся на нас напасть..., пропаганда порождает самоуспокоенность, понижает бдительность в отношении противника... Во всей пропаганде, ведущейся в стране, преобладает мирный тон, она не проникнута военным духом, слабо напоминает советскому народу о капиталистическом окружении... Нет трезвой оценки сил Красной Армии, что создаёт вредные настроения "урапатриотизма" и "шапкозакидательства". Воспитание воинского духа у молодежи не поставлено на соответствующую высоту» [18, с. 191–192].

Руководители ВКП(б) понимали, что прежде всего необходимо укрепить армию, подготовить народ к возможным боевым действиям. Красная армия была окружена искренней любовью всего народа, служба в ее рядах считалась воистину почетным долгом и составляла предмет гордости любого военнослужащего. Большим уважением пользовалась сама военная форма. Призывные кампании превращались в настоящие праздники. Так, на призывном пункте № 1 Кировского района состоялась встреча призывников с Героем Советского Союза Е. Федоровым [19, с. 44]. На многих предприятиях Ленинграда в 1930-е гг. проходили митинги, организовывались вечера встреч с командирами и красноармейцами подшефных частей Красной армии, устраивались фотовыставки, рабочие принимали массовое участие в экскурсиях по местам боев Гражданской войны [20]. В этот период повсеместно отмечались отказы призывников от льгот. Например, рабочий Н.И. Чирков пришел в реввоенвоенкомат с женой и попросил аннулировать льготу об отсрочке от призыва. На состоявшемся в начале сентября 1938 г. общегородском собрании призывников выступали ветераны ленинградских предприятий. Выступая перед молодежью, И. Сахаров сказал: «Я 44 года работаю на производстве, 33 – на Кировском заводе. Я счастлив, что воспитал для Родины трех сыновей, которые работают вместе со мной на одном заводе... Сегодня я даю им свой отцовский наказ: будь мужественным защитником нашей цветущей, счастливой Родины» [21].

На авторитет старых рабочих власть постоянно опиралась в воспитании молодежи. В сентябре 1939 г. прошла встреча призывников и ветеранов труда Кировского завода в клубе им. И.И. Газа. Перед молодыми коммунистами выступали ветераны-путиловцы, рассказывая о боевых традициях путиловских рабочих, о комиссаре Иване Газа, о красногвардейских отрядах [22]. Массовая пропаганда военной мощи Красной армии оказывала сильное воздействие на сознание рабочего класса, рождала гордость за Вооруженные силы СССР, вселяла уверенность в их непобедимость. «Там, где будет стоять пограничник-

кировец – никогда не пройти границу нашим врагам, – писал рабочий завода в многотиражку, – Если надо будет, мы отдадим за Родину нашу жизнь» [23].

Весомую роль в повышении обороноспособности страны играло спортивно-физкультурное движение. В апреле 1930 г. был учрежден Всесоюзный совет физической культуры. В постановлении Президиума ЦИК СССР отмечалось, что «интересы обороны страны обязывают максимально использовать физическую культуру для укрепления боевой мощи Красной Армии, для военной подготовки трудящихся» [9, с. 124].

Физкультурная работа ставилась на уровень общегосударственных задач, причем в подготовке физкультурных кадров приоритетное внимание уделялось военно-прикладным видам спорта. В постановлении бюро Ленинградского комитета ВКП(б) от 3 июля 1939 г. «О состоянии массовой физкультурной работы в Ленинграде» рекомендовалось развивать в первую очередь такие виды спорта, как стрелковый, лыжный, рукопашный бой, различные виды нападения и защиты, гимнастику, авто-, мото-, велоспорт и водный спорт [24. Л. 6].

Росту популярности физкультурного движения способствовало проведение большого количества массовых мероприятий: всесоюзных смотров, спартакиад, эстафет, пробегов, пешеходных кроссов с решением тактических задач, стрелковых соревнований, спортивных праздников, «месячников» боевой подготовки, парадов физкультурников [9, с. 124].

В марте 1931 г. был введен всесоюзный комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО), который стал основой массового вовлечения граждан СССР в физкультурное движение. Инициатива его введения принадлежала газете «Комсомольская правда». Соревнования на сдачу норм ГТО быстро набрали популярность (к началу 1940 г. в СССР насчитывалось около 7 млн значкистов) [9, с. 124].

В середине 1930-х гг. в связи с нарастанием международной напряженности ЦК партии и Совнарком СССР определили основные цели организации в Постановлении от 8 августа 1935 г. «Об Осоавиахиме» (Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству), в соответствии с которым важнейшей его задачей являлось военное обучение трудящихся, военно-техническая подготовка молодежи [25, с. 28]. В ноябре 1935 г. были указаны основные направления работы первичных организаций Осоавиахима, которые «под руководством партийных органов должны воспитывать из своих членов передовых сознательных защитников Родины, разъяснять международное положение, активно участвовать в подготовке призывников и допризывников» [26, с. 4–5].

Особенно активно в этом направлении работали коллективы заводов «Красный Октябрь» и им. Н.Г. Козицкого. По решению партийного

комитета на заводе «Красный Октябрь» был введен день военной учебы, проводились занятия с пулеметом, изучались винтовки, профактивисты занимались в кружке ПВХО (противовоздушной и противохимической обороны).

В течение 1938 г. десятки тысяч рабочих ленинградской промышленности участвовали в массовых учениях Осоавиахима. Крупные общегородские учения проводились 11–13 сентября 1938 г. Активное участие в них приняли рабочие команды Кировского, Выборгского, Володарского, Ленинского районов города [27]. Партия требовала от Осоавиахима, чтобы «он системой своих организаций охватил все фабрики и заводы, предприятия, учреждения, учебные заведения и колхозы» [7, с. 199].

В июле 1939 г., обсудив на общегородском митинге предложения о начале соревнования за лучшие результаты в оборонной работе, рабочие «Красного Октября» обратились к трудящимся Ленинграда с призывом поддержать этот почин, приняв активное участие в соревновании. «Мы обязуемся сделать все, – писали они, – для того, чтобы сигнал противовоздушной обороны не застал нас врасплох» [28]. Рабочие «Красного Октября» не просто обещали обучить людей военным специальностям, но брали обязательство «закрепить сознательную дисциплину в Осоавиахиме, по примеру Красной Армии установить четкость в учебе и воспитывать у людей боевой дух воина социалистической родины» [28].

Результатом проведенной работы была подготовка в организациях Осоавиахима до 80 % военнослужащих сухопутных войск и флота и до 100 % авиации. Таким образом, общество играло роль резерва Красной армии. Значимость Осоавиахима в вопросе обороны страны этого периода вытекает из слов И.В. Сталина: «... нужно всемерно усилить и укрепить нашу Красную армию, Красный флот, Красную авиацию, Осоавиахим. Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая "случайность", никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох ...» [29].

Осоавиахиму удалось развернуть в стране подготовку лётчиков, планеристов, авиамodelистов, движение за сдачу норм на оборонные значки «Ворошиловский стрелок», «Ворошиловский всадник», «Готов к ПВХО» и др. Получаемые в осоавиахимовских кружках первоначальные военные знания становились для некоторых, в дальнейшем основой для профессионального военного образования. Некоторым стимулом роста численности организации явился протест против фашизма и его идеологии.

В связи с усилением военной угрозы активизировалась практическая подготовка народа к обороне страны. Население со своей стороны также проявляло заинтересованность в приобретении военных

знаний и навыков. «Я хочу стать хорошим летчиком для того, чтобы если понадобится защищать свою родину от врага, – писал рабочий Кировского завода, – Пусть знают фашистские разбойники, готовящиеся напасть на советскую страну, что по первому зову партии правительства, я, полноправный гражданин, сменю свой станок на боевой самолет» [30].

Народ воспитывался в духе прочной уверенности, что Красная армия готова дать отпор любому агрессору. Иначе и быть не могло, поскольку партийные деятели постоянно говорили об этом. Власть декларировала свою силу, отмечала, что Красная армия перевооружилась, стремясь прикрыть реальное ослабление военного потенциала страны вследствие репрессий. На самом деле, производство новейших образцов оружия и боевой техники только разворачивалось. Н.А. Вознесенский в 1947 г. отмечал: «Война застала советскую военную промышленность в процессе освоения новой техники, массовый выпуск современной военной техники не был еще организован» [31, с. 78]. Вновь сформированные танковые и механизированные соединения были обеспечены лишь на 30 %. Не лучше обстояли дела и в авиационных соединениях. Новых самолетов (как и танков) было очень мало: не более 10–20 % [32, с. 75], не была принята на вооружение знаменитая впоследствии и эффективная по огневой мощи дивизионная ракетная установка «Катюша». Несоответствие предвоенной пропаганды тому, что произошло в действительности летом 1941 г., негативно повлияло на психологическое состояние народа, вызвало растерянность, породило у части населения сомнения в правдивости официальной информации.

Составной частью картины будущей войны является образ врага (противника), который внедрялся в общественное сознание через средства массовой информации, систему политучебь. Но его смысловое содержание не было неизменным в предвоенный период. Существовавшая устойчивая характеристика образа врага – «капиталисты всех стран и их прислужники» – при необходимости дополнялась национальной принадлежностью.

Но по мере того, как Франция и Англия все более склонялись к поиску компромисса с Германией и Италией за счет третьих стран, стремясь не столько обуздать фашистскую агрессию, сколько снизить угрозу своим интересам и сохранить свои позиции в мире, менялись и внешнеполитические планы Советского Союза.

Столкнувшись с тупиковой ситуацией на переговорах с «демократиями» по вопросу создания системы коллективной безопасности, советское правительство было вынуждено пойти на сближение с немцами. В результате 23 августа 1939 г. в Кремле министром иностранных дел Германии И. Риббентропом и председателем Совнаркома СССР, наркомом иностранных дел В.М. Молотовым был подписан

договор о ненападении. Заключение договора пресекло любую общественную, пропагандистскую работу на тему военной угрозы фашизма. Третий рейх перестал выступать в образе врага, теперь поджигателями мировой войны назывались Англия и Франция. В своем выступлении на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. В.М. Молотов подчеркнул, что произошел крутой поворот в отношениях Советского Союза и Германии, на смену вражде пришло сближение и установление дружественных отношений. Далее он указал на необходимость отказа в нашей пропаганде от некоторых «явно устаревших и неприемлемых формулировок» в отношении фашизма [33].

В 1939–1941 гг. был предпринят ряд шагов, которые демонстрировали взаимные симпатии СССР и Германии. Основная часть населения Советского Союза с трудом понимала происходящее, неожиданное сближение с фашистами казалось противоестественным, особенно тем, кто сражался в Испании, антифашистам других стран, живших в СССР. Агитаторы в стране и армии были поставлены в чрезвычайно тяжелое положение. Исчезновение из СМИ осуждения фашизма создавало временами впечатление идеологического примирения с ним. «Что-то тут невозможно было понять чувствами, – отмечал в своих воспоминаниях свидетель событий Константин Симонов. – Может быть, умом – да, а чувствами – нет. Что-то перевернулось и в окружающем нас мире, и в нас самих. Вроде бы мы стали кем-то не тем, чем были; вроде бы нам надо было продолжать жить с другим самоощущением после этого пакта» [34, с. 77].

По указанию И.В. Сталина «в связи с новой международной обстановкой» Главным управлением по контролю за репертуаром и зрелищами в начале 1940 г. было просмотрено и прослушано 13 220 произведений, из которых 4 200 запрещено исполнять и показывать, так как в них выявлены антифашистские мотивы [35, с. 310–311]. По свидетельству германского посла в СССР Ф. фон Шуленбурга «Советское правительство делает все возможное, чтобы изменить отношение населения к Германии. Прессу как подменили. Не только прекратилась все выпады против Германии, но и преподносимые теперь события внешней политики основаны в подавляющем большинстве на германских сообщениях, а антигерманская литература изымается из книжной продажи и т. и.» [36, с. 224–226].

За неделю до начала войны, 14 июня 1941 г., было опубликовано заявление ТАСС, смысл которого сводился к тому, что Германия и СССР неуклонно соблюдают условия пакта о ненападении, ввиду чего слухи о назреваемой войне являются беспочвенными [37]. Но людям было сложно отказаться от оценок фашизма как врага, потому что сама жизнь подтверждала их правильность. Подобные метаморфозы советской пропаганды вносили сумятицу в общественное сознание.

Эйфория от мощи Красной армии получила первый удар во время советско-финляндской войны. Дыхание войны в Ленинграде чувствовалось особенно остро. Город находился в тридцати двух километрах от границы, и его территория была доступна для поражения из дальнобойных орудий, тем более финской авиации.

Война заставила мобилизовать лучшие качества советского народа. «Трудящиеся Ленинграда и области в невиданно короткие сроки осваивали десятки новых производств» [38. Л. 51], – говорилось в резолюции IX областной и VII городской конференции Ленинграда в апреле 1940 г. Фронт требовал оперативности и напряжения технической мысли трудящихся машиностроительных заводов, чтобы наладить производство бронешитков, бронесаней, радиозаводов для усиления средств ПВО и т. д. Вся промышленность города работала в напряженном режиме. На заводах люди сутками не выходили из цехов, изготавливая новые конструкции. «В три-четыре раза сокращались сроки выпуска продукции, – докладывал на партконференции директор Ижорского завода, – за ударную, боевую работу многие ижорцы были награждены орденами» [39. Л. 23].

Полный искреннего чувства патриотизма рабочий класс города Ленинграда всеми силами стремился помочь стране приблизить победу Красной армии. В городе формировались подразделения лыжников, разведчиков, медицинских работников. Только комсомольская организация Кировского района дала фронту триста восемьдесят добровольцев-лыжников, Дзержинский район отправил на фронт триста пятнадцать комсомольцев [19, с. 56].

Таким образом, особенности формирования внешнеполитических представлений у рабочего класса в 1930-е гг. были связаны с условиями его формирования, среди которых следует отметить следующие. Во-первых, сложные внешнеполитические обстоятельства, в которых оказалась страна в рассматриваемый период. Во-вторых, глобальность стоящих перед государством исторических задач, необходимость в условиях нарастания международной напряженности осуществлять модернизацию страны. Глобальный план преобразований был реализован, причем в значительной степени благодаря поддержке масс. В основе энтузиазма советских людей в указанный период лежали идеи советского патриотизма, опиравшиеся на глубоко присущее народу чувство любви к Родине и вбиравшие в себя революционно-социалистические идеалы.

Ожидание грядущей войны, ощущение жизни в осажденной крепости были неотъемлемыми элементами сознания общества. Существовавшие прогнозы относительно характера, хода будущей войны, особенностей противника опирались на официальные установки, в соответствии с которыми военные действия быстро перейдут на территорию врага, победа будет завоевана малой кровью и послужит

нарастанию революционного подъема в общемировом масштабе. Несмотря на то, что ряд представителей военного руководства настаивали на более взвешенных позициях в описании особенностей будущей войны, ситуация в идеолого-пропагандистском плане не менялась.

Список литературы

1. Голубев А.В. Запад глазами советского общества (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // Отечественная история. – 1996. – №1. – С. 104–121.
2. Сталин И.В. Политический отчет ЦК XVI съезду ВКП(б) // Сталин И.В. Сочинения. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. – Т.12. – С. 235–373.
3. Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину 3 декабря 1935 г. // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 2. – С. 211–212.
4. Невежин В.А. «Если завтра в поход...»: подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. – М.: Яуза Эксмо, 2007. – 316 с.
5. Большевик. – 1937. – № 15.
6. Димитров Г.М. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. Статьи и речи. 1935–1939 гг. – М.: Госполитиздат, 1939. – 244 с.
7. XVIII съезд ВКП(б): стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1939. – 742 с.
8. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М.: Партийное издательство, 1933. – 618 с.
9. Бойкова Т.Ю. Общественное сознание ленинградских рабочих в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 199 с.
10. Полевой устав Красной Армии. 1939. (ПУ-39). Проект. – М.: Воениздат, 1939. – URL: [http:// coollib.com/b/308097/read](http://coollib.com/b/308097/read) (дата обращения: 26.11.2017).
11. Пути кино. Первое Всесоюзное партийное совещание по кинематографии. – М.: Эмес, 1929. – 466 с.
12. Постановление ЦК ВКП(б) «О советской кинематографии» 8 декабря 1931 // Коммунистическая Партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – М.: Издательство политической литературы, 1984. – Т. 5. – С. 370–374.
13. Советская культура в реконструктивный период / отв. ред. М.П. Ким. – М.: Наука, 1988. – 603 с.
14. Довженко А.П. Собрание сочинений: в 4 т. – Т. 1. – М.: Искусство, 1966. – 355 с.
15. Пудовкин В.И. Собрание сочинений: в 3 т. – Т. 2. – М.: Искусство, 1975. – 479 с.
16. Бровченко Г.Н. История советского кино. Великая Отечественная война на советском экране. – М.: МГУ, 1982. – С. 71.
17. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 2. Д. 1693. Л. 4.
18. О состоянии военной пропаганды среди населения: из докладной записки Главпура в ЦК ВКП(б). Январь 1941 // Изв. ЦК КПСС. – 1990. – № 5. – С. 191–196.
19. Солдатенков В.Д. Политические и нравственные последствия усиления власти ВКП(б): 1928 – 1941 (июнь). – СПб.: Просвещение, 1994. – 144 с.
20. Правда. – 1938. – 27 января.
21. Ленинградская правда. – 1938. – 4 сентября.
22. Ленинградская правда. – 1939. – 17 сентября.

23. Кировец. – 1937. – 7 января.
24. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 1891.
25. Эйдеман Р.П. Партийное руководство Осоавиахимом // Партийное строительство. – 1936. – № 4.
26. Бюллетень ЦС Осоавиахима СССР. – 1935. – № 3. – С. 4–5.
27. Ленинградская правда. – 1938. – 14 сентября.
28. Ленинградская правда. – 1939. – 11 июля.
29. Сталин И.В. Ответ тов. Иванову И.Ф. // Правда. – 1938. – 14 февраля.
30. Кировец. – 1937. – 10 января.
31. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М.: Госполитиздат, 1947. – 192 с.
32. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. – Кн. 1. – М.: Наука, 1989. – 425 с.
33. Правда. – 1939. – 1 ноября.
34. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о Сталине. – М.: Книга, 1990. – 419 с.
35. Горов В.Я., Самсонов А.М. 1941-1945: на подступах к истине // Историка спорят: Тринадцать бесед. – М.: Политиздат, 1988. – С. 304–334.
36. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Воспоминания: в 3 т. – М.: Советский писатель. 1990. Т. 2. – 448 с.
37. Правда. – 1941. – 14 июня.
38. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 2460.
39. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 2465.

References

1. Golubev A.V. *Zapad glazami sovetskogo obshchestva (Osnovnye tendencii formirovaniya vneshnepoliticheskikh stereotipov v 30-h godah)* [The West through the eyes of Soviet society (Main trends in the formation of foreign policy stereotypes in the 1930s)] // *Otechestvennaya istoriya* [Otechestvennayaistoriya]. – 1996. – №1. – P. 104–121.
2. *Stalin I.V. Politicheskij otchet CK XVI s"ezdu VKP(b)* [Political Report of the Central Committee to the Sixteenth Congress of the CPSU (B.)] // Stalin I.V. *Sochineniya*. [Stalin IV. Compositions]. – М.: State Publishing House of Political Literature, 1949. – V. 12. – P. 235–373.
3. *Zapiska M.M. Litvinova I.V. Stalinu 3 dekabrya 1935 g.* [Stalin on December 3, 1935] // *Izvestiya CK KPSS* [News of the Central Committee of the CPSU]. – P. 211–212.
4. *Nevezhin V.A. «Esli zavtra v pohod...»: podgotovka k vojne i ideologicheskaya propaganda v 30-h – 40-h godah* ["If tomorrow is a campaign ...": preparation for war and ideological propaganda in the 30s – 40s.]. – М.: YauzaEksmo, 2007. smo, 2007. – 316 p.
5. *Bol'shevik* [The Bolshevik]. – 1937. – № 15.
6. *Dimitrov G.M. V bor'be za edinyj front protiv fashizma i vojny. Stat'i i rechi. 1935–1939 gg.* [In the struggle for a united front against fascism and war. Articles and speeches. 1935–1939 years]. – М.: Gospolitizdat, 1939. – 244 p.
7. *XVIII s"ezd VKP(b). Stenograficheskij otchet* [XVIII Congress of the CPSU (b). Verbatimreport]. – М.: Gospolitizdat, 1939. – 742 p.
8. *Stalin I.V. Voprosy leninizma* [Questions of Leninism]. – Moscow: Party Publishing House, 1933. – 618 p.
9. *Bojkova T.YU. Obshchestvennoe soznanie leningradskih rabochih v gody predvoennyh pyatiletok (1928–1941 gg.)* [Public consciousness of the Leningrad work-

ers in the years of the pre-war five-year plans (1928–1941)]. *Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk*. St. Petersburg: Leningrad State University. A.S. Pushkin. – 199 p.

10. *Polevoj ustav Krasnoj Armii. 1939* [Field Charter of the Red Army. 1939]. (PU-39). Project. – Moscow: Military Publishing, 1939. URL: <http://cool-lib.com/b/308097/read> (reference date: 26.11.2017).

11. *Putikino. Pervoe Vsesoyuznoe partijnoe soveshchanie po kinematografii* [Ways of cinema. The First All-Union Party Conference on Cinematography]. – Moscow: Emes, 1929. – 466 p.

12. *Postanovlenie CK VKP(b) «O sovetskoj kinematografii» 8 dekabrya 1931* [Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) "On Soviet Cinematography" December 8, 1931] // *Kommunisticheskaya Partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1986)* [Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. – M.: Publishing house of political literature, 1984. T. 5]. – P. 370–374.

13. *Sovetskaya kul'tura v rekonstruktivnyj period* [Soviet culture in the reconstructive period]. Otv. Ed. M.P. Kim. Moscow: Nauka, 1988. – 603 p.

14. *Dovzhenko A.P. Sobranie sochinenij*. V 4 tt. [Collected works. In 4 vols.] – V. 1. Moscow: Art, 1966. – 355 p.

15. *Pudovkin V.I. Sobranie sochinenij*. V 3 tt. [Collected works. In 3 vols.] – T. 2. Moscow: Art, 1975. – 479 p.

16. *Brovchenko G.N. Istoriya sovetskogo kino. Velikaya Otechestvennaya vojna na sovetskom ehkrane* [The history of Soviet cinema. The Great Patriotic War on the Soviet screen]. – Moscow: MSU, 1982. – P. 71. – M.: MGU, 1982. – S. 71.

17. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (CGAIPD SPB). F. 25. Op. 2. D. 1693.

18. *O sostoyanii voennoj propagandy sredi naseleniya. Iz dokladnoj zapiski Glavpura v CK VKP(b). YAnvar' 1941* [On the state of military propaganda among the population. From the memorandum of Glavpur to the Central Committee of the CPSU (b). January 1941] // *Izvestiya CK KPSS* [Proceedings of the Central Committee of the CPSU]. – 1990. – № 5. – P. 191–196.

19. *Soldatenkov V.D. Politicheskie i npravstvennye posledstviya usileniya vlasti VKP(b): 1928–1941* [Political and moral consequences of strengthening the power of the CPSU (B.): 1928–1941 (June)]. – SPb.: Education, 1994. – 144 p.

20. *Pravda* [True]. – 1938. – 27 January.

21. *Leningradskaya pravda*. – 1938. – 4 sentyabrya [The Leningrad truth. 1938. September 4th.]

22. *Leningradskaya pravda*. – 1939. – 17 sentyabrya [The Leningrad truth. 1938. September 17th.]

23. *Kirovec*. – 1937. – 7 yanvarya [Kirovets. 1937. 7 January]

24. *CGAIPD SPB. F. 25. Op. 2. D. 1891*.

25. *EHjdeman R.P. Partijnoe rukovodstvo Osoviahimom* [Party leadership of Osoviakhim] // *Partijnoe stroitel'stvo* [Party building]. – 1936. – № 4.

26. *Byulleten' CS Osoviahima SSSR* [Bulletin of the Central Osoviahima of the USSR]. – 1935. – № 3. – P. 4–5.

27. *Leningradskaya pravda*. – 1938. – 14 sentyabrya [The Leningrad truth. 1938. 14 September].

28. *Leningradskaya pravda*. – 1939. – 11 iyulya [The Leningrad truth. 1939. 11 July].

29. *Stalin I.V. Otvet tov. Ivanovu I.F.* [Reply comrade. Ivanov IF] // *Pravda* [The True]. – 1938. – 14 fevralya.
30. *Kirovec.* – 1937. [Kirovets. 1937. 10 January].
31. *Voznesenskij N.A. Voennayaehkonomika SSSR v period Otechestvennojvojny* [Military economy of the USSR during the Patriotic War]. – Moscow: Gospolitizdat, 1947. – 192 p.
32. *Volkogonov D.A. Triumfitragediya. Politicheskijportret I.V. Stalina. V 2 kn. Kn. 1.* [Triumph and tragedy. Political portrait of I.V. Stalin. In 2 books. Book. 1]. – Moscow: Nauka, 1989. – 425 p.
33. *Pravda.* – 1939. – 1 noyabrya [True. 1939. November 1].
34. *Simonov K.M. Glazami cheloveka moego pokoleniya. Razmyshleniya o Staline.* [Through the eyes of a man of my generation. ReflectionsonStalin]. – Moscow: The Book, 1990. – 419 p.
35. *Gorov V.YA., Samsonov A.M. 1941–1945: na podstupah k istine* [1941–1945: on the approaches to truth] // *Istoriki sporyat: Trinadcat' besed.* [Historians argue: Thirteen conversations]. – Moscow: Politizdat, 1988. P. 304–334.
36. *EHrenburg I.G. Lyudi, gody, zhizn'. Vospominaniya. V trekhtomah.* [People, years, life. Memories. Inthreevolumes]. – Moscow: Sovietwriter. 1990. T. 2. – 448 p.
37. *Pravda. 1941. 14 iyunya* [Truth. 1941. June 14th.].
38. *CGAIPD SPB. F. 25. Op. 2. D. 2460.*
39. *CGAIPD SPB. F. 25. Op. 2. D. 2465.*

Е.А. Окладникова

Образ времени в общественном сознании сельских жителей Ленинградской области

В статье представлены результаты пилотажного социологического исследования, проведенного автором в 10 населенных пунктах Ленинградской области (пос. Сельцо, д. Оржицы, д. Котлы, д. Монастырьки, пос. Лаглово и др.) в период 2014–2017 гг. Предмет исследования – сравнительный анализ представлений горожан (жителей СПб, Павловска, Пушкина) и сельского населения об историко-культурной компоненте образа места жительства и об образах поколений. Цель исследования – изучение особенностей влияния повседневных представлений об истории территории проживания, личной истории горожан и сельских жителей на структуру и качество их социального капитала. Исследования проводилось качественными социологическими инструментами – методом нарративного интервью. В результате исследования был выявлен постконфигуративный тип сообществ сельских жителей и преконфигуративный тип сообществ городских жителей. Также была выявлена прямая зависимость таких индикаторов социального капитала, как интенсивность «социальных сетей», «уровня доверия к власти» и «содержания ценностных установок» сельского населения от уровня образования, национально-го аспекта общественного сознания, плотности и половозрастного состава.

Ключевые слова: социокультурный ландшафт, образ жизненного пространства, деревенское сообщество, символика образа места, нарративное интервью.

Е.А. Okladnikova

Image of time in public consciousness of rural residents of the Leningrad region

The report presents the results of the pilot sociological survey conducted by the author 10-year-towns of the Leningrad region (Orjizi, Kotli, Monastirki, Lagolovo and etc.) in the period 2014-2017, the subject of the research: comparative analysis of the views of citizens (residents of St. Petersburg, Pavlovsk, Pushkin) and the rural population about the historical and cultural component of the image of the place of residence and images of the generations. The purpose of the study: the study of peculiarities of the influence of everyday conceptions about the history of area of residence, personal history of urban and rural residents on the structure and quality of their social capital. The research was conducted qualitative sociological tools: the method of narrative interview. The study was revealed postconfiguration type of communities are rural and preconfigurations the type of community urban residents. There was also a direct correlation of these indicators of social capital as the intensity of the "social networking", "level of confidence in the government" and "content values" of the rural population by level of education, the national aspect of the public consciousness, density and sex / age composition.

Key words: socio-cultural landscape, way of living space, the village community, the symbolism of the image space, narrative interviews.

Хронотоп как единство пространства/времени прореживается людьми всей гаммой ощущений: физических, эмоциональных, ментальных и др. Через ощущения пространств как географической, так и социальной реальностей люди активно осмысливают своё бытие. Поэтому географические (социально-естественные), хозяйственные (социально-культурные), социальные (социально-исторические) ландшафты всегда наполнены смыслами. Работа человеческого сознания по когнитивному освоению пространств/осмыслению хронотопа всегда была формой борьбы человеческого сознания с «неосознанностью происходящего».

Целью нашего пилотажного исследования 2017 г. в поселке Лаголово Ломоносовского района Ленинградской области было выявление смысловых символических категорий метафорического характера, с помощью которых жители Лаголовского поселения создают когнитивную карту своего места жительства. Эта когнитивная карта включала в себя как представления лаголовцев о пространстве своего обитания, так и их представления о социальном, т. е. историческом времени. Почему мы взялись за разработку этой темы? Дело в том, что мы вслед за теоретиками школы Анналов, гуманитарными географами, культурными антропологами полагаем, что существует тесная связь между интерпретациями пространства и описаниями общества, обитающего в границах этого пространства. Одной из базовых характеристик любого общества является спланирующая его членов историческая память. Поэтому, кроме изучения образа Лаголовского общества, отраженного в зеркале восприятия его членов, нас волновал вопрос: состоит ли современное общество Лаголовского поселения из «Иванов, не помнящих родства», или из людей, свято чтящих традиции предков.

Мы приступили к пилотажному социологическому исследованию, исходя из следующих идей. Во-первых, согласно нашей исследовательской гипотезе, символические образы места их жительства, исторических событий, образы поколений их предков, т. е. образы хронотопа, сформулированные жителями Лаголово во время интервью, воспроизводят их когнитивные карты Лаголовского социокультурного ландшафта – предмета, на котором был сосредоточен фокус нашего исследования. Во-вторых, полученный в ходе исследования опыт может быть экстраполирован на аналогичные населенные пункты обжитых территорий Ленинградской области. В-третьих, ментальная деятельность такого типа, как ментальное картографирование, может быть полезна для членов Лаголовского сообщества, принявших участие в нашей работе, так как способствуют формированию атмосферы взаимопонимания и общественного согласия.

Работая в Лаголово методом нарративного интервью, мы использовали теоретические и практические наработки прошлых лет¹. В качестве метода сбора информации мы использовали нарративное интервью. На практике эта качественная социологическая методика выглядит как длительные, иногда затягивающиеся на несколько часов (2–3 ч), разговоры исследователя с респондентом. Обработка транскриптов интервью позволяет выявить и обобщить символические индикаторы – ментальные конструкты, метафоры, с помощью которых респонденты описывали образы социального пространства и времени Лаголово. Далее перед исследователями открывается возможность осуществить анализ символического содержания метафор на категориальном уровне.

Наша выборка по Лаголовскому поселению была построена по методикам «доступных случаев» и «снежного кома». Нашими лаголовскими респондентами в основном были женщины в возрасте от 15 до 92 лет. Всего в нашем исследовании приняли участие 34 человека (8 мужчин) и (26 женщины). В большинстве своём это были люди трудоспособного возраста и пенсионеры.

Доступность случаев в нашей ситуации определялась доброй волей лаголовской администрации, члены которой активно сотрудничали с нами в лице заместителя председателя Совета депутатов С.В. Рогачевой. В нашу выборку попали три основные группы респондентов, которых мы условно разделили на «**знатоков**», «**импровизаторов**» и «**невежд**». В число «**знатоков**» вошли те респонденты (краеведы-любители, школьные учителя, работники муниципалитетов), которые не только по роду своих занятий и интересов давали точные, конкретные, развёрнутые ответы на наши вопросы, но и проявили заинтересованность к тематике наших исследований. К «**импровизаторам**» нами были отнесены те респонденты, которые всеми силами старались нам помочь и которым нравилось общение с нами по теме интервью, но их знания по сути интересующих нас вопросов не были достаточно глубокими и точными. Наибольшее число наших респондентов попало, увы, в разряд «**невежд**». Это были люди, которых задаваемые нами вопросы либо не интересовали «по жизни», либо их ответы имели весьма поверхностный характер. Программа лаголовского исследования включала шесть блоков вопросов, касавшихся демографического портрета поселения, межпоколенных связей жителей, представлений респондентов о структуре и социокультурной динамике социального ландшафта поселения, этнокультурных особенностях

---

¹ Исследования по аналогичной проблематике – образ социокультурного ландшафта с использованием инструментария нарративного интервью – мы проводили с 2014 по 2017 г. Всего за эти три года мы опросили в Санкт-Петербурге, Пушкине, Павловске, Луге, Всеволожске, сельских поселениях Сельцо, Котлы, деревнях Добряницы, Монастрыки и др. 245 человек (67 % женщин и 33 % мужчин).

жизни людей, мнения респондентов об его истории и современном состоянии. Приступая к исследованию, мы полагали, что ответы на вопросы гайда должны были открыть для нас возможность выяснить, какими способами на интуитивном уровне у респондентов формировались два типа образов, важных для понимания ими социокультурного ландшафта территории проживания. Первый тип образов носил хронологический характер, и это были образы разных поколений (дедов, родителей самих респондентов и их детей), т. е. был символическим конструктом прошлого. Второй тип образов касался места их жительства.

Пространство и время – это две сопряженные категории социальной философии, с помощью которых можно описать социокультурный ландшафт любой обжитой человеком территории. Анализ транскриптов интервью показал, что **время** в представлениях респондентов присутствовало в двух ипостасях: 1) в форме образа поколений; 2) глубины и объема исторической памяти наших респондентов, т. е. как представления респондентов об истории места их жительства.

Время: историческая память. Историческая память населения вплетена в контекст ментальных карт любых обжитых пространств: социальных, экономических, политических, культурных и т. д. Один из важных блоков нашего исследовательского гайда был посвящен истории Лаголовского поселения. На наш прямой вопрос: «**Что вы знаете об истории Лаголово?**» большинство респондентов отвечали стандартно:

«Наверное, есть у Лаголово какая-то история... Но я точно не знаю...»¹.

Тем не менее наши дальнейшие расспросы постепенно прояснили следующие характеристики объема и глубины исторической памяти респондентов. Например, из числа наиболее старых исторических ресурсов территории респонденты назвали каменоломни известкового туфа в окрестностях Лаголово. Действительно, в XVIII–XIX вв. добыча камня и рыбная ловля были основными промыслами местных крестьян.

Для респондентов, которых мы условно отнесли к категории «**зна-токов**» и «**импровизаторов**», историческим ресурсом их жизненного пространства оказались остатки мощеной булыжниками дороги, расположенной поблизости (часть Петергофской дороги). Наиболее территориально близкими к Лаголово памятниками истории для респондентов были: камень в память войны 1812 г. и полуполюгендарная старая церковь на перекрестке. Следующая важная группа памятников касалась истории Великой Отечественной войны (ДОТ Советской армии, памятная доска в честь павших героев на Доме культуры, монументы).

---

¹ Р-т, Ж., 43 года, Лаголово, Ленинградская область, май 2017.

менты в честь воинов в Русско-Высоцком). Стремительное наступление немцев летом 1941 г. застало мирное население Лаголово врасплох. Во время войны большинство финских семей были вывезены немцами либо в концентрационный лагерь (Клоога, Эстония), либо на работы в Германию. Сегодня воспоминания о тяжёлых кровопролитных боях, которые велись в этих местах, увековечены не только памятными монументами, мемориальными досками, но и личными свидетельствами жителей, наблюдавших их следы в своём детстве [1]. В качестве памятников послевоенной истории села респонденты называли первый клуб, первую школу (располагавшуюся после войны в доме раскулаченной семьи Раски) и птицефабрику, которую они именовали градообразующим предприятием.

Что касается гораздо более ранней истории Лаголово, вписанной в исторический контекст освоения автохтонным населением Невского края, его частей – Ижорской возвышенности, прилегающей к Лаголово с севера территории бывшего Санкт-Петербургского уезда и горы Киргхоф, – то эта информация вообще не фигурировала в высказываниях респондентов. Тем не менее автохтонным населением территории, где сегодня расположено Лаголово, были финно-угорские племена води и ижора (ингры). Ещё в I тыс. до н. э. от праэстов отделяется води (самоназвание *vaddalaizod*), начинает формироваться водский язык, складывается карта водской топонимики, охватывавшая земли от Нарвы до Невы [2]. В VIII–X вв. на берегах реки Луга стали возникать поселения ильменских словен. В X в. эта часть Невского края вошла в состав Водской пятины Новгородской республики. В XV в. земли Новгородской республики вошли в состав Великого княжества Московского. Несмотря на то, что русское население здесь, т. е. на землях води и ижор, распространялось медленно, к XX в. водская культура и язык приобрели реликтовый характер.

Никаких сведений о святых или почитаемых местах допетровского времени, тем более почитаемых местах, принадлежащих к культуре води и ижор, а также об обрядности, с ними связанной, у наших респондентов не сохранилось. Миграции XX в., вызванные политическими и экономическими процессами советской эпохи, привели к коренным изменениям этнической карты региона и культурной мутации. Архаический пласт идей, связанный с культурой води и ижоры Невского края сегодня, – это, с одной стороны, область интересов археологов и историков, а с другой стороны – реконструкторов разных направлений (от эзотериков до игровых реконструкторов и создателей разного типа маркёров ушедших архаических культурных и исторических ландшафтов) [3, с. 31–51; 4, с. 234–251; 5, с. 54–62].

На наш вопрос о том: «**Как менялось название Лаголовского поселения с течением времени?**», большинство респондентов отвечали, что не интересовались эволюцией названия поселения (37 %),

оно никак не менялось (13 %), связывали происхождение названия с эпохой новгородского владычества (17 %), с эпохой шведского протектората (13 %) или давали другие ответы (20 %). Исторические документы указывают на то, что название Лаголово отразило географические, исторические, хозяйственные ресурсы местности, в которой это поселение существовало с XVI в. У наших респондентов было два подхода к толкованию названия Лаголово. Одно толкование предполагает водские (старорусские) истоки названия поселения, второе – финское, восходящее к периоду шведского протектората. Большинство наших респондентов придерживаются версии славянского происхождения названия Лаголово, определяя его как старорусское и возводя его к слову «лог». Вероятно, выбор точки зрения на происхождение этимологии названия Лаголово нашими респондентами латентно высвечивает их желаемую русскую этническую этноидентификацию.

Как мы полагали, историю происхождения названия населенного пункта можно описать, опираясь на фольклорный материал, например, на местные сказания, легенды, былички [6]. Несмотря на то, что абсолютное большинство наших респондентов (88 %) отвечали на вопрос нашего исследовательского гайда: **«Знаете ли вы какие-либо легенды, мифы, сказания, былички, связанные с историей вашего поселения?»** отрицательно: мол, нет никаких деревенских легенд и быличек, в среде старожилов сохранились некоторые легендарные сведения. Например, в одной из легенд, которая бытовала в начале XX в. в среде финноязычных жителей название деревни Лаголово не только указывает на его низинное расположение, но и на то, что это место изначально было грязное, заболоченное, гиблое. Именно таким его образ запечатлели сказания о начале истории Лаголово первопоселенцев-финнов, завезенных сюда шведами после заключения Столбовского мира (1617). Но даже для старожилов, не говоря о современном населении, эти люди – почти мифические первопредки. В другой легенде повествуется о том, что на перекрестке дороги в Лаголово и Таллиннского шоссе до войны стояла небольшая часовня. После войны, когда начали реконструировать Таллиннское шоссе, старую, к тому времени уже полуразвалившуюся часовню снесли. Также строители зарыли колодец с чистой родниковой водой.

Так, объем исторической памяти и её глубина у наших респондентов оставляют желать лучшего: 27 % наших респондентов никогда не проявляли интерес к истории названия места своего жительства. Недостаточная глубина и широта их исторической памяти объясняется общим невысоким уровнем их образования и узостью кругозора. Например, наибольшее затруднение у них вызывали ответы на вопросы нашего гайда о том, что для них значат понятия «культура» и «глобализация». Культура для абсолютного большинства наших респондентов – это местный Дом культуры, а «глобализация» – это в

лучшем случае что-то «глобальное, большое». Другим объяснением отсутствия у респондентов глубины исторической памяти может быть тот факт, что респонденты – это носители не автохтонной культуры. Они являются пришлым послевоенным населением.

Время: образы поколений. В научной литературе сформировались три подхода к описанию поколенческих моделей: *биологический* (для социологии адаптированный демографией), *историко-романтический* (адаптированный социальной философией) и *социологический*.

С позиций *биологического подхода* образ поколения определяется через понятие «общая судьба». Общая судьба сгруппированных по возрасту человеческих когорт – это системы отношений, определяющие возможные формы исторического бытия. Австрийский историк Оттокар Лоренц писал о трёх поколениях, которыми, как он полагал, можно заменить понятие «столетие». График роста человеческого прогресса неизменно должен был показывать рост доли этого прогресса с течением времени, двигателем этого прогресса была молодёжь, а старшим поколениям отводилась роль консервативной силы. Средний возраст одного поколения – 25–30 лет. При этом первые 30 лет человек, принадлежащий к конкретному поколению, ещё учится, следующие 30 лет творчески применяет учебный опыт, а после 60 человек удаляется от дел. С позиций этого подхода среди наших респондентов мы можем выделить три поколения, время жизни которых приходится на середину XX – первую половину XXI в.

С точки зрения политической истории нашей страны, с учетом биологического возраста наших респондентов, жизнь представителей самого старшего поколения (90–60-летние) начиналась в сталинскую эпоху, представителей среднего поколения (59–30-летних) – в эпоху Брежнева, а молодого (15–16-летние) – в эпоху Путина.

С позиций *романтического подхода* поколение – это нечто, что переживается исключительно интуитивно. Каждое поколение обладает некой внутренней силой (энтелихией), потенциально заключающей в себе цель и результат развития. Для каждого поколения существует свой набор характеристических особенностей этой внутренней силы: провинциальные или национальные черты, ментальные установки, привычки, языки общения и мышления [7, р. 137–163; 9, р. 44–46]. Поколение – это понятие ментальное и интеллектуальное. Поэтому именно германской романтико-исторической школе свойственно было в конце XIX в. трактовать понятие «поколение» исходя из своего понимания этничности, национального характера, духа эпохи, особенностей социальной структуры изучаемых обществ. Например, Вильгельм Дильтей рассматривал поколение с позиций концепции времени, поэтому темпоральный показатель интеллекта позволял ему оценивать по интеллектуальным сдвигам смену поколений.

Время, разделяющее поколения, становится субъективно переживаемым временем. Современность превращается в субъективное условие для одних и тех же определяющих влияний. Для каждого поколения существует своя особенная «внутренняя цель», некий единый для поколенческого большинства способ жизнеощущения и мироощущения. «Внутренняя цель» в системе понятий романтического подхода близка понятию «художественная воля», определяющая единство стилистический исканий конкретной эпохи искусства. Другим понятийным аналогом «внутренней воли» в теории поколений является идея «духа народа» (Г. Гегель, И. Гердер, Ф. Ратцель).

«Внутренняя цель» близка также понятию «дух времени», которое понимается как ментальность, присущая некоему периоду времени и распространяется на всё общество этого периода. Эта ментальность зарождается в одной социальной группе. Эта группа приобретает особое социальное значение, находясь в одном месте в силу своего интеллектуального влияния на все прочие социальные группы. Немецкий историк Вильгельм Пиндер разводил понятия «внутренняя цель» и «Дух времени», полагая, что поколение – это реальный социальный феномен. А «Дух времени» – это вымышленная категория [8, р. 1–13]. По его мнению, события прошлого в «спрессованной», «подразумеваемой» или «возможной форме» тенденций претворяются в оценочный компонент настоящего.

Тем не менее существуют некоторые общие тенденции, в духовном и интеллектуальном смысле объединяющие представителей конкретного поколения, адаптирующие человека к конкретному поколению. Любой человек проявляет свои идейные и «целевые» позиции, принимая во внимание доминирующие тенденции своей эпохи. Поэтому люди, которые принадлежат одному поколению, так или иначе оказываются связанными друг с другом. У многих наших респондентов непосредственный, личный жизненный опыт, из которого они извлекают пользу в конкретных жизненных ситуациях, корректируется социальной памятью поколения. Так, память личных удач/неудач в высказываниях респондентов старшего возраста корректируется представлениями о высоких идеалах советской эпохи.

Историки давно заметили, что идеи не только стимулируют возникновение «внутренней воли», создают пассионарное ядро «Духа времени», но и обладают способностью дестабилизировать социальные структуры. Например, наблюдения такого рода привели и американского этнолога Маргарет Мид к мысли о том, что существуют три типа обществ: прекофигуративные (идейный приоритет и властные полномочия в них находятся в руках старшего поколения), кофигуративные (представители старшего поколения и молодежи обмениваются идеями) и посткофигуративные (идеи и власть – в руках молодёжи) [10].

С позиций социологического подхода поколение рассматривается как совокупность людей с общим самосознанием, единым жизненным опытом и знаниями, возникшими под влиянием конкретных исторических событий и окружения (К. Манхейм). У этой человеческой совокупности ещё в юности формируется единая картина мира, через которую они преломляют свой жизненный опыт. О. Конт полагал, что смена поколений – это сила, которая провоцирует общественный прогресс. Идеи, способствующие консолидации членов поколенческой совокупности, формируют его образ. Образ поколения метафоричен. Иными словами, метафоры, выбранные для описания поколений, могут выражать суть объекта через одну из его социальных, экономических, психологических, политических характеристик. Эти метафоры могут иметь генеративный характер [8, р. 306]. Сами же образы поколений в представлениях наших респондентов могут обретать облик конгитивных моделей.

В интервью мы просили наших респондентов описать своё поколение, поколение родителей и поколение дедушек и бабушек одним словом, используя для этого один из наиболее важных для них атрибутов (характеристик). В результате мы получили следующую картину.

Представители молодежи респондентов (15–16 лет) описывали поколения с помощью нравственной и деятельностной категорий.

Таблица 1

Словесные индикаторы поколений (респонденты 15–16 лет)

	Деятельностный подход	Нравственный подход
Словесные индикаторы		
Современники	Интернет-зависимые	«Алчность», «запущенность», «всёдозволенность», «наивность»
Родители	Работяги, трудолюбивые, бизнесмены	«Живут по дедовским законам», «серьезные люди», «люди 90-х гг.»
Деды	Работяги, хорошо и дружно жили	«Честь», «любовь», «консерватизм»
Прадеды	Трудолюбие	-

Респонденты трудоспособного возраста (30–60 лет) в описаниях поколений использовали преимущественно нравственную категорию. Что касается словесных индикаторов деятельностной категории, то практически все, кто использовал эту категорию, в качестве поколенческой характеристики оперировали понятием «трудолюбие».

Таблица 2

Словесные индикаторы поколений (респонденты 30–59 лет)

	Деятельностный подход	Нравственный подход
Словесные индикаторы		
Молодёжь	-	Завистливые, наркоманы, живут среди моря соблазнов, интернет-зависимые
Современники	Трудаги	Мы были активными, нам свойственна целеустремленность, мы ещё молоды душой, у нас по жизни всё ровно было: даже детей смогли вырастить, мы – деловые люди, старались быть полезными обществу, мы хотели быть достойными, мы были уважительными людьми. Пионеры, патриоты, мы были уверены в будущем, мы были преданы Родине
Родители	Трудаги	Верили в коммунизм, были сильны духом, были здоровее нас физически, душа у них была тёплая, патриоты, они любили нашу землю, они верили в КПСС
Деды	Трудаги	Они были правдивые, они воевали
Прадеды	Трудаги, солдатский труд	О них можно только в книгах почитать

Респонденты старшего возраста (60–90 лет) ещё более развёрнуто, чем представители среднего поколения, описывали нравственные характеристики поколений. С точки зрения деятельностного подхода, они использовали в качестве индикаторов исключительно понятия, связанные с трудовой деятельностью.

Таблица 3

Словесные индикаторы поколений (респонденты 60–90 лет)

	Деятельностный подход	Нравственный подход
Словесные индикаторы		
Дети	-	Они знают больше нас, но никого не уважают
Современники	Трудаги	Добродушные, они были терпеливые люди, жизнь у нас была с ясными перспективами. Мы верили в Родину, уважали старших, мы были счастливы, даже несмотря на то что кое-кто из нас пережил блокаду

Родители	Трудяги, работаги	Добрые, отзывчивые люди, победители, многие были малограмотными, но они старались работать качественно
Деды	Трудяги	Хорошо жили до революции, потом у них всё отобрали
Прадеды	Трудяги	-

Анализируя словесные индикаторы, которые респонденты использовали в описании поколений, можно сделать несколько наблюдений. Респонденты с легкостью характеризовали своё поколение, поколение родителей и детей. Гораздо труднее им давались характеристики поколения прадедов и внуков.

Понятие «труд» использовалось всеми тремя группами респондентов в его положительной коннотации для характеристики поколений родителей, дедов, прадедов, но не детей, т. е. не для представителей молодого поколения. Представители всех возрастов, включая молодое поколение, не считают «труд» характеристикой поколения «компетентных потребителей» 2000-х гг. Единственный вид деятельности, который свойственен этой возрастной группе, – виртуальная интернет-деятельность. Мнение респондентов отражает девальвацию ценности труда как тяжелой, напряженной, целеустремленной, качественной работы в наше время.

Молодые люди весьма критично отзываются о своём поколении. Поколения родителей и дедов они характеризовали как честных, деловых серьезных людей.

Представители среднего и пожилого возрастов в качестве индикаторов своего поколения выделяли такие положительные нравственные качества, как *«энергия»*, *«активность»*, *«целеустремленность»*, *«желание приносить пользу обществу»*, *«быть достойными членами общества»*, *«правдивость»*. Для характеристики поколений своих родителей они выбирали такие словесные индикаторы, как *«сила духа»*, *«физическое здоровье»*, *«душевная теплота»*. Поколение детей 30–90-летние респонденты описывали весьма положительно. А вот поколение внуков 60–90-летние респонденты характеризовали в негативных выражениях: *«наркоманы»*, *«те, кто постоянно качают права»*, *«никого не уважают»* и т.п.

Некоторые респонденты старались почувствовать себя сопричастными с историей страны, хотя большинство формулировали высказывания на основании исключительно личной истории, истории своей семьи. Их высказывания не базировались ни на исторических, ни на политических схемах (например, поколение советской эпохи, эпохи перестройки, путинской эпохи). Скорее, эти высказывания отра-

зили цикличность поколений, отраженную адаптированной к новейшей истории России схемой метафорической теории поколенческих циклов У. Штрауса и Н. Хоува [11, р. 58–59].

Так, в высказываниях респондентов высветились весьма смутные представления о «величайшем поколении», т. е. поколении прадедов с их доминантными установками на трудолюбие, верой в светлое будущее, приверженностью семейным ценностям, категоричностью в мыслях и суждениях. Представление об этом поколении в сознании респондентов оказалось слитым с образом «молчаливого поклонения», т. е. поколения дедов (с установками на уважительность, честность, соблюдение правил, преданность). Весьма ярко в сознании респондентов среднего возраста (30–60-летних респондентов) вырисовывался образ своего поколения – поколения «бэби-бумеров» с характерными для него «оптимизмом», «заинтересованностью в личном росте при условии вознаграждения», «духом коллективизма», «культулом молодости, энтузиазма и активности». Три последних поколения (X, Y, Z) со свойственными им «технической грамотностью», «индивидуализмом», «прагматичностью», «безответственностью» слились в представлениях респондентов 30–60 и 60–90-летних в один образ – поколение детей. Характеристики этого образа ни у респондентов среднего, ни старшего, ни даже молодого возрастов не вызывали позитивных коннотаций.

Таким образом, наши респонденты вольно или невольно сообщали нам идеи, с которыми они познакомились в детстве и которые «проросли» в их сознании. Большинство респондентов, особенно молодого и среднего поколения, не смогли назвать более двух поколений предков (родители, деды). У них не сохранилась даже память об именах прадедов, не говоря о роде их занятий, знаменательных событиях жизни, достижениях. Память о поколениях праотцов оказалась совершенно забытой даже у выходцев из крестьянских семей. Получалось, что выходцы из многодетных крестьянских семей – строителей Лаголовской птицефабрики – и их потомки не помнят историю своих семей. Респонденты старшего поколения (60–90 лет) не пытались включить свои индивидуальные воспоминания в коллективную историю страны, в отличие от респондентов среднего возраста, поколения «бэби-бумеров» (30–59 лет). В высказываниях представителей старших возрастов просматривалось негативное отношение к молодому поколению, в то время как молодые респонденты описывали поколения родителей и дедов весьма позитивно.

Историко-культурная перспектива, отраженная когнитивно-символическими картами жителей Лаголовского поселения, незначительна. Например, сакральный ландшафт территории в этих символических картах места жительства представлен только православными маркерами [5]. Минимальная граница исторической памяти респонден-

тов – советский период, максимальная – эпоха Петра I. Объем и глубина исторической памяти наших респондентов никоим образом не сказались в описании образа Лаголово. Несмотря на то, что большинство респондентов, отвечая на вопросы о том, **«какими ресурсами обладает их поселение»** и, **«что бы вы могли показать туристам»**, говорили, что ничего примечательно в Лаголово нет, часть респондентов в качестве ресурсов этого типа указали памятники советской эпохи. Это были строения птицефабрики, дом старожилов – финской семьи Раски, где была первая школа, место первого клуба, а также памятники, связанные с историей Великой Отечественной войны.

Сам же социокультурный ландшафт, представленный в когнитивных картах – образах Лаголовского поселения, респондентами ориентирован на будущее поглощение мегаполисом. Модели приемлемого будущего, которые высветили эти карты наших респондентов, включавшие как пространственные, так и темпоральные образы. Это будущее ориентировано на урбанизацию жизненного пространства, которая описывается жителями Лаголово не в терминах *«индустриализация»* и *«глобализация»*, а с помощью понятий *«спокойствие»*, *«защищенность»*, *«достаток»*.

Список литературы

1. Архив школьного музея, Лаголово, 2017 // Воспоминания респондентов о немецких и русских ДОТах, о находках оружия, боеприпасов, останков воинов.
2. Древняя история водского края. – URL: <http://ligovo-spb.ru/hist-drevnost.html> (дата обращения: 25.07.2017).
3. Окладникова Е.А. Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования: монография. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 230 с.
4. Окладникова Е.А. Сакральные ландшафты Приневского края в нарративах жителей Ленинградской области // Проблемы изучения традиционных сообществ тихоокеанской России. – Владивосток: Дальнаука, 2016. – С. 234–251.
5. Окладникова Е.А. Евразийская сакральная география: геософская парадигма и геополитический подход к изучению заповедных этнокультурных ландшафтов Арктики и Евразии. – Вып. 2 (Культура Арктики). – Якутск: АГИИК, 2014. – С. 54–62.
6. Завьялова М.А. Деревенька моя // http://dardeti.lmn.su/index.php?option=com_content&view=article&id=42:dolevaya-p&catid=15:malenkie-zvezdy (дата обращения: 24.06.2017).
7. Pinder W. Kunstgeschichte nach Generationen. Zwischen Philosophie und Kunst. Johann Volkelt zum 100. Lehrsemester dargebracht. Leipzig: Eduard Pfeiffer, 1926. S. 1–13.
8. Schon D.A. Generative metaphor: A perspective on problem-solving in social policy // Metaphor and Thought / Ed. A. Ortony. – Cambridge: Univ. Press. 1993. – P. 137–163.
9. Meillet A. Méthode dans les sciences. – Paris. 1911; Idem. Introduction a l'étude comparative des langues indo-européennes, 1903. – P. 306.
10. Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – 340 с.

11. Strauss, W., Howe, N. *The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny.* – N.Y.: Broadway Books, 1997. P. 58–59.

References

1. *Archiv shkolojnogo museya, 2017* [The archive of the Museum school, Lagolovo, 2017] // *Vospominaniya rsgpondentov o nemezkich i russkich DOTah, o nahodkach oruzia, boepripasov, ostankov vojniv* // [Memories of the respondents about the German and Russian Pillboxes, about finds of weapons, ammunition, the remains of the soldiers].

2. *Drevnaya istoriya vodskogo kraya* [Ancient history of Vodskii krai] // <http://ligovospb.ru/hist-drevnost.html>

3. Okladnikova E.A. *Sacralnii landshaft: teoria i empiricheskie issledovania* [Sacred landscape: theory and empirical research monograph. – M.-Berlin: Direkt-Media, 2014]. – M.-Berlin, Direct Media, 2014. – 230 s.

4. Okladnikova E.A. *Sacralnii landshafti Prinevskogo kraia v narrativah jitelei Leningradskoy oblasti* [Sacred landscapes of the Neva region in the narratives of residents of the Leningrad region] // *Mnogonazionznaya Leningradskaya oblast* // [Multinational Leningrad oblast: education and training in the context of development of cultural diversity] / SB. materials II youth scientific-practical conference. – SPb.: TR-Print, 2016.

5. Okladnikova E.A. *Sacralnii landshafti Prinevskogo kraia v narrativah jitelei Leningradskoy oblasti* [Sacred landscapes of the Neva region in the narratives of residents of the Leningrad region] // *Mnogonazionznaya Leningradskaya oblast* // [Multinational Leningrad oblast: education and training in the context of development of cultural diversity] / SB. materials II youth scientific-practical conference. – SPb.: TR-Print, 2016].

6. Zavyalova M.A. *Derevenika moyaya* [My small village] // http://dardeti.lmn.su/index.php?option=com_content&view=article&id=42:dolevaya-p&catid=15:malenkie-zvezdy

7. Pinder W. *Kunstgeschichte nach Generationen. Zwischen Philosophie und Kunst.* Johann Volkelt zum 100. Lehrsemester dargebracht. – Leipzig: Eduard Pfeiffer, 1926. S. 1–13.

8. Meillet A. *Méthode dans les sciences.* – Paris. 1911; *Idem. Introduction a l'étude comparative des langues indo-européennes,* 1903. – P. 306.

9. Schon D.A. *Generative metaphor: A perspective on problem-solving in social policy* // *Metaphor and Thought* / Ed. A. Ortony. – Cambridge: Univ. Press. 1993. – P. 137–163.

10. Mead M. *Cultura i mir detstva* [Culture and world of childhood]. – M. Nauka, 1988. 340 s.

11. Strauss, W., Howe, N. *The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny.* – N.Y.: Broadway Books, 1997. P. 58–59

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 392(8)"15"

РНТИ 03.61: Этнография и историческая антропология

Д.В. Михеев

Быт и нравы индейцев Южной Америки в свидетельствах участников кругосветной экспедиции Фрэнсиса Дрейка¹

Статья посвящена описанию особенностей быта и нравов туземного населения Южной Америки, составленному английскими путешественниками в ходе кругосветной экспедиции Фрэнсиса Дрейка. Изначально добродушные, живущие в согласии с природой, индейцы, по мнению английских авторов, страдают от тиранического правления испанцев и португальцев. Их нравы меняются, они становятся коварны, кровожадны и мстительны в отношении всех чужеземцев. Испанцы добиваются своего господства в этих землях прибегая к силе и жестокости в отношении туземцев, которых на самом деле боятся. Наиболее привлекательны для англичан образ жизни и нравы патагонцев. Автор отмечает особенности внешнего вида и кочевого образа жизни жителей Патагонии, их способы охоты и искусство в различных ремеслах.

Ключевые слова: индейцы, патагонцы, мировоззрение, быт, нравы, кругосветная экспедиция, Фрэнсис Дрейк, колонизация, Новый Свет.

D.V. Mikheev

Life and customs of the Indians of South America in the testimonies of participants of the Drake's Circumnavigation

The article discusses about the description of the peculiarities of everyday life and customs of the native population of South America, compiled by English travelers during the Drake's Circumnavigation. Initially, good-natured, living in harmony with nature, Indians, in the opinion of English authors, suffer from the tyrannical rule of the Spaniards and the Portuguese. Their customs change, they become insidious, bloodthirsty and vindictive against all aliens. The Spaniards seek their domination in these lands by resorting to force and cruelty against the natives whom are really afraid. The most attractive for the English way of life and the mores of the Patagonians. The author notes the peculiarities of the appearance and nomadic way of life of the inhabitants of Patagonia, their ways of hunting and art in various crafts.

Key words: Indians, Patagonians, world outlook, way of life, customs, circumnavigation, Francis Drake, colonization, New World.

© Михеев Д.В., 2017

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект РФФИ 17-31-01041 «Свидетельства современников о кругосветной экспедиции Фрэнсиса Дрейка: перевод и исследование».

© D.V. Mikheev, 2017

Дневники, составленные участниками продолжительных морских экспедиций эпохи Великих географических открытий, преподносят исследователям множество ценной информации, часто рассеянной в тексте, но крайне полезной для реконструкции явлений повседневности и образа жизни моряков той эпохи, их представлений об окружающем мире, природе и народах, с которыми они сталкиваются в ходе своих путешествий. Все новое и необычное привлекает европейцев, путешественники стараются сопоставить свои представления и опыт с увиденным в дальних плаваниях. Иногда это пересечение сложившихся стереотипов и увиденного в действительности дает очень причудливые результаты. В данном исследовании мы постараемся реконструировать отдельные черты образа жизни и нравов туземцев Южной Америки на основе свидетельств участников кругосветной экспедиции Фрэнсиса Дрейка (1577–1580). Отметим существующие к тому времени стереотипы в представлениях о туземцах Нового Света, особенности их жизни, подмеченные спутниками Дрейка в районах, покоренных европейскими завоевателями и совсем не тронутых цивилизацией.

Современные исследователи, занимающиеся изучением индейских обществ на раннем этапе европейской колонизации, проявляют значительный интерес к свидетельствам, оставленным конкистадорами и первооткрывателями в Новом Свете [1; 2; 3]. Однако их внимание в первую очередь сосредотачивается на испанских и португальских источниках, в то время как немногочисленные, но не менее подробные описания, составленные прочими европейцами, посетившими Америку в XVI столетии, редко привлекаются в работах подобного рода. Учитывая, что англичане и французы, опоздавшие к колониальному разделу мира, вынуждены были действовать в том числе и на периферии испанских и португальских владений, они нередко сталкивались с индейскими племенами, почти не затронутыми влиянием европейской культуры и даже неизвестными с европейцами.

Экспедиция Фрэнсиса Дрейка была подготовлена во второй половине 1570-х гг. в условиях обострения англо-испанских отношений как торговое и разведывательное предприятие к Магелланову проливу и Тихому океану, вылившееся в один из наиболее удачных и известных грабительских рейдов по испанским владениям в Новом Свете. Черновик патента, выданного Дрейку, давал ему право от лица английской королевы исследовать земли, «не принадлежащих ни одному христианскому правителю» [4, р. 430]. Таким образом, англичане заявляли свое право на исследование, а возможно, и на захват новых земель как их первооткрыватели [5, с. 120], что фактически и произошло в так называемом Новом Альбионе, открытом Дрейком в Северной Америке. В ходе путешествия спутникам Дрейка удалось посетить не только районы Южной Америки, уже давно известные и освоенные европей-

цами, но и те уголки Нового Света, где еще не ступала нога европейских путешественников. Увиденное в этих землях запечатлелось в памяти англичан и в дальнейшем нашло отражение в дневниках участников экспедиции. Наибольший интерес в данном случае представляют для нас сведения, приводимые капелланом экспедиции Фрэнсисом Флетчером, оставившим наиболее подробное описание всего путешествия. Оригинала дневников не сохранилось, однако записи легли в основу популярного изложения хода кругосветной экспедиции известного корсара, составленного в 1628 г. его тезкой и племянником Фрэнсисом Дрейком. Кроме того, в Британском музее была обнаружена более поздняя копия первой части дневника Фрэнсиса Флетчера, заметно отличающаяся от переработанного текста 1628 г. Помимо дневников капеллана экспедиции нас также будут интересовать прочие свидетельства, оставленные спутниками Дрейка: Фрэнсисом Претти, Джоном Куком и Эдвардом Клиффом.

Корабли Дрейка достигли побережья Бразилии в апреле 1578 г. Каким же предстает Новый Свет и его обитатели перед участниками экспедиции? Фрэнсис Флетчер так описывает путешествие в экваториальной зоне: «Настоящий земной рай, как на суше, так и на воде... Бог в своем провидении и мудрости так устроил это место, что ничто не может быть столь приятным для человека, чем жить здесь...» [6, р. 27]. Таким образом, с самого начала Новый Свет представляется спутникам Дрейка не иначе как самое замечательное и благодатное место на свете, подобное земному раю.

Англичане следовали вдоль бразильского побережья далее на юг, к Магелланову проливу, стремясь избежать встреч с португальскими поселенцами. Однако местное туземное население вызывает у участников предприятия неподдельный интерес. Свои первоначальные суждения о быте и нравах индейцев они выстраивают на основе историй, слухов и домыслов, услышанных в ходе экспедиции и почерпнутых из испанских и португальских свидетельств, доступных в Англии. Так, точно известно, что помимо сочинений об искусстве навигации, нескольких библий и «Книги мучеников» Джона Фокса, Дрейк взял с собой копии сообщений о плавании Магеллана [7, р. 48].

Следы пребывания туземцев на побережье были замечены с кораблей экспедиции издалека, так как индейцы разожгли огромные костры. Эти действия португальский штурман экспедиции Нуньо да Силва объяснил языческими обрядами, которые якобы совершаются туземцами. Начавшиеся вслед за этим туман, который сами участники экспедиции сравнили с «тьмой египетской», и буря еще больше убедили англичан в словах штурмана. Фрэнсис Флетчер приводит со слов португальца следующее объяснение увиденного: «Своим тираническим правлением португальцы угнетают местных жителей так сильно, что они вместо того, чтобы терпеть их бесчеловечную и кровожадную

жестокость, уходят со своих родных земель, чтобы жить в отдаленных и бесплодных частях этих мест... Вот почему эти люди, которые прежде жили по инстинктам природы, отдались в руки демонов, и взяв их себе в качестве покровителей и защитников против своих кровных врагов португальцев, они (туземцы – Д.М.), завидев у своего побережья какие-либо корабли, начинают бросать в воздух песок, отчего поднимается внезапно густой туман, а затем тьма, так что нельзя разглядеть ни земли, ни неба, начинаются ветер, дождь и буря» [6, р. 34–37]. Таким образом, вызывая бури в этих водах, туземцы губят португальские корабли, мстя тем самым своим злейшим врагам. Именно тираническое правление португальцев в этих землях, по мнению англичан, заставило туземцев, пребывавших прежде в естественном и мирном состоянии, обратиться к дьяволу. Эти земли сам Дрейк обозначил как «Земля Демонов» [8, с. 104]. Замечания Флетчера о колдовстве индейцев подтверждают мифологичность мышления и суеверность не только обычных моряков той эпохи, но и более образованных членов экипажа, к которым несомненно относился капеллан экспедиции.

Более подробные описания быта и нравов туземцев участники экспедиции дают, говоря о жителях Патагонии, с которыми имели возможность общаться во время стоянок. Эти районы были фактически не затронуты европейской колонизацией. Туземцы, которых англичане вслед за Магелланом называли патагонцами, оказались добродушными людьми. Однако спутники Дрейка отметили, что хоть туземцы сильны и высоки ростом, но великанами не являются, как писали о них испанцы. Описывая образ жизни и внешний вид туземцев, англичане часто ссылаются на свидетельства спутников Магеллана, отмечая нередко их ложность, ведь «испанцы не думали, что когда-нибудь какой-нибудь англичанин прибудет сюда, чтобы проверить их слова» [6, р. 60].

Образ жизни и обычаи, простота в общении делали их подобными малым детям. Невинность индейцев Патагонии отмечалась английскими путешественниками не только в проявлениях их добродушия, но и в абсолютном незнании спиртного, к которому местные жители почти мгновенно привыкали [6, р. 49].

Впрочем, добродушие в отношении пришельцев туземцы Патагонии проявляли не всегда. В порту Сан-Хулиан между индейцами и англичанами произошла стычка, приведшая к гибели двоих спутников Дрейка. Высадившись на берег, англичане решили поупражняться на виду у туземцев в стрельбе из лука, продемонстрировав аборигенам свое мастерство. Патагонцы первоначально не проявляли к ним агрессии. Неловким движением один из англичан оборвал тетиву, что для аборигенов послужило сигналом к нападению. В результате два члена экипажа было убито [6, р. 56–60]. Таким образом, нередко проявление слабости могло стать сигналом для агрессии туземцев. Впрочем,

Флетчер полагал, что подобные действия патагонцев были вызваны недоброй памятью, которую оставили в этих землях после себя испанцы [6, р. 61]. На самом деле Магеллан попытался захватить здесь нескольких туземцев, что привело к вооруженной стычке с патагонцами [9, с. 54–56]. Однако экспедиция Дрейка проходила спустя более чем полвека после этих событий.

Как уже было отмечено выше, подобный случай в Патагонии был скорее исключением. Джон Кук, один из спутников Дрейка, следующим образом описывает встречу с туземцами: «Здесь наш Генерал увидел нескольких местных жителей, обнаженных дикарей, так, что только несколько накидок из шкур было на них... Генерал попытался продемонстрировать им наши мирные намерения, подняв белый флаг, и они своими головами и телами делали сигналы и жесты, как бы показывая, что желают дружбы. Таким образом, завязалось подобие разговора, но никто не мог понять друг друга, а они (туземцы – Д.М.) не могли подойти ближе к нашим людям. На следующий день после этого Генерал вновь высадился на берег в том же месте, но не обнаружил ни одного человека, найдя только несколько недавно убитых диких птиц, похожих на страусов, и морских птиц, оставленных здесь в надежде, что они пригодятся нам. Все это Генерал привез с собой на борт...» [6, р. 195–196].

Удивительным для людей Дрейка было почти полное отсутствие одежды у индейцев, за исключением накидок из шкур, несмотря на достаточно прохладный климат. Капеллан экспедиции объяснял это тем, что аборигены используют специальные краски, которые состоят из жира, мела, серы и других ингредиентов, способствующих закупориванию пор кожи, что делает ее не восприимчивой к перепадам температуры [6, р. 49–50]. Лица и тело туземцы раскрашивали в различные цвета [6, р. 75; 10, р. 203].

Продолжая описание внешнего вида патагонцев, английские авторы отмечали, что мужчины носят в нижней губе и носу украшения из дерева или кости. Волосы они не стригут на протяжении всей жизни, завязывая их для удобства в пучок и украшая перьями птиц (нанду). В волосы они прячут вещи, которые хотят взять с собой, в том числе и стрелы, которые используют для охоты [6, р. 50]. Из оружия англичане отметили у туземцев только лук и стрелы. Описания, приводимые спутниками Дрейка, часто схожи со свидетельствами, оставленными участниками экспедиции Магеллана.

Говоря о системе управления туземцев, англичане отмечают, что туземцы живут племенами, но вождей над собой не имеют [6, р. 51]. Этот факт явно препятствовал возможности установления с местными племенами прочного союза или заключения торгового договора, на что, исходя из черновика проекта, могли рассчитывать организаторы экспедиции.

Затрагивая вопрос о верованиях патагонцев, Флетчер отмечал, что туземцы имеют свое божество, которое называют Сеттебосом. Ему они поклоняются и у него же испрашивают через своих жрецов разрешения, в том числе на общение с иноземцами [6, р. 48]. Примечательно, что Сеттебоса упоминает и спутник Магеллана Антонио Пигафетта, а в одной из поздних пьес Шекспира упоминается бог Сеттебос [9, р. 54, 57, 149].

В отличие от Пигафетты, который писал, что патагонцы едят мясо сырым, Флетчер в своих дневниках сообщал, что туземцы разводят костры и готовят куски мяса на огне [6, р. 50]. Капелланом экспедиции описывается оригинальный способ охоты на нанду, который практиковали туземцы. Изготовив чучело, похожее на этих страусоподобных птиц, патагонцы заманивают их и убивают при помощи стрел и камней. Флетчер уверял, что лично видел подобное «приспособление» для охоты [6, р. 44–45].

Отмечали англичане и любовь туземцев к музыке. Патагонцы изготавливали музыкальные инструменты наподобие погремушек, которые подвешивали к поясу. Звуки этих погремушек настолько их завораживали, что порой туземцы могли танцевать до беспамятства [6, р. 50–51].

Говоря о женщинах, Флетчер отмечал, что они не уступают ростом мужчинам, однако в отличие от них состригают волосы и даже бреют их бритвой, сделанной из кремня [6, р. 51].

Интересно замечание Флетчера об образе жизни и умениях туземного населения, проживавшего в районе Магелланова пролива. Индейцы вели в этой местности кочевой образ жизни, перемещаясь с места на место в поисках еды и воды, от непогоды они укрывались в шалашах, напоминающих беседки, которые можно видеть в садах Англии. Впрочем, их посуда, сделанная из коры, показалась англичанам очень искусно выполненной. Ножи и топоры были сделаны из раковин. Лодки, изготовленные из коры, не были просмолены или проконопачены, а только сшиты полосками тюленьей кожи, но так аккуратно и плотно, что не протекали. В них аборигены перемещались целыми семьями [6, р. 74–75].

Индейцев тихоокеанского побережья Южной Америки, встреченных англичанами, можно разделить на две большие категории: это либо коренные жители, покоровшиеся завоевателям, так что только страх, по мнению Флетчера, держит их в повиновении у испанцев [6, р. 104], либо изгнанные испанцами и продолжающие сопротивление племени, с ненавистью относящиеся ко всем европейцам. Выступления индейцев, в том числе так называемые Арауканские войны, продолжались в этом регионе больше сотни лет, по сути дела продемонстрировав способность неразвитых племенных сообществ сопротивляться давлению европейцев [11, с. 172].

Особенно показателен случай, произошедший с англичанами на острове Мучо, как назвал его в своих дневниках капеллан экспедиции. Туземцы, большинство из которых укрылось здесь, бежав от испанцев с континента, при первой встрече проявили дружелюбие, пообещав снабдить путешественников водой. Однако, когда англичане появились на берегу во второй раз, они были атакованы, а двое спутников Дрейка убиты. При этом Флетчер отмечает, что несчастных съели заживо. Поступок индейцев англичане объясняли тем, что туземцы не знали других европейцев, кроме испанцев, а английские матросы беспечно использовали во время общения с туземцами испанские слова, в надежде, что те знакомы с испанской речью [6, р. 97–99]. Случаи, когда туземцы, бежавшие от испанских завоевателей, внезапно нападали на европейских путешественников, приняв их за конкистадоров, не единичны [12, с. 63–64].

Спутники Дрейка склонны были рассматривать туземное население как жертву испанской тирании в Новом Свете. Несколько эпизодов стычек с индейцами на берегу привели англичан в негодование, но Дрейк запретил устраивать против аборигенов кровавые карательные акции [8, с. 126]. К. Эндрюс отмечал, что Дрейку было предписано исследовать тихоокеанское побережье Южной Америки, где, как полагали, могли оставаться независимые индейские государства. С ними и предполагалось наладить торговые отношения [13, р. 740]. Месть за злодеяния индейцев не могла привести англичан к успеху. Они должны были склонить туземцев к сотрудничеству добрым обращением, англичане должны были стать для местного населения союзниками и символом защиты от тирании испанцев и португальцев. В ходе экспедиции Дрейк демонстрировал не только силу английского оружия, но и стремился превзойти все прочие народы в моральном и социокультурном отношении [14, с. 62].

Индейцы, покорившиеся испанцам, нередко оказывали англичанам помощь, снабжая их провизией и выступая в качестве проводников. Флетчер отмечал, что испанцы могли привлекать их для обороны своих поселений, используя в качестве лучников. Однако капеллан полагал, что туземцы действовали в большей степени по принуждению, нежели по собственной воле. Свою догадку он выстраивал на основании того, что стрелы, которые использовали против них индейцы, были изготовлены из совсем недавно срезанных побегов, а значит, оружие им разрешалось использовать лишь в экстренных случаях [6, р. 103].

Флетчер пишет о судьбе покоренных испанцами туземцев: «Добродушных и невинных индейцев они держат в столь позорном рабстве из опасения, что те перережут внезапно всем им глотки... Они считают, что обходятся милостиво с несчастными, если не бьют их плетью ради удовольствия или не льют на их голое тело вытапливаемое свиное сало, и это еще одна из наименьших жестокостей, ко-

которые они всюду проделывали над индейцами» [6, р. 104]. Случаи жестокостей со стороны испанцев в отношении местного населения, мнимые и реальные, служили для создания так называемой «черной легенды», направленной на дискредитацию испанских колонистов в Америке и обоснования английского проникновения в данный регион, в том числе для защиты коренного населения, столь невинного и добродушного в прежние времена.

Туземное население Южной Америки вызывало у участников экспедиции неподдельный интерес. Общаясь с местными индейцами, англичане не только выменивали провизию и узнавали об источниках пресной воды. Контактируя с местным населением, они пытались произвести на туземцев положительное впечатление, противопоставить себя испанским и португальским колонизаторам, дабы заручиться поддержкой коренных жителей этих мест. У Дрейка уже имелся опыт совместных действий с маронами против испанцев в Центральной Америке. Производя простой обмен с туземцами, англичане узнавали о богатствах региона и возможных перспективах его торгового освоения.

Племена Южной Америки, описанные английскими путешественниками, своим внешним видом и нравами приводят англичан в восхищение. Индейцы добродушны и приветливы, иногда даже более добры к путешественникам, чем многие христиане в Европе. Простота их образа жизни и близость к природе не кажутся спутникам Дрейка недостатком. Наоборот, именно знакомство с португальскими и испанскими колонистами портит нравы индейцев, они становятся коварны, кровожадны и мстительны. Выстраивая свой рассказ в сравнении с испанскими свидетельствами, авторы дневников отмечают, что многие испанские сообщения ложны и не имеют под собой никакого основания. Сам образ португальцев и испанцев, притесняющих коренное население Америки в противовес доброте англичан, служит в их описаниях для укоренения так называемой «черной легенды» об испанской колонизации Нового Света.

Несмотря на относительно многочисленность индейских племен, еще не покоренных испанцами и португальцами, их образ жизни, разрозненность и отсутствие какого-либо упорядоченного управления не оставляют англичанам надежды на поддержание с туземцами регулярных торговых и политических сношений. Таким образом, поиск индейских государств, не покоренных еще ни одним европейским правителем, в ходе экспедиции Дрейка так и не увенчался успехом.

Список литературы

1. Александренков Э.Г. Аборигены Эспаньолы в отчете о разделении 1514–1515 гг. // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 2. – С. 81–92.
2. Ракуц Н.В. Произведения южноамериканских иезуитов XVII–XVIII вв. Как источник для изучения традиционной материальной культуры индейских народов // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 1. – С. 105–119.

3. Ракуц Н.В. Социальная организация индейских обществ к востоку от Анд в описаниях конкистадоров и миссионеров (XVI–XVIII вв.) // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 2. – С. 64–80.
4. *New Light on Drake: A Collection of Documents Relating to His Voyage of Circumnavigation, 1577–1580* / Ed. by Z. Nuttall. – L.: Hakluyt Society, 1914. – 443 p.
5. Акимов Ю.Г. Идеино-правовые основы европейско-аборигенных контактов в колониальной Северной Америке // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2012. С. 120–124.
6. *The World Encompassed by Sir Francis Drake* / Ed. by W. S. W. Vaux. – L.: Hakluyt Society, 1854. – 295 p.
7. Whitfield P. *Sir Francis Drake*. – L.: Brit. libr., 2004. – 160 p.
8. Губарев В.К. Фрэнсис Дрейк. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 374 с.
9. Пигафетта А. Путешествие Магеллана. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1950. – 179 с.
10. *Voyages of Hawkins, Frobisher and Drake. Select narratives from the «Principal Navigations» of Hakluyt* / Ed. by E. J. Payne. Oxford: Clarendon Press, 1907. – 280 p.
11. Кеймен Г. Испания: дорога к империи. – М.: АСТ Хранитель, 2007. – 764 с.
12. Акимов Ю.Г. Открытие Флориды и начало испанской экспансии в юго-восточной части Североамериканского континента в 1510-е годы // Латинская Америка. – 2013. – № 9. – С. 58–69.
13. Andrews K.R. The Aims of Drake's Expedition of 1577–1580 // *The American Historical Review*. – 1968. – Vol. 73. – № 3. – P. 724–740.
14. Пастушенко А.О. О функции игры в жизни пиратов Западной Атлантики XVI–XVIII вв. // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія: Історія. 2009. – № 852. – Вип. 41. – С. 59–69.

References

1. Aleksandrenkov E.G. *Aborigeny Espan'oly v otchete o razdelenii 1514–1515 gg.* [Aborigines of Hispaniola in the report on the division of 1514–1515] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. – 2017. – № 2. – P. 81–92.
2. Rakuts N.V. *Proizvedeniya yuzhnoamerikanskikh iezuitov XVII–XVIII vv. Kak istochnik dlya izucheniya traditsionnoi material'noi kul'tury indeiskikh narodov* [17th–18th Centuries Writings by South American Jesuits as a Source for Studying the Traditional Material Culture of Native American Peoples] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. – 2015. – № 1. – P. 105–119.
3. Rakutz N.V. *Sotsial'naiia organizatsiia indeiskikh obshchestv k vostoku ot And v opisaniikh konkistadorov i missionerov (XVI–XVIII vv.)* [Social Organization of Native American Societies to the East of the Andes in Descriptions by Conquistadors and Missionaries (16th–18th Centuries)] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. – 2017. – № 2. – P. 64–80.
4. *New Light on Drake: A Collection of Documents Relating to His Voyage of Circumnavigation, 1577–1580* / Ed. by Z. Nuttall. – L.: Hakluyt Society, 1914. – 443 p.
5. Akimov Yu. G. *Ideino-pravovye osnovy evropeisko-aborigennykh kontaktov v kolonial'noi Severnoi Amerike* [The ideology and legal framework of European-Aboriginal contacts in colonial North America] // *Aktual'nye problem istorii i istoriografii stran Zapadnoi Evropy i Ameriki v Novoe i Noveishee vremya* [Actual problems of history and historiography of Western Europe and America in the Modern and Current History]. – Iшим: Izd-vo IGPI im. P.P. Ershova, 2012. – P. 120–124.

6. The World Encompassed by Sir Francis Drake / Ed. by W. S. W. Vaux. – L.: Hakluyt Society, 1854. – 295 p.
7. Whitfield P. Sir Francis Drake. – L.: Brit. libr., 2004. – 160 p.
8. Gubarev V.K. *Frensis Dreik* [Francis Drake]. – M.: Molodaya gvardiya, 2013. – 374 p.
9. Pigafetta A. *Puteshestvie Magellana* [Journey of Magellan]. – M.: Gos. izd-voegeogr. lit., 1950. – 179 p.
10. Voyages of Hawkins, Frobisher and Drake. Select narratives from the «Principal Navigations» of Hakluyt / Ed. by E. J. Payne. – Oxford: Clarendon Press, 1907. – 280 p.
11. Keimen G. *Ispaniya: doroga k imperii* [Spain: Road to the Empire]. – M.: AST Khranitel', 2007. – 764 p.
12. Akimov Yu. G. *Otkrytie Floridy i nachalo ispansko iekspansii v yugo-vostochnoi chaste Severoamerikanskogo kontinenta v 1510-e gody* [Discovery of the Florida and beginning of Spanish expansion in the southeastern part of the North American continent in the 1510s] *Latinskaya Amerika*. [Latinskaya Amerika]. – 2013. – № 9. – P. 58–69.
13. Andrews K. R. The Aims of Drake's Expedition of 1577–1580 // *The American Historical Review*. – 1968. – Vol. 73. – № 3. – P. 724–740.
14. Pastushenko A. O. *O funktsii igry v zhizni piratov Zapadnoi Atlantiki XVI–XVIII vv.* [About the function of the game in the life of pirates of the Western Atlantic XVI–XVIII centuries] // *Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta imeni V.N. Karazina* [Bulletin of the Kharkov National University named after V. N. Karazin.]. Ser.: History. 2009. – № 852. – Vol. 41. – P. 59–69.

ЯЗЫК В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(47):006.91

ГРНТИ 16.21.25: Образование и развитие языков

О.А. Теуш

Народная метрология: представления о расстоянии и мере

Статья посвящена русским лексемам, которые обозначают параметры измерения расстояния. Народная метрология рассматривается в соотношении с парадигмой бытового опыта русского человека, потребностями в освоении окружающего пространства, производственной деятельностью. Выявляются наименования, основанные на системе верований и представлений о природных силах, сакральных знаниях. Проведенный анализ позволяет утверждать, что наиболее общим представлением о расстоянии является противопоставление «ближний» – «дальний», при этом обозначения далеких мест преобладают. Деятельность диалектоносителя отражена во внутренней форме большинства лексем анализируемой группы: представления о расстоянии формируются в результате различных форм опыта (пешего перехода, плавания по реке на лодке, перегона животных при выпасе вне населенного пункта, охоты на лесных зверей). Во внутренней форме ряда лексем отражены архаические способы звукового измерения расстояния, символика числительных, а также представления об образе черта и его действий в пространстве. В целом в народной метрологии проявляется ментальная и языковая архаика.

Ключевые слова: метрология, лексика, диалект, производность, термин, номинация, расстояние, мера.

О.А. Teush

National Metrology: the notions of distance and measure

The article deals with Russian lexemes, which denote the parameters of the distance measurement. National Metrology considered in relation to the paradigm of the everyday experience of the Russian people, needs to learn from the environment from production activities. Detected names based on the system of beliefs and ideas about natural forces, sacred knowledge. The analysis suggests that the most common representation of distance is the juxtaposition of "the middle" "far", the index of faraway places predominate. The activity of a dialect speaker are defined is reflected in the internal form of most of the lexemes analyzed the group's perceptions of distance are formed as a result of various forms of experiences (Hiking, swimming in the river in a boat, driving of animals grazing outside the village, hunting for wild animals). In the internal form of the number of tokens reflects the archaic modes of audio distance measurements, the

---

© Теуш О.А., 2017

© Teush O.A., 2017

symbolism of numerals, and also ideas about the way the devil and his actions in space. Overall, in the national Metrology manifested mental and the language archaic.

Key words: metrology, vocabulary, dialect, derivation, term, nomination, distance, measure.

Традиционный повседневный производственный опыт жителя русской деревни предполагает передвижение по местности: для заготовки сена, дров, сбора ягод, грибов, лекарственных растений. Пастьба животных производится вне территории поселения, на окружающих угодьях. Сами поселения нередко расположены на значительном расстоянии друг от друга, что обуславливает важность знания о возможности поездки или пешего перехода в другое поселение и времени пути туда.

Научное исследование русской народной метрологии не проводилось. В наиболее значимом труде по географической терминологии – книге Н.И. Толстого «Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды» [1] – лексем с метрологическим значением не рассматриваются. В монографии Л.В. Куркиной «Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка» [2] описывается только понятие границы. Из исследований, посвященных севернорусской географической терминологии, значимой является книга В.Л. Васильева «Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки)» [3], однако и в ней метрологические значения лексем, даже если они представлены в лексикографических источниках, не приводятся и не рассматриваются. Е.Л. Березович, интерпретируя внутреннюю форму русских топонимов, в разделе «Протяженность» приводит несколько географических названий, во внутренней форме которых отражаются наивные метрологические представления [4, с. 178–183].

Анализ лексических данных показывает, что наиболее общим представлением о расстоянии является антитеза *близкий – далекий*. Корень *близ-/блж-* реализуется во внутренней форме ряда лексем: *близь*, *блúзность* ‘близлежащая местность, окрестности’ (Арх.) [5. Т. 2, с. 33–34], *блúзень* ‘близкое место’ (Новг.) [6. Т. 1, с. 59], *блúжность* ‘близость, недалекое расстояние’ (Влг.) [7, с. 27], ‘небольшое расстояние, близость’ (Влг.) [7. Т. 1, с. 76]. Представленный корень праславянского и далее индоевропейского происхождения и имел исходную семантику ‘сжатый, сбитый’, из которой развивается значение ‘прилегающий, соседний’ > ‘близкий’ [8, с. 49]. Наименования дальних объектов более редки: *отдалёнство* ‘отдаленность, значительное расстояние между предметами’ (Арх.) [9, с. 146], *отдаль* ‘место, расположенное далеко’ (Арх.) [10]. Общеславянская семантика корня **dal-* интерпретируется через этимологическое родство с **dyliti* (русск. *длить* ‘продолжать, затягивать на долгий срок’ [8, с. 201]), **dyl-gъ(jь)*

(рус. *дóлгий* ‘продолжительный, длительный’, ‘имеющий большую длину, протяжение’ [8, с. 207]), при этом допускается родство слав. **dal-* с лит. *tolì* ‘далеко’, *tolùs* ‘далекий’, *tōlis* ‘даль’ [8, с. 179]. Мерой отдаленного расстояния является *верста́* ‘старая русская мера длины, равная 1,06 км’ (< праслав. **vьrsta* < **vьrtta*, производного с суфф. *-ta* от глаг. **vьrtěti* (рус. *вертеть*), первонач. расстояние между двумя поворотами плуга’ > ‘одинаковый с другими отрезок расстояния > ‘равный’, отсюда ‘мера длины, верста’) [8, с. 82]: *за версто́й* ‘очень далеко’ (Печор.) [7. Т. 1, с. 61].

Обобщающими терминами для номинации расстояния являются лексемы *протяженье* (Новг.) [7. Т. 5, с. 312], *мѣсто* (Арх., Влг., Карел.) [7. Т. 3, с. 229]. Последнее < праслав. *město*, родственному др.-инд. *mēthis*, *methi* ‘столб’, лит. *miētas*, лтш. *miets* ‘кол, палка’, < и.-е. *mēit-* ‘укреплять; палка, бревно’ [8, с. 442].

Измерение расстояния могло производиться в соотношении со временем преодоления пути: *день*, *днѣще* ‘гадательное в Самоедских тундрах, при езде аргышом, пространство перегона для корма оленей (25–30 верст)’ (Арх.) [11, с. 37]. Если место перемещения является отдаленным, то при достижении его требовалась ночевка: *ночи* ‘дальние покосы’ (Влг.) [10], *ночлѣг* ‘дальний сенокос, где оставались ночевать’ (Арх., Ленингр., Мурм.) [7. Т. 4, с. 49].

Способ передвижения отражен в таких мерах расстояния, как *пегрѣб* ‘расстояние в 30 верст, пройденное греблей’ (Арх.) [12. Т. 3, с. 45], *переѣздка* ‘расстояние между остановками’ (Арх.) [7. Т. 4, с. 443], *перѣйдище* ‘один переход, пешая путинка’ (Твер., Пск.) [12. Т. 3, с. 96].

Неясна внутренняя форма лексемы *перека́лье* ‘не слишком большое расстояние от одного предмета до другого, например, промежуток между концами двух озер’ (Арх.) [9, с. 176], ‘промежек, промежуток’ («*перекалья меж озер*») [12. Т. 3, с. 55], которая находит соответствие в смол. *ка́ливо*, *ка́лево* ‘немножко’, *ка́лива* ‘мало’, см. [13. Т. 2, с. 166–167]. Вместе с тем при учете ареала – зоны активных контактов с прибалтийско-финскими народами – можно предполагать образование от несохранившегося или незафиксированного рус. диал. **калья* ‘холм, гора’ (< приб.-фин. или саам., ср. фин. *kallio*, карел. *kallivo*, люд. *kal’*, *kal’l’*, вепс. *kal’* ‘скала’ [14, с. 287]). В этом случае исходное значение лексемы может быть восстановлено как ‘расстояние между двумя скалами’.

Лексема *перету́ра* ‘перегон’ (Влг.) [15, с. 71], вероятно, связана с глаголом *турить* ‘торопить, гнать’, *ту́рить* ‘быстро плыть на лодке’ (Арх.), который находит соответствия, например, в укр. *потурити* ‘погнать’, блр. *турыць* ‘то же’ [13. Т. 4, с. 123], болг. *ту́рям* ‘ставить, класть’, с.-хорв. *турити* ‘бросить, столкнуть’ [8, с. 1008]. В то же гнездо входит лексема *оботу́рок* ‘отдаленное место, захоластье’ (Арх.) [10]. Близка по внутренней форме лексема *гон* ‘мера расстояния’

(Костр.) [10], 'мера измерения расстояний' (Костр.) [16. Т. 3, с. 94], образованная от глагола *знать* 'заставлять двигаться в каком-либо направлении' [8, с. 155], ср. с.-хорв. *гдн* 'расстояние, пробегаемое лошастью за один раз' [13. Т. 1, с. 436].

Небольшое расстояние номинируется лексемой *проскóчек* (Твер., Пск.) [12. Т. 3, с. 509], которая производна от глагола *проскочить* 'пройти, пробежать быстро мимо чего-н.' [8, с. 763]. Значение 'глухомань, захолустье' имеет слово *отбрóсок* (Арх.) [10], образованное от глагола *отбрóсить* 'бросить в сторону' [8, с. 583].

Далекie участки личных земельных владений номинируются терминами *отрѐзка* 'участок земли, отведенный кому-л. и находящийся далеко от дома' (Яр.) [16. Т. 7, с. 67] (< *отрѐзать* 'отделить межеванием (земельный участок)' [8, с. 596]), *отруб* 'отдаленный лесной покос или пахотный участок' (Яр.) [10] (конкретизация от *отруб* 'в царской России в 1906–1916 гг.: участок земли, выделяющийся в личную собственность крестьянину при выходе его из общины' < *отрубить* 'отделить рубя' [8, с. 597]), *отводóк* 'самое дальнее от деревни поле' (Влг.), *отводнóй учáсток* 'участок земли, отведенный кому-л. в стороне, в отдалении' (Яр.) [16. Т. 7, с. 63], ср., *отвестú*, несов. *отводúть* 'назначить, отдать в пользование' [8, с. 583–584].

Одной из конкретизаций *окóлок* 'перелесок, молодой лес возле большого леса' (Брян.), 'перелесок в болотистой местности; заболоченный участок в лесу' (Краснояр., Кемер., Новосибир., Том.), ср. также *окóлок* 'часть, край деревни, лежащие в стороне, в отдалении от главной, основной ее части' (Арх.) [17. Т. 23, с. 142], является лексема *окóлок* 'отдаленное глухое место в лесу' (Влг.) [7. Т. 4, с. 181]. С иной приставкой отмечено *укóлок* 'близкое место' (Пск., Твер.) [18, с. 278]. Обе лексемы производны от *кóлок* 'роща, лесок в поле, степи; островок крупного леса среди мелколесья, болота и т. д.' [17. Т. 14, с. 162], для которого надо предполагать отглагольное происхождение, ср. *колóть* 'раздроблять, рассекать, делить на куски' (< праслав. **kolti*) [8, с. 350].

В качестве обозначения дальнего места в русских диалектах используется термин *укра́ина* 'окраина, далекие места' (Влг.) [19, с. 523], 'дальнее глухое место' (Костр.), 'окраина, дальняя деревня или несколько деревень' (Влг.) [10]: «производно от др.-рус. *оукраина* 'пограничная местность', связано с диал. *укра́й* 'с краю; на берегу', *укра́йной* 'крайний'» [8, с. 1024]. Праславянский корень **kraj-* связан чередованием гласных с **krojiti* (русск. *кроить* 'разрезать (ткань, кожу) на куски определенной формы для шитья, изготовления чего-н.'), < праслав. **kroj-*, которое реализует исходное и.-е. **(s)ker-* 'резать' [8, с. 375, 382]. Близкую внутреннюю форму имеет термин *усторóнье* 'глушь, место отдаленное' (Арх., Новг.) [9, с. 241], 'отдаленная местность, глушь' (Арх.) [11, с. 180], 'глушь, захолустье, место, удаленное от города, от большой дороги' (Сев.) [12. Т. 4, с. 515]. Слово производ-

но от *сторона* 'направление, а также пространство, расположенное в удалении, на каком-н. расстоянии от кого-чего-н.', которое «связано чередованием гласных с глаголом **-sterti* (русск. *простереть*)» [8, с. 947].

В лексеме *сутырь* 'дальнее глухое место', 'удаленный лесной массив' (Влг.) [10], зафиксированной также в значениях 'угол поля, дороги, тупик' (Костр.), 'участок поля, вдающийся в лес' (Влг.), 'участок поваленного ветром леса' (Влг.), 'край болота, вдающийся в лес' (Влг.) [10] могут быть выделены архаическая приставка *су-* со значением 'связь, соединение' [13. Т. 3, с. 791] и корень *-тыр-*, который связан чередованием гласных с *-тур-*: русск. *турить* 'грубо прогонять, гнать', имеющее соответствия, например, в с.-хорв. *тўрити* 'бросить, столкнуть' [8, с. 1007–1008].

У лексемы *тьма* (Арх.) [10] представлено значение 'далекое глухое место'. В русском литературном языке слово обозначает 'отсутствие света, мрак' [8, с. 1010]. Известно слово *тьма* в числовом значении: 'в Древней Руси: десять тысяч', 'очень большое количество, число кого-чего-н.', которое рассматривается как калька тюрк. *tuman* 'десять тысяч, мгла' [8, с. 1010]. Географическая семантика вторична.

Лексема *пастбище* 'расстояние около полуверсты' (Твер., Пск.) [12. Т. 3, с. 23] является результатом расширения значения *пастбище* 'место, где пасется скот, кормятся животные' [8, с. 616]. Развитие метрولوجической семантики связано с тем, что пастбища располагались недалеко от деревни.

Несколько метрولوجических лексем производны от названий деревенских объектов: *печыще* 'отдаленная от других населенных местностей деревня или поселок' (Арх.) [11, с. 121], ср.: *печыще* 'печь' (КАССР), 'деревня' (Арх.) [17. Т. 27, с. 6]; *шóмуша* 'дальний участок леса' (Арх.) [10], ср.: *шóмуша* 'угол перед печью, служащий кухней' (Арх.) [10]. Можно считать, что образ дома целиком формирует крестьянское мировоззрение, накладывается на окружающий мир.

От *кру́глый* 'имеющий форму круга или шара' [8, с. 383] образована лексема *круглы́на* 'окольный или вообще дальний путь, большое расстояние, околица' (Новг.) [12. Т. 2, с. 200–201].

Обозначением расстояния является слово *кляка́* (Арх.) [10], которое употребляется также во фразеологических сочетаниях *ба́ба ме́рила кляко́й да махну́ла руко́й* 'о неопределенно большом расстоянии' (Арх.), *кляко́й ме́ряли, изме́рить не мо́гли* 'об очень большом расстоянии' (Яр.) [10]. В литературном языке представлена *кляка́* 'палка с кривым верхним концом для опоры при ходьбе', которое родственно с.-хорв. *кљука* 'крюк, крючок; изгиб, поворот (дороги)', чеш. *klíka* 'изгиб, крюк' (< праслав. **kl'uka*, для которого выстраивается развитие значения 'изгиб, загиб' > 'разветвленный стебель') [8, с. 342].

Слово *стрелу́ще* ‘расстояние, через которое пуля хватить может’ (Арх., Новг.) [9, с. 218], ‘мера, на какую ружье бьет, пуля, дробь, ядро хватает’ (Сев.) [12. Т. 4, с. 345] < *стреля́ть* ‘производить выстрел из стрелкового или метательного оружия’ [8, с. 950]. Появление лексемы в диалектах Европейского Севера России связано с широким распространением охоты как одного из основных занятий мужчин.

Древнейший способ звукового измерения расстояния отражен в лексеме *рык* ‘мычание в значении меры расстояния’: «*Далеко ли отсюда до вас? – На коровий рык; на три рыка коровьих*» (Твер.) [9, с. 194].

Числовая семантика представлена в фразеологизмах *дэвять путей* ‘о долгой дороге, нелегком пути’ (Арх.) [5. Т. 10, с. 403], *за дэвять дорог киселя хлебать* ‘далеко, на неопределенное расстояние’ (Арх.) [10]. Употребление числительного связано с девятиричной системой счета.

Образ черта реализуется в номинациях *чёртова верста* ‘о неизвестном расстоянии’, *чёрт лаптем мёрил*, *чёрт мёрял да верёвка сорвалась*, *чёрт мёрял да верёвку вёрвал (сорвал)*, *чёрт ходил да верёвку сорвал*, *чёрти мёряли да верёвку порвали*, *чёрт кочергой мёрил и верёвку сорвал*, *чёрт не схватит* (Арх.) ‘о неизмеримом расстоянии’ [10]. *Чёрт* ‘в религиозных представлениях и народных поверьях: нечистый дух, олицетворяющий зло (изображаемый обычно человекоподобным существом, в шерсти, с рогами, копытами и хвостом)’: по происхождению лексема связана с праслав. *čьrtь, производным от *čersti, *čьrtъ, ср. др.-русск. *чьрсти* ‘чертить, проводить борозду, вспахивать’ [8, с. 1092].

В семантике слова *сузём* ‘дальний лес’ (Влг.), ‘дальний покос в лесу’ (Арх.) [10] содержится компонент ‘дальний’. Лексема является заимствованием из финно-угорских языков, ср. фин. *systmä* ‘лесная глушь; сплошной удаленный лес’ [14, с. 221].

На севере России единицей измерения расстояния является *чёмкас* ‘расстояние в пять и более верст, зырянская миля’ (Влг.) [19, с. 553], *чёмкос* ‘определение путевого расстояния, приблизительно около пяти верст’ (Арх.) [11, с. 187], *чёмкас* ‘мера длины, которою измеряют дорогу и обозначают расстояние между курными избушками, устраиваемыми или для охотников на зиму, или для косарей на лето’ (Влг.) [19, с. 553]. В словаре А. Подвысоцкий дает свою этимологию слова: «Чемкосы определяются измерением пространства, а считаются от одного какого-нибудь урочища (напр., лес, холм и проч.) до другого. Слово это зырянское и составлено из слов: *чем* ‘клеть’ и *кост* ‘промежуток’» [11, с. 187], т. е. первоначальное значение слова – ‘промежуток между избами’.

В целом народные меры расстояния базируются на бытовом опыте и производны от лексем, номинирующих хозяйственные действия,

передвижение в пространстве (время и способ преодоления пути), связаны с ориентацией относительно смежных географических объектов. В редких случаях наименования дистанционных мер отражают народные верования и представления о природных силах. Основопологающим является противопоставление 'близкий' – 'далекий'. По происхождению большая часть лексем – это дериваты праславянских корней, потому представлены слова, номинирующие древнейшие способы измерения расстояния. Мифологические представления отражаются редко. Заимствования (прибалтийско-финские и коми) немногочисленны.

Список литературы

1. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. – М., 2006. – 360 с.
2. Куркина Л.В. Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. – М., 2011. – 367 с.
3. Васильев В.Л. Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). – Великий Новгород, 2001. – 255 с.
4. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. – М., 2009. – 328 с.
5. Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. – М., 1980. Вып. 1.
6. Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. – Новгород, 1992–1995. – Вып. 1–12.
7. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. – СПб., 1994–2005. – Вып. 1–6.
8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. – М., 2008. – 956 с.
9. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. – СПб., 1852. – 300 с.
10. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
11. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1885. – 202 с.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб., 1903–1909. Т. 1–4.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / ред. Б. А. Ларин. – СПб., 1996. – Т. 1–4.
14. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. – Helsinki, 1919. – 187 s.
15. Герасимов М.К. Словарь уездного Череповецкого говора // Сб. ОРЯС. 1910. – Т. 87. – № 3. – 111 с.
16. Ярославский областной словарь. – Ярославль, 1981–1991. – Вып. 1–10.
17. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин; Ф.П. Сороколетов. – М.; Л., 1965–... . Вып. 1–.
18. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». – СПб., 1858. – 326 с.
19. Дилакторский П.А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – Вологда, 1902. – 677 с.

References

1. Tolstoj N.I. *Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya. Semasiologicheskie ehtyudy* [Slavic geographical terminology. Semasiologically studies]. – M., 2006. – 360 s.
2. Kurkina L.V. *Kul'tura podsechno-ogneвого zemledeliya v zerkale yazyka* [Culture of slash-and-burn agriculture in the mirror of language]. – M., 2011. – 367 s.
3. Vasil'ev V.L. *Novgorodskaya geograficheskaya terminologiya (Areal'no-semasiologicheskie ocherki)* [The Novgorod geographical terminology (Areal-semasiologically essays)]. – Velikij Novgorod, 2001. – 255 s.
4. Berezovich E.L. *Russkaya toponimiya v ehtnolingvisticheskom aspekte: Prostranstvo i chelovek* [Russian toponymy in ethnolinguistic aspect: Space and people]. – M., 2009. – 328 s.
5. *Arkhangel'skij oblastnoj slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary] / pod red. O.G. Getsovoj. – M., 1980. Vyp. 1.
6. *Novgorodskij oblastnoj slovar'* [Novgorod regional dictionary] / otv. red. V.P. Strogova. – Novgorod, 1992–1995. – Vyp. 1–12.
7. *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastej* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions] / Gl. red. A. S. Gerd. – SPb., 1994–2005. – Vyp. 1–6.
8. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language, including information about the origin of words]. – M., 2008. – 956 s.
9. *Opyt oblastnogo velikorussskogo slovarya, izdannyy Vtorym otdeleniem Akademii nauk* [The experience of the regional great dictionary, published by the Second division of the Academy of Sciences]. – SPb., 1852. – 300 s.
10. *Kartoteka «Slovarya govorov Russkogo Severa» (khranitsya na kafedre russkogo yazyka i obshhego yazykoznaniya UrFU)* [Card file of "Dictionary of dialects of the Russian North"].
11. *Podvysotskij A. Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i ehtnograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application]. – SPb., 1885. – 202 s.
12. *Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka* [Explanatory dictionary of living great Russian language]. – SPb., 1903–1909. – T. 1–4.
13. *Fasmer M. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian language] / red. B.A.Larin. – SPb., 1996. – T. 1–4.
14. *Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen* [Ostseefinnischen Die Lehnwörter im Russischen]. – Helsinki, 1919. – 187 s.
15. *Gerasimov M.K. Slovar' uezdnogo Cherepovetskogo govora* [Dictionary of the dialect of the County Cherepovets] // Sb. ORYAS. – 1910. – T. 87. – № 3. – 111 s.
16. *Yaroslavskij oblastnoj slovar'* [Yaroslavl regional dictionary]. – Yaroslavl', 1981–1991. – Vyp. 1–10.
17. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects] / gl. red. F. P. Filin; F.P. Sorokoletov. – M.; L., 1965–... . Vyp. 1–.
18. *Dopolnenie k «Opytu oblastnogo velikorussskogo slovarya»* [Addition to the "Experience of the regional great dictionary"]. – SPb., 1858. – 326 s.
19. *Dilaktorskij P. A. Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiya v ego bytovom i ehtnograficheskom primenenii* [Dictionary of regional Vologda dialect in its everyday and ethnographic application]. – Vologda, 1902. – 677 s.

Сокращения

1. Географические названия.

Арх. – Архангельская область
Брян. – Брянская область
Влг. – Вологодская область
Карел. – Республика Карелия
Кемер. – Кемеровская область
Костр. – Костромская область
Краснояр. – Красноярский край
Ленингр. – Ленинградская область
Мурм. – Мурманская область
Новг. – Новгородская область
Новосиб. – Новосибирская область
Печор. – бассейн р. Печора
Пск. – Псковская область
Сев. – Север европейской части России
Смол. – Смоленская область
Твер. – Тверская губерния
Том. – Томская область
Яр. – Ярославская область

2. Языки

блр. – белорусский язык
болг. – болгарский язык
др.-инд. – древнеиндийский язык
др.-рус. – древнерусский язык
и.-е. – индоевропейский праязык
лит. – литовский язык
лтш. – латышский язык
праслав. – праславянский язык
рус. – русский язык
слав. – славянские языки
смол. – смоленские диалекты
с.-хорв. – сербохорватский язык
тюрк. – тюркские языки
укр. – украинский язык
фин. – финский язык
чеш. – чешский язык

3. Прочие

глагол. – глагол
диал. – диалектное
напр. – например
проч. – прочее
ср. – сравни
суфф. – суффикс

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

УДК 94(47)"1851/1917":373.2-058.1

ГРНТИ 03.23.31: История России нового времени

В.А. Веременко

Детские сады и вопрос о социализации детей дошкольного возраста в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в.

В статье исследуется процесс формирования дошкольного образования в России в свете вопроса о социализации детей из дворянско-интеллигентских семей. Обращается внимание на то, что в России, в отличие от других стран, именно привилегированные слои стали главными потребителями системы «детских садов». Дается характеристика идеолого-педагогических и прикладных причин образования подобных учреждений. Описываются две основные формы интеллигентских детских садов: платные и семейные (домашние). Акцентируется внимание на внутреннем устройстве и деятельности детских садов, на педагогических практиках преподавателей. Автор делает вывод, что пропаганда общественного дошкольного воспитания через описание опыта существовавших детских садов в педагогических изданиях, деятельность специализированных обществ и многочисленных выставок способствовала к началу XX в. росту понимания важности и даже необходимости социализации детей младших возрастов среди привилегированных слоев российского общества.

Ключевые слова: дворянско-интеллигентские семьи, дошкольное воспитание, детский сад, социализация детей, подготовка к школе.

V.A. Veremenko

Kindergartens and the issue of the socialization of the preschool age children in the noble-intellectual families of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries

The article studies the process of the formation of preschool education in Russia in the light of the question of the socialization of children from noble and intellectual families. Attention is drawn to the fact that in Russia, unlike other countries, it was the privileged strata that became the main consumers of the “kindergarten” system. The characteristics of ideological-pedagogical and practical reasons for the formation of such institutions are given. Two main forms of intellectual kindergartens are described: paid and family (home). Attention is focused on the internal structure and activities of kindergartens, on pedagogical practices of teachers. The author concludes that the propagan-

da of public preschool education through the description of the experience of existing kindergartens in pedagogical publications, the activities of specialized societies and numerous exhibitions contributed to the growing awareness of the importance and even the necessity of the socialization of children of younger ages among the privileged strata of Russian society by the early twentieth century.

Key words: noble-intellectual families, pre-school education, kindergarten, socialization of children, preparation for school.

В середине XIX в. в разных странах мира начали распространяться идеи немецкого педагога Фридриха Фрёбеля (1782–1852) [1], предложившего устроить, а в 1837 г. и открывшего первое «воспитательное заведение, которое облегчало бы матерям труды первоначального воспитания, когда матери заняты по хозяйству и давало возможность самим матерям наглядно ознакомиться с основами воспитания». Такое учреждение стали называть детским садом, подразумевая, с одной стороны, сад, в котором дети могли бы играть и знакомиться с природой, а с другой стороны – символическое сходство детей с растениями, требующими тщательного ухода [2. Л. 3].

К концу XIX в. в Европе, Америке и Японии уже существовала достаточно развитая система детских дошкольных учреждений как государственных, так и частных. Причем количество заведений измерялось сотнями, а число посещавших их детей – тысячами. Так, например, в 1890-х гг. в Венгрии существовало ок. 2 000 детских садов, столько же их было во Франции, а в Америке число садов подходило уже к 5 тыс. И даже в Японии, где первое такое детское учреждение появилось только в 1876 г., к 1892 г. было уже 177 детских садов с 12 011 детьми [3. Л. 3].

В Российской империи первый платный детский сад был открыт 1859 г. в Гельсингфорсе, а второй – в Санкт-Петербурге в 1863 г. Новое явление распространялось медленно. По данным, полученным Санкт-Петербургским Фребелевским обществом от попечителей учебных округов, в России в 1874 г. насчитывалось всего 56 детских садов, причем более половины из них располагались в Петербургском (14), Московском (9) и Рижском (8) округах. В последующие годы число учреждений, хотя и медленно, но постоянно росло и в 1881 г. их было уже 84 [4. Л. 1]. В определенной степени сгущая краски, но в целом отражая специфику ситуации, члены Киевского общества народных детских садов отмечали, что к началу XX в. «на всю Россию числилось всего около 100 частных детских садов, исключительно для детей интеллигентных родителей и из них 25 находились в Прибалтийском крае» [5, с. 44].

Таким образом, в отличие от Западной Европы, где значительную роль в развитии системы дошкольного воспитания играло государство, в России до начала XX в. детские сады появлялись исключительно по

инициативе и при финансовом участии частных лиц и обществ. Естественно в этой связи, что данные учреждения распространились прежде всего не для нужд трудящегося населения, а стали важным инструментом социализации дошкольников в дворянско-интеллигентской среде.

Уже с 1860-х гг. сформировалось две группы детских садов, рассчитанных на пребывание детей «привилегированных классов». Первая группа открывалась педагогами или лицами, хотя и не имевшими педагогического образования, но создававшими подобные учреждения как поле для своей профессиональной деятельности, иногда экспериментаторской, иногда чисто коммерческой. Традиционно такие сады было принято называть «платные детские сады». Они открывались по инициативе частных лиц преимущественно в столицах и крупных городах (Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Киеве, Одессе, Тифлисе, Иркутске и др.) и объединяли немногочисленную группу детей (в среднем до 15 чел.) на короткое, преимущественно четырёхчасовое пребывание. К этой группе относятся, например, учреждения, открытые С.А. Люгемилем (1863), супругами Симоновичами (1866), М.К. Кудряковой (1871), С.П. Смиловичем (1872), С.В. Аргутинской-Долгоруковой (1886) [6, с. 61].

В эти учреждения принимали детей в возрасте от 3–4 до 7–9 лет. Плата зависела от месторасположения учреждения (в столицах значительно выше, чем в провинции) и составляла от 50 до 150 р. в год. Так, например, в начале XX в. за посещение детьми немецкого детского сада при Приготовительном училище Кайзер в Санкт-Петербурге родители должны были внести от 100 до 150 р. в год [7. Л. 1–2]. В это же время стоимость пребывания в двух детских садах Казанского учебного округа, а именно в детском саду Софии Кемниц в г. Николаевске Самарской губернии и детском саду Софии Кругликовой в Астрахани составляла в среднем 70 р. за учебный год. Но и данная сумма представляется чрезвычайно значительной, особенно для провинции. Это становится особенно очевидно, с учетом того, что плата за обучение в средних учебных заведениях Казанского учебного округа в указанный период времени колебалась от 10 до 60 р. в год [6, с. 63].

Ко второй группе дошкольных заведений, обслуживавших дворянско-интеллигентские слои населения, принадлежали домашние или семейные сады, которые также стали открываться еще с середины XIX в., но особую популярность получили в начале XX в., на волне популяризации концепции «свободного воспитания». Данные учреждения создавались на основе взаимопомощи родителей, которые соединялись в небольшие группы и устраивали для своих детей игры и занятия, соответствующие детскому возрасту, или приглашали для этого специальных лиц, труд которых оплачивался по взаимному соглашению. Помещение либо предоставлялось кем-либо из родителей, либо

занятия велись «поочередно на дому то у одного, то у другого семейства». Все расходы делились поровну между участниками. Родители принимали активное участие не только в организации сада, но и в проведении воспитательной работы, являясь ближайшими помощниками воспитательниц. Организаторы домашних детских садов полагали, что родители будут принимать активное участие также и в разработке теории дошкольного воспитания. Так как домашние детские сады объединяли небольшую группу детей (около 10 чел.), то здесь больше осуществлялся принцип индивидуального подхода. Нередко родители, дети которых посещали детские сады, не желая «портить их классической школой», тлетворное влияние которой стало общим местом в педагогической прессе данного периода, открывали на свои средства школы для подростков детей. А чтобы сделать незаметным переход детей в школу, занятия в первом классе, как правило, велись «на началах системы детского сада» [8, с. 36; 9, с. 53; 10; 11].

Первоначально организаторы достаточно расплывчато объясняли причины открытия детских садов. Одни утверждали, что делают это просто из-за «любви к детям» [12. Л. 29]. Другие приводили более утилитарные причины, так в Выборге устроили детский сад, чтобы русские дети не забыли свой родной язык [12. Л. 40]. А в Петербурге вдова учителя честно признавалась, что содержала подготовительную школу – «детский сад», так как не имела никаких иных средств к существованию [13. Л. 1].

Но уже этот список дает представление о двух ключевых причинах организации подобных учреждений, постепенно оформившихся в идеолого-педагогическую и прикладную функции дошкольного образования.

Отчетливое представление о педагогических целях, задачах и методах воспитания в детских садах в конце XIX – начале XX в. создает небольшая брошюра, автор которой писал следующее: «Детский сад имеет целью дать детям общее развитие и удовлетворить их стремление к общественности. В детском саду производится свободное воспитание, основанное на внутренней волевой дисциплине, трудовой обстановке и индивидуализации развития каждого ребенка. Кладя основой развития самостоятельное достижение знаний и развитие наблюдательности, собеседования с детьми ведутся только на темы окружающей жизни, природы, внесенной в жизнь детского сада и того материала, который дают прогулки и экскурсии с детьми. Для большего закрепления в памяти детей приобретенных знаний все впечатления иллюстрируются ручным трудом, развивающим навыки рук и внешние чувства. Для развития фантазии детям рассказываются сказки, которые иллюстрируются рисунками, лепкой и драматизацией. Воля и внимание детей развивается в общих подвижных играх и в музыкальных играх...» [14, с. 1]. Как видим, детские сады были наце-

лены на физическое и нравственное воспитание детей в обществе сверстников, в процессе игр и иных занятий, подходящих по возрасту.

В качестве прикладной функции выступали прежде всего необходимость содействовать подготовке детей к дальнейшему обучению в средней школе и создание определенного национального контекста для детей, чьи семьи оказывались в окружении инонациональной группы.

Одна часть современников подчеркивала, что развитие «детских садов и клубов» было обусловлено недостаточностью подготовки самих родителей, прежде всего матерей, для решения задач воспитания своих детей [15, с. 59]. Другие же обращали внимание не столько на уровень подготовки матерей как воспитательниц, сколько на растущую занятость женщин-дворянок в сферах интеллигентных профессий, что отнимало у них в среднем по 7 ч в день. Эти женщины проявляли особый интерес к детским садам: «...как уменьшилась бы нервность, капризы и эта «скука» у детей, если бы они в отсутствие матери оставались в хороших условиях, а не на руках у прислуги!» [15, с. 167].

Соотношение степени реализации прикладных и педагогических задач во многом зависело от установок организаторов (экспериментальных или коммерческих) и готовности родителей идти навстречу педагогам. Так, например, функционировавший в 1870–1880 гг. в Иркутске детский сад создавался как учреждение «Фребелевского взгляда на воспитание детей от 3 до 8 лет», в основе которого «стояло физическое развитие воспитанников посредством подвижных игр, гимнастических упражнений». Но родители видели задачи учреждения совершенно по-другому: «подготовить воспитанников к поступлению в первый класс гимназии или прогимназии». В результате руководящая детским садом М. Тюменцева, боясь потери клиентуры, смогла лишь частично реализовать свои взгляды в младшем отделении (для детей от 4 до 6 лет). Здесь школьных занятий в собственном смысле не было. Дети учились наглядно, без книги. «Обучение воспитанников включало беседы и чтения об окружающих предметах, домашних животных, при этом использовались картины и коллекции и решались задачи развития внимания и наблюдательности, «упражнения чувств». Малыши, сообразно с их возрастом и силами, занимались «работами Фребеля» (с учетом местных условий и потребностей): складыванием и счетом кубиков, плетением из цветной бумаги, постройкой из лучин геометрических фигур и др.». Достигшие же 6 лет переходили к целенаправленному обучению. «Их обучали чтению по звуковому методу и счету до десяти по методу Груббе». Далее же объем материала рос так, чтобы закончившие в 9 лет детский сад дети могли без проблем сдать вступительные экзамены в гимназию [16, с. 43–44].

Среди национальных детских садов наиболее распространенными в начале XX в. были две группы: еврейские и немецкие. Проживание в

России обособленной группы еврейского населения обусловило появление еврейских детских садов, которые, помимо общих целей, ставили задачу дать детям представление об еврейских культурных ценностях, создать традиционную еврейскую среду. Первый еврейский детский сад был открыт в 1908 г. в Варшаве. К 1913 г. в России имелось около 30 платных еврейских садов. В этих еврейских детских садах (Харьков, Баку, Одесса, Белосток и др.) придерживались общих для дошкольных учреждений принципов воспитательной работы, но занятия шли на еврейском языке, проводились еврейские религиозные праздники, пелись еврейские песни и т. д. Дети старшего возраста обучались русской и еврейской грамоте [17, с. 2].

Если еврейские детские сады и формировались, и функционировали как национальное образование, то в другом направлении шло развитие немецких дошкольных учреждений в России. Наиболее типичным примером подобной эволюции являлись детский сад и приготовительная школа Кайзер в Санкт-Петербурге. Детский сад появился при школе в 1909 г., когда содержательницей данного учреждения стала Эмилия Эдуардовна Мартенсон. Учреждение готовило детей к поступлению в немецкие церковные училища, русские средние учебные заведения, в кадетские корпуса и в младший приготовительный класс Училища правоведения [18, с. 405].

Среди преподаваемых предметов были: закон Божий (православный) / закон Божий (лютеранский), фребелевские занятия, русский, немецкий и французский языки, арифметика. Все преподаватели имели свидетельства домашней наставницы, учительницы, степень магистра Духовной академии или проходили курсы учительской семинарии или педагогические. Если изначально учебное заведение привлекало внимание иностранцев (прежде всего немцев) и лютеран, то с течением времени положение изменилось, и среди учащихся было много лиц православного вероисповедания. Так, в 1913 г. православными были 62,6 % учащихся, протестантами – 23,3 %, католиками – 6,1 %, иудеями – 7,4 %, магометанами – 0,6 %. По сословному составу преобладали дворяне (69 чел.). Остальные сословия распределялись следующим образом: принадлежащие к городскому и сельскому состоянию – по 12 чел., духовному званию – 2 чел. Среди воспитанников было и 68 иностранцев [7. Л. 1–2].

Как видим, платные детские сады появлялись как при школах (приготовительных или средних учебных заведениях), где выделялись несколько комнат для малолетних детей, так и как отдельное учреждение, для чего группа заинтересованных лиц снимала специальную квартиру. И уже из детского сада учреждение могло эволюционировать в школу. В очень редких случаях, как это, например, было в конце XIX в. в Иркутске, детские сады располагались в собственном доме. А отдельные учреждения представляли целые «детские город-

ки». Так, в 1889 г. в Москве был устроен универсальный детский сад в память покойной жены Кельиной, где были организованы музей, детская библиотека, читальня, класс детского хорового пения и астрономическая обсерватория [19. Л. 74; 12. Л. 75; 21; 16, с. 43].

Итак, платный (семейный) детский сад представлял собой учреждение, которое посещали дети 3–9 лет из дворянско-интеллигентских семей, с целью начальной социализации и обучения через игры и занятия, подходящие по возрасту, а также подготовки к школе. При приеме предъявлялось свидетельство врача о состоянии здоровья и о прививке от оспы. Занятия велись с 10 до 14 ч. Дети занимались рисованием, лепкой, ручным трудом (столярным делом, клейкой, шитьем), гимнастикой, играли. Дети в старших группах обучались чтению, арифметике, письму, немецкому и французскому языкам и танцам [11; 20].

Имеющиеся в нашем распоряжении воспоминания детей, посещавших подобные дошкольные учреждения в разных частях страны, в целом дублируют друг друга, что подчеркивает близость педагогических установок содержателей заведений. Вот, например, как описывает свой детскосадовый опыт 1878 г. дочь офицера О.М. Меницкая-Зоммар: «Зимой, в Варшаве, меня отдали в детский (частный тогда) сад. Начальница была хороший, добрый гуманный человек, педагог от природы. Были две руководительницы – немочка-куколка и француженка. Мы играли, играя учились читать, петь на немецком и французском языках песенки, учили стихи, плели из полосок бумаги корзиночки, закладки, клеили и т. д. Делали гимнастику и большие прогулки в «Лозняки», знаменитый сад, гордость Варшавы» [22, с. 117].

Приблизительно в те же годы (1876–1878) воспитанником детского сада Е.А. Вертер в Санкт-Петербурге был будущий известный искусствовед А.Н. Бенуа. Хотя автор отмечал, что не все занятия были одинаково интересны, так как педагоги тщательно следили за тем, чтобы игры детей обязательно имели какой-нибудь дидактический смысл. Но в то же время мемуарист с благодарностью вспоминал, как без особого напряжения дети учились чтению и счету, занимались основами истории и географии [23, с. 353–364].

Подробные отчеты о деятельности детских садов печатались в передовых педагогических журналах. Особое внимание в этих статьях уделялось постановке трудового и физического воспитания, выдвигание которых на первый план должно было кардинально отличать ориентированные на «естественное воспитание» дошкольные учебные заведения от «ретроградной» казенной школы [24]. Так, характеризуя деятельность детского сада М.А. Гуцевич, действовавшего в 1907 г. в Москве, корреспондент «Свободного воспитания» особо акцентировал внимание на том интересе, с которым дети 5–10 лет занимались ручным трудом (столярным делом, клейкой, шитьем), а также самообслу-

живанием. «В этом году, – с гордостью отмечал успехи школы один из родителей, – наблюдается отрадное явление с мытьем посуды: не приходится как в прошлом году упрашивать, – моют сами; правда, девочки в этом отношении более исполнительны, мальчики почти все только вытирают» [25, с. 21].

С воодушевлением отмечали корреспонденты педагогических изданий факт появления «передовых» дошкольных учреждений и в отдаленных регионах страны. Внимательно следил журнал «Свободное воспитание» за деятельностью подобного учреждения в г. Баку, где «несколько родителей затеяли собрать в группу своих детей-одиночек, лишенных блага общества себе подобных, для общих игр и занятий под руководством опытной воспитательницы» [26, с. 5; 27]. Правда, далеко не все педагогические эксперименты провинциальных воспитателей находили полную поддержку среди столичных поборников «естественного воспитания». Так, создатели бакинского детского сада приводили следующий пример из своей практики работы с 5–8-летними детьми: «Читали о развитии зародыша в яйце, потом взяли двухнедельное яйцо из под курицы, вскрыли его и, очистив зародыш от крови и пленок, внимательно рассматривали его, его нежные крылышки и ножки, его прозрачную, но уже куриную кожу, сквозь которую были видны и мозговые пузыри, и легкие, и печенька и кишечник. ... Эта демонстрация решила ... давно наболевший у одних родителей, детский вопрос о происхождении человека. Здесь он разрешился просто и естественно при проведении аналогии в развитии жизни растений, насекомых, рыб, земноводных, птиц и млекопитающих. Дети выслушивали объяснение просто и с большим интересом...». Приведя данный эпизод, члены редакции журнала «Свободное воспитание», активно пропагандирующего идеи трудового, естественного и полового воспитания, посчитали нужным все же указать: «...Читая про это в высшей степени интересное наблюдение, неприятно как-то делается при мысли, что ради него на глазах у детей была пресечена начавшаяся жизнь живого существа, что, помимо самого по себе факта уничтожения его, может, по нашему мнению дурно отразиться на детской психике, поддерживая, может быть, ту склонность к разрушению жизни слабых существ, которую дети именно по большей части и проявляют вследствие интереса знать, что в этом существе есть» [26, с. 23–24].

Немалую роль в пропаганде социализации «детей интеллигентных родителей» через систему дошкольных учреждений сыграли специализированные общества: Фрѐбелевское общество, работавшее с 1871 г. в Санкт-Петербурге, а к началу XX в. уже имевшее несколько самостоятельных отделений, Общество содействия дошкольному воспитанию, действовавшее с 1907 г. в столице, открывшийся в том же году Московский кружок совместного воспитания и образования детей и др.

К числу наиболее значимых общественных мероприятий по распространению идей дошкольного воспитания относятся различные выставки, проходившие в конце XIX – начале XX в. на регулярной основе. В 1890 г. была устроена первая Всероссийская выставка игрушек в Петербурге, в которой участвовало семь детских садов. В 1896 г. в Нижнем Новгороде проходила выставка, где были представлены детские работы и работы учащихся школ, нянь, печатные издания о деятельности курсов и детского сада. В 1898 г. состоялась выставка «Детский труд», на которой экспонировались детские работы многих детских учреждений. В 1900 г. Фребелевское общество участвовало на Всемирной педагогической выставке в Париже, на которой получила бронзовую медаль [28. Л. 7].

В 1908 г. была организована выставка «Дошкольное воспитание». Выставку посетило ок. 10 тыс. чел. На ее площадках была прочитана 21 лекция, причем часть из них была платной. Данное мероприятие, очевидно ориентированное на образованную аудиторию, еще более способствовало росту интереса дворянско-интеллигентских кругов к идее социализации дошкольников [5, с. 10].

В 1910 г. в Киеве состоялась выставка «Детский труд». На выставке были представлены 621 книга как для воспитательниц, так и для детей, материалы для занятий в семье и детском саду, игрушки. В выставке принимали участие не только детские сады Киева, но и из Петербурга, Гельсингфорса, Черкасс, Риги, Костромы, Чернигова, Харькова, представившие работы детей [29, с. 18–24].

Наиболее широко вопросы семейного и общественного воспитания детей дошкольного возраста в России обсуждались на I Всероссийском съезде по семейному воспитанию (проходившем в Петербурге 30 декабря 1912 г. – 6 января 1913 г.). На съезде присутствовало 1 265 чел. (всего желающих участвовать было 1 626 чел.), в основном из среды интеллигенции: педагоги, врачи, деятели по народному образованию. На съезде ярко выявилось два противоположных направления: сторонники семейного воспитания детей дошкольного возраста и сторонники общественного дошкольного воспитания. В итоге было принято компромиссное решение вопроса о взаимоотношении семейного и общественного дошкольного воспитания детей, об открытии дошкольных учреждений – домашних детских садов, семейных групп и объединения их во Всероссийский родительский союз.

В резолюции съезда, принятой по этому вопросу, были следующие задачи: объединение всех существующих организаций (как-то: семейно-педагогических кружков, родительских кружков и обществ дошкольного воспитания и т. п.), всемерное содействие развитию уже существующих и появлению новых организаций или местных отделений педагогических и родительских организаций, постановка обучения как в семье, так и в школе, в детских садах и тому подобных учреждениях.

Родительский союз должен был помогать консультацией отдельным родительским организациям и обществам по вопросам семейного воспитания [15].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. в России начала складываться система дошкольного воспитания. Однако ориентирована она была не на трудящееся население, а на интеллигентско-дворянские семьи. Главной задачей детских садов являлись социализация и первоначальное образование детей. Подобные учреждения были очень дорогостоящими, что затрудняло их широкое распространение. Альтернативой платным детским садам были «родительские, семейные» учреждения, существовавшие на паевой основе. Активная пропаганда общественного дошкольного воспитания через педагогические издания, деятельность специализированных обществ и многочисленных выставок способствовала росту понимания важности и даже необходимости социализации детей младших возрастов среди привилегированных слоев российского общества.

Список литературы

1. Помелов В.Б. Фридрих Фрёбель и его вклад в педагогику: к 230-летию со дня рождения педагога и к 175-летию открытия им первого в истории детского сада // Вестник Вятского государственного университета. – 2011. – № 4–3. – С. 114–123.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 142. Д. 477.
3. РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 337.
4. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 582. Оп. 1. Д. 12.
5. Отчет о деятельности Киевского общества народных детских садов за 1908. – Киев, 1909.
6. Морозов А.Г. Дошкольные учебно-воспитательные учреждения Казанского учебного округа в начале XX века // Известия Саратовского университета. Серия История. – 2009. – № 2. – С. 60–64.
7. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 14093 А.
8. Вопросы дошкольного воспитания. – СПб., 1912. – Вып. 1.
9. М.К. Опыт семейной школы в Москве // Свободное воспитание. – 1907–1908. – № 1. – С. 51–59.
10. Дурылин С. Общество содействия дошкольному воспитанию детей // Свободное воспитание. – 1907–1908. – № 11. – С. 109–112.
11. Верременко В.А. Гигиена школьника в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. // История повседневности. – 2017. – № 2 (4). – С. 79–105.
12. ЦГИА СПб. Ф. 582. Оп. 1. Д. 24.
13. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 7653.
14. [Чабан Е.Н.]. Программа среднего учебного заведения с курсом мужской гимназии для детей обоего пола. [Пг., б.г.].
15. Труды Первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию. Петербург, 30.II.1912 – 6.I.1913 г. – Т. I. – СПб., 1914.
16. Гаращенко Л.В. Организация обучения и воспитания в частной школе «детский сад» в Иркутске во второй половине XIX – начале XX вв. // Вектор науки

Тальяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2015. – № 1. – С. 42–45.

17. Еврейский детский сад 1913–1914 года. – Баку, 1915.

18. Весь Петербург на 1911 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. – Санкт-Петербург: издание А.С. Суворина, 1911.

19. ЦГИА СПб. Ф. 582. Оп. 1. Д. 45.

20. Веремченко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX вв.). – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015.

21. Веремченко В.А. Пансионеры в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – № 3. – С. 33–39.

22. «Я вышла замуж за любимого...» Мемуары О.М. Меницкой-Зоммар (01.03.1874 – 31.01.1967). Публик., комм. и вступит. ст. В.В. Каминский, В.А. Веремченко // История повседневности. – 2017. – № 1(3). – С. 109–150.

23. Бенуа А.Н. Мои воспоминания: в 2 т. Т. 1. – М., 1990.

24. Веремченко В.А. Трудовое воспитание в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX вв. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: сб. материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 361–370.

25. Из деятельности «Детского сада М.А. Гущевич», продолжающего дело «Дома свободного ребенка» // Свободное воспитание. – 1907–1908. – № 7. – С. 10–23.

26. А.Т. Еще одна попытка свободного воспитания и образования // Свободное воспитание. – 1908–1909. – № 1. – С. 5–32.

27. Радченко А. Школа шалунов // Свободное воспитание. – 1908–1909. – № 8. – С. 1–26.

28. ЦГИА СПб. Ф. 582. Оп. 1. Д. 85.

29. Каталог выставки «Детский труд». – Киев, 1910.

References

1. Pomelov V.B. *Fridrih Fryobel' i ego vklad v pedagogiku: k 230-letiyu so dnya rozhdeniya pedagoga i k 175-letiyu otkrytiya im pervogo v istorii detskogo sada* [Friedrich Fröbel and his contribution to pedagogy: 230-th anniversary from the birthday of the teacher and to the 175th anniversary of opening their first ever kindergarten] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka state University]. – 2011. – № 4–3. – S. 114–123.

2. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA)* [The Russian state historical archive]. F. 733. Op. 142. D. 477.

3. RGIA. F. 759. Op. 27. D. 337.

4. *Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv g. Sankt-Peterburga (CGIA SPb.)* [Central state historical archive of St. Petersburg]. F. 582. Op. 1. D. 12.

5. *Otchet o deyatel'nosti Kievskogo obshchestva Narodnyh Detskih Sadov za 1908* [Report on activities of the Kiev society of the people's Kindergartens in 1908]. – Kiev, 1909.

6. Morozov A.G. *Doshkol'nye uchebno-vospitatel'nye uchrezhdeniya Kazanskogo uchebnogo okruga v nachale XX veka* [Preschool educational institutions of the Kazan educational district in the early twentieth century] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Istoriya* [Izvestiya of Saratov University. Series Story]. – 2009. – № 2. – S. 60–64.

7. CGIA SPb. F. 139. Op. 1. D. 14093 A.

8. *Voprosy doshkol'nogo vospitaniya* [Issues of preschool education]. – SPb., 1912. Vyp. 1.
9. M.K. *Opyt semejnoy shkoly v Moskve* [The experience of family school in Moscow] // *Svobodnoe vospitanie* [Liberal education]. – 1907–1908. – № 1. – S. 51–59.
10. Durylin S. *Obshchestvo sodejstviya doshkol'nomu vospitaniyu detej* [The society for the promotion of preschool education of children] // *Svobodnoe vospitanie* [Liberal education]. – 1907–1908. – № 11. S. – 109–112.
11. Veremenko V.A. *Gigiena shkol'nika v dvoryansko-intelligentskih sem'yah Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.* [Hygiene student in aristocratic intellectual families in Russia second half of XIX – early XX centuries] // *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. – 2017. – № 2 (4). – S. 79–105.
12. CGIA SPb. F. 582. Op. 1. D. 24.
13. CGIA SPb. F. 139. Op. 1. D. 7653.
14. [CHaban E.N.]. *Programma srednego uchebnogo zavedeniya s kursom muzhskoj gimnazii dlya detej oboego pola* [The program of secondary educational institutions with a course of gymnasium for children of both sexes]. [Pg.,b.g.].
15. *Trudy Pervogo Vserossijskogo s"ezda po semejnomu vospitaniyu. Peterburg, 30.XII.1912 – 6.I.1913 g.* [Proceedings of the First all-Russian Congress on family education. Petersburg, 30.XII.1912 – 6.I.1913]. – T. I. – SPb., 1914.
16. Garashchenko L.V. *Organizaciya obucheniya i vospitaniya v chastnoj shkole «detskij sad» v Irkutске vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Organization of training and education in a private school kindergarten in Irkutsk in the second half of XIX – early XX centuries] // *Vektor nauki Tal'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psihologiya* [Vector science Malatinskeho state University. Series: Pedagogics, psychology]. – 2015. – № 1. S. 42–45.
17. *Evrejskij detskij sad 1913–1914 goda* [Jewish kindergarten 1913–1914 year]. – Baku, 1915.
18. *Ves' Peterburg na 1911 god: adresnaya i spravoch'naya kniga g. S.-Peterburga* [All Petersburg in 1911: the address and reference book of St. Petersburg]. – Sankt-Peterburg: izdanie A.S. Suvorina, 1911.
19. CGIA SPb. F. 582. Op. 1. D. 45.
20. Veremenko V.A. *Deti v dvoryanskih sem'yah Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Children in noble families of Russia (second half XIX–beginning of XX centuries)]. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2015.
21. Veremenko V.A. *Pansiony v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Pensions in Russia in second half XIX – early XX centuries] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik Pushkin Leningrad State University]. – 2015. – № 3. – S. 33–39.
22. «YA vyshla zamuzh za lyubimogo...» *Memuary O.M. Menickoj-Zommar (01.03.1874 – 31.01.1967). Publik., komm. i vstupit. st. V.V. Kaminskij, V.A. Veremenko* ["I married the beloved..." Memoirs of O. M. Minicoy-Sommar (01.03.1874 – 31.01.1967). Publics., comm. and I'll join. article V. V. Kaminsky, V. A., Veremenko] // *Istoriya povsednevnosti* [The History of everyday life]. – 2017. – № 1(3). – S. 109–150.
23. Benua A.N. *Moi vospominaniya: v 2 t.* [Benoit A. N. My memories: in 2 vol]. – T. 1. – M., 1990.
24. Veremenko V.A. *Trudovoe vospitanie v dvoryansko-intelligentskih sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Labor education in aristocratic intellectual families in Russia in the second half of XIX – early XX centuries] // *Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. Sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. / pod obshch. red. prof. V.N. Skvorcova, otv. red. V.A. Veremenko* [The Material factor and entrepreneurship in everyday life of the

population of Russia: history and modernity. SB. materials Intern. scientific. Conf. under the General editorship of Professor V. N. Skvortsov, ed. edited by V. A. Veremenko]. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2016. – S. 361–370.

25. *Iz deyatel'nosti «Detskogo sada M.A. Gucevich», prodolzhayushchego delo «Doma svobodnogo rebenka»* [Of activities "kindergarten M. A. Gutsevich" continuing "Home of the free child"] // *Svobodnoe vospitanie* [Liberal education]. – 1907–1908. – № 7. – S. 10–23.

26. *A.T. Eshche odna popytka svobodnogo vospitaniya i obrazovaniya* [Another attempt of free education and education] // *Svobodnoe vospitanie* [Liberal education]. – 1908–1909. – № 1. – S. 5–32.

27. *Radchenko A. SHkola shalunov* [School rascals] // *Svobodnoe vospitanie* [Liberal education]. – 1908–1909. – № 8. – S. 1–26.

28. *CGIA SPb.* F. 582. Op. 1. D. 85.

29. *Katalog vystavki «Detskij trud»* [Catalogue of the exhibition "Child labour"]. – Kiev, 1910.

В.Г. Смирнов

**О повседневной жизни и быте личного состава
парохода «Пахтусов» в Архангельске в конце XIX в.
(к 120-летию создания Гидрографической экспедиции
Северного Ледовитого океана)**

В статье рассматриваются подробности повседневной жизни и быта личного состава парохода «Пахтусов» Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана в период летних стоянок и зимовок в Архангельске на рубеже XIX–XX вв. Среди этих подробностей освещены вопросы отпусков нижних чинов, их медицинского, продовольственного и вещевого обеспечения, заболеваний и потерь среди матросов и офицеров, отправления религиозных культов, грубых нарушений дисциплины и отдельных преступлений, совершавшихся нижними чинами, проведения учебного сбора с запасными нижними чинами флота, оставления лучших нижних чинов на сверхсрочную службу. В числе персонажей статьи – выдающиеся исследователи Арктики конца XIX – начала XX в.: полковник А.И. Вилькицкий, капитан 2-го ранга А.И. Варнек и штабс-капитан Корпуса флотских штурманов Н.В. Морозов.

Ключевые слова: Гидрографическая экспедиция, Северный Ледовитый океан, пароход «Пахтусов», Архангельск, Дирекция маяков и лоции, А.И. Вилькицкий, А.И. Варнек, Н.В. Морозов, Н.М. Деплоранский, В.В. Дьяконов.

V.G. Smirnov

**On the daily life and life of personnel
steamer *Pakhtusov* in Arkhangelsk in the late XIX century
(to the 120th anniversary of the Hydrographic Expedition
Arctic Ocean)**

The Arctic Ocean Hydrographical Expedition steamer *Pakhtusov* crew daily life during the summer camps and wintering in Arkhangelsk at the turn of the 19th and 20th centuries is discussed in the article. The observed activities include lower ranks vacations, their medical, food and clothing supplies, diseases and losses among sailors and officers, religious cults worshipping, gross violations of discipline and individual crimes committed by lower ranks, a training camp with reserve lower ranks of the Navy, the best lower ranks employment for extra-long service. The article gives information about outstanding researchers of the Arctic of the late XIX – early XX century: Colonel A.I. Vilkitsky, captain of the 2nd rank A.I. Varnek and the Naval Navigator's Corps captain N.V. Morozov.

Key words: Hydrographic expedition, Arctic Ocean, steamer *Pakhtusov*, Arkhangelsk, Directorate of lighthouses and lotsia, A.I. Vilkitsky, A.I. Varnek, N.V. Morozov, N.M. Deploransky, V.V. Dyakonov.

После 1828 г. в течение 66 лет у берегов Сибири специальными гидрографическими подразделениями работ не производилось. Лишь весной 1894 г. для исследования устьев рек Енисей и Обь и прилегающей к ним части Карского моря была организована специальная гидрографическая экспедиция под руководством подполковника Корпуса флотских штурманов А.И. Вилькицкого. В 1898 г. эта экспедиция была преобразована в Гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана (далее – ГЭСЛО) и стала базироваться в Архангельске, в Соломбале. ГЭСЛО проводила исследования в Баренцевом, Карском и Белом морях под командованием А.И. Вилькицкого (1898–1901), А.И. Варнека (1902) и Ф.К. Дриженко (1903–1904) [1, с. 362]. Основным транспортно-техническим средством ГЭСЛО стал пароход «Пахтусов», приобретенный в Англии весной 1898 г. подполковником А.И. Вилькицким с помощью военно-морского агента капитана 1-го ранга И.К. Григоровича [2. Л. 3–90].

После окончания каждой летней кампании (сезона полевых работ) пароход «Пахтусов» возвращался в Архангельск, где и находился в течение зимнего периода. К этому времени офицеры ГЭСЛО возвращались в Петербург, а нижние чины оставались в Архангельске, на берегу, под командованием одного из офицеров – заведующего пароходом «Пахтусов», который, в свою очередь, подчинялся директору маяков и лоции Белого моря полковнику П.И. Васильеву. Рассмотрим некоторые обстоятельства таких зимовок, а также кратковременных летних стоянок судна, на примере 1898–1900 годов, используя архивные документы Российского государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ).

Отпуск для нижних чинов. После окончания первого полевого сезона, в конце сентября 1898 г., помощник начальника ГЭСЛО и ревизор «Пахтусова» лейтенант В.В. Дьяконов был оставлен в Архангельске заведующим пароходом и командой ГЭСЛО. Нижние чины судовой команды (46 чел.) были размещены на зимнее время в казарменном корпусе под № 50, находившемся при дирекции маяков и лоции Белого моря, и с «27 сентября поступили на береговое довольствие денежным содержанием по табели № 1, а равно сухопутным провиантом и приварочным довольствием по окладам, назначенным для судовых команд при Дирекции маяков» [3. Л. 1–1 об., 6–6 об.].

Часть нижних чинов после окончания кампании увольнялась в отпуск, причем на весьма значительный срок: до трех месяцев. Так, матрос 2-й статьи Корельский уже 25 сентября 1898 г. был отправлен в отпуск в деревню Нюхча Кемского уезда Архангельской губернии. От-

пускной билет ему подписал командир парохода «Пахтусов» капитан 2-го ранга А.И. Варнек. В этом билете за неделю до окончания отпуска, 8 декабря 1898 г., Нюхотский волостной старшина Кемского уезда Павлов написал, что «матрос Корельский вовремя побывки у своих родителей, вел себя хорошо и претензий на его никаких не заявлено» [4. Л. 27].

Три следующих билета были подписаны лейтенантом В.В. Дьяконовым: он отправил в отпуск квартирмейстера Александра Дьяченко (в Астраханскую губернию), матроса 1-й статьи Якова Сенчихина (в Астраханскую губернию) и матроса 2-й статьи Феофана Сухарева (в Нижегородскую губернию) [4. Л. 30–32].

22 октября 1898 г. лейтенант В.В. Дьяконов по согласованию с командованием сдал заведование командой «Пахтусова» офицеру Отдельной съемки Белого моря штабс-капитану Н.М. Деплоранскому и убыл в столицу – в Главное гидрографическое управление (далее – ГГУ) [3. Л. 3–6 об.; 8].

Во второй половине декабря 1898 г. еще несколько нижних чинов были отправлены в отпуск на срок от 40 до 60 суток: матрос 1-й статьи Александр Соколов убыл в Вологодскую губернию, квартирмейстер 2-й статьи Зосима Холмовский отправился в г. Кирилов Новгородской губернии, а матрос-рулевой Василий Васянгин – в Вологодскую губернию [4. Л. 33–35].

Отпуска предоставлялись нижним чинам и в последующие годы. Так, например, 1 октября 1899 г. квартирмейстер Осип Головизнин был уволен штабс-капитаном Корпуса флотских штурманов Н.В. Морозовым в кратковременный отпуск в деревню Пиковку Полянской волости Малмыжского уезда Вятской губернии сроком до 7 января 1900 г. [5. Л. 62].

Однако не все из отпускников возвращались в указанный срок. Так, например, 17 марта 1899 г. полковник П.И. Васильев сообщал заведующему пароходом «Пахтусов», что Главным Морским штабом (далее – ГМШ), «...за неявкою в срок из кратковременного отпуска к месту служения баталера 1 ст[атьи]. Василия Макарова судовой команды парохода «Пахтусов», сделано распоряжение о переводе его в один из экипажей Кронштадтского порта и об избрании из того порта другого баталера для назначения на пароход «Пахтусов», который и будет послан в Архангельск в непродолжительном времени...» [4. Л. 65–65 об.].

К этому времени перевод Макарова уже состоялся: приказом заведующего командами 1-й флотской дивизии от 12 марта за № 70 он был переведен в 4-й флотский экипаж на броненосец береговой обороны «Адмирал Чичагов» [6. Л. 9]. На «Пахтусов» же в конце марта 1899 г. был назначен баталер С. Крюченков [3. Л. 24]. Вскоре выяснилось, что эта кандидатура оказалась далеко не лучшей.

Забота о здоровье личного состава. В период зимовки в Архангельске нижних чинов ГЭСЛО еженедельно, по субботам, осматривал старший врач Дирекции маяков и лоции Белого моря коллежский советник П.А. Гезехус, а в его отсутствие – лекарский помощник, коллежский секретарь Спирин.

7 ноября 1898 г. в результате медицинского осмотра выяснилось, что из числа нижних чинов команды парохода «Пахтусов» больным оказался матрос И. Агапов, ему требовалось госпитальное лечение. Сообщая об этом Н.М. Демпранскому, П.И. Васильев просил его отправить этого матроса в Архангельский местный военный лазарет на излечение, после чего уведомить, когда именно он будет отправлен и с какого числа «исключиться с пищевого довольствия при команде». Это приказание было выполнено [4. Л. 11–12].

Были заболевшие нижние чины, которым требовался длительный период для восстановления здоровья. Так, прибывший первым из офицеров ГЭСЛО весной 1899 г. из Петербурга в Архангельск лейтенант А.А. Витков 14 апреля из Соломбалы отправил телеграмму в Адмиралтейство, в которой сообщал, что «комиссия при Архангельском военном лазарете признала квартирмейстера Селиванова подлежащим увольнению в отпуск на родину на полгода по болезни глаза после ушибленной раны» [7. Л. 46].

24 апреля 1899 г. Вилькицкий представил в ГГУ рапорт, в котором просил ходатайства Управления «о замене квартирмейстера Селиванова другим и о назначении еще одного квартирмейстера на имеющуюся вакансию». При этом Вилькицкий добавил: необходимо, чтобы «один из них имел такую аттестацию, чтобы мог исполнять обязанности боцмана, так как состоящий ныне в экспедиции боцманмат по своему поведению нести их не может и должен быть смещен со своего звания» [7. Л. 49]. Генерал-лейтенант К.И. Михайлов поддержал ходатайство Вилькицкого. 29 апреля 1899 г. помощник начальника ГМШ контр-адмирал М.А. Реунов сообщил, что командующему сводным отрядом флотских экипажей в Санкт-Петербурге предложено назначить в команду экспедиции двух строевых квартирмейстеров «хорошего поведения» [7. Л. 50, 53].

Зимой 1899/1900 г. матрос рулевой команды парохода «Пахтусов» Петр Киппор отморозил пальцы ног и в середине апреля все еще находился в госпитале. После того, как капитан 2-го ранга А.И. Варнек телеграммой доложил полковнику А.И. Вилькицкому, что Киппор в плавание идти не может, начальник ГЭСЛО 19 апреля 1900 г. представил в ГГУ рапорт с просьбой о назначении в команду парохода «Пахтусов» другого матроса рулевого, и через два дня распоряжение об этом ГМШ было сделано [8. Л. 58–59, 65].

Командование «Пахтусова» заботилось и о правильном питании личного состава, в том числе и с целью воспрепятствования развития

заболеваний. Так, например, исправлявший должность судового врача Готлиб 14 июля 1899 г. доложил командиру парохода «Пахтусов», что «в виду истощения запаса свежей провизии (мяса) и возможности появления цынги», он находит «полезным для предупреждения таковой болезни выдавать команде чеснок и клюквенный экстракт». В ответ на это капитан 2 ранга А.И. Варнек распорядился издать приказ по судну «о выдаче экстракта и чесноку» [4. Л. 101].

Участие нижних чинов в подготовке запасников. В зимний период 1898/1899 гг. полковник П.И. Васильев должен был провести учебный сбор при Дирекции маяков и лоции Белого моря с призывными чинами запаса флота и решил получить для этого ряд инструментов с парохода «Пахтусов», а также привлечь к участию в сборах несколько нижних чинов ГЭСЛО. Для этого он обратился в ГГУ. Из Петербурга ответили положительно.

13 ноября 1898 г. П.И. Васильев сообщил Н.М. Деплоранскому о том, что в соответствии с предписанием ГГУ от 5 ноября из числа инструментов парохода «Пахтусов» могут быть предоставлены для занятий в предстоящем учебном сборе, при условии осторожного обращения, следующие инструменты: судовой анероид, лаги Массея и Уокера, лоты Джемса и Томсона, а также шлюпочные компасы.

В следующем отношении П.И. Васильев уведомлял Н.М. Деплоранского о получении приказа ГМШ о назначении из команды парохода «Пахтусов» нижних чинов – рулевого Агапова и матросов Киселева и Варакина – для занятий в учебном сборе. Он просил Н.М. Деплоранского направить их в учебный сбор, в том числе Агапова – после выздоровления и явки в судовую команду [4. Л. 13–14 об.].

Однако и с П.П. Киселевым все оказалось не так просто, поскольку в начале ноября 1898 г. он заявил Деплоранскому «претензию» (подал жалобу) о неполучении им от ротного командира денег в размере 10 р. 5 ноября Н.М. Деплоранский в своем рапорте сообщил о «претензиях» нижних чинов командиру парохода «Пахтусов», находившемуся в Санкт-Петербурге. 20 ноября капитан 2-го ранга А.И. Варнек написал Н.М. Деплоранскому, что «...притензия матроса Павла Киселева (так в документе – В.С.) о неполучении им от ротного командира денег в размере 10 рублей неправильна». А.И. Варнек просил Н.М. Деплоранского «объявить Киселеву о его преступлении и арестовать его строгим арестом на десять суток...». Эту просьбу (фактически – приказание) штабс-капитан Н.М. Деплоранский исполнил [4. Л. 15–15 об.].

Как бы то ни было, учебный сбор с чинами запаса флота при Дирекции маяков и лоции Белого моря был проведен, о чем 15 декабря 1898 г. П.И. Васильев сообщил заведующему пароходом «Пахтусов» и просил забрать инструменты [4. Л. 22–23].

Отправление религиозного культа. В связи с наступлением весны приближалось и начало новой летней кампании – 1899-го. В апреле

еще продолжался Великий пост, во время которого нижние чины исповедовались и причащались не только в православном храме, но и в евангелическо-лютеранской церкви Архангельска. 22 апреля 1899 г. полковник П.И. Васильев отправил штабс-капитану Н.М. Деллоранскому следующий «Список нижних чинов 6-го Флотского Экипажа команды парохода "Пахтусов" лютеранского исповедания, говеющих Великим постом 1899 г.» [4. Л. 80–81]:

Звание	Имена и фамилии	Лет от роду	Отметка
Матрос-водолаз	Ян Аракс		Были 15 и 16 Апреля 1899 г. у Исповедии Св. Причастия
Матрос-рулевой	Петр Киппор		
Машинист 1 статьи	Михаил Розенберг		
Кочегар 1 статьи	Яков Крумин		
Машинист 1 статьи	Давид Нау		
	Итого 5 человек	Фридрих Бок, пастор Евангелической Церкви города Архангельска	

«Буйство матроса Киселева». Матрос-водолаз П.П. Киселев не давал скучать командованию. 5 апреля 1899 г., находясь в нетрезвом виде в архангельской гостинице «Москва», он «учинил буйство»: схватил мещанина Юрьева за горло, а когда его удалили на улицу, выбил в гостинице несколько стекол. Дело это было передано на рассмотрение мирового судьи И. Истомина, который 7 мая 1899 г. вынес следующий приговор: матроса парохода «Пахтусов» Павла Парамонова Киселева «...подвергнуть аресту при Полиции на пять суток с заменой этого наказания дисциплинарным взысканием, на усмотрение его Начальства. Приговор окончательный, объявлен с правом кассации» [4. Л. 85–85 об.].

Следует отметить, что решение суда не остановило П.П. Киселева. 28 июня того же года он был уволен с судна на берег для посещения храма, однако вернулся на «Пахтусов» «выпившим». На следующий день лейтенант Ф.М. Белкин письменно доложил об этом командиру «Пахтусова», и капитан 2-го ранга Варнек распорядился наложить на Киселева «строгий арест на 4 суток» [4. Л. 91].

О выпивке – на судне и на берегу. После окончания первой летней кампании «Пахтусов» вернулся в Архангельск. 19 сентября 1898 г. часть нижних чинов была уволена в баню. Однако до бани дошли не все. При увольнении первой вахты боцманмат Синдячинов «во фронт» (строй – В.С.) не вышел. Когда через некоторое время лейтенант В.В. Дьяконов вызвал его наверх, то он оказался выпившим [5. Л. 3]. Понятное дело, что боцманмат был оставлен на судне.

Но не выпить после «легкого пара» русскому человеку практически невозможно. Один из нижних чинов «Пахтусова», кочегар 1-й статьи

Е. Туркин, несмотря на предупреждение лейтенанта В.В. Дьяконова при увольнении, вернулся на пароход «сильно выпившим» [5. Л. 2].

Когда же сам офицер вышел в город, то в 11-ом часу вечера встретил на улице в Соломбале марсового В. Бешенова, который уволенным с судна не был [5. Л. 4], т. е. находился в самовольной отлучке. О всех этих проступках В.В. Дьяконов представил три рапорта командиру парохода «Пахтусов».

Одним из нарушителей дисциплины был и баталер С. Крюченков. В середине лета он стал довольно часто посещать ахтер-люк (погреб на судне для хранения мокрой провизии, а также вина и уксуса – В.С.) Это привлекло внимание лейтенанта Ф.М. Белкина, который 12 июля 1899 г. сделал замечание баталеру. В ответ С. Крюченков дерзко ответил, что он не вор, а после того как Ф.М. Белкин приказал ему замолчать, позволил себе сказать, что «я доложу командиру, что я больше не могу ходить в ахтер-люк, так как меня считают за вора» и, по видимому, желая выразить свой протест, «с шумом швырнул скобу, запирая ахтер-люк». О дерзости С. Крюченкова Ф.М. Белкин доложил рапортом командиру парохода "Пахтусов", и капитан 2-го ранга А.И. Варнек приказал С. Крюченкова «поставить часовым к ахтер-люку и назначить для этого в караульную смену на сутки» [5. Л. 96].

Однако через 10 дней С. Крюченков вновь оказался замешан в неблагоприятной истории. 22 июля 1899 г., во время раздачи вина «прислуге» парового катера, вернувшейся с промера, к лейтенанту Ф.М. Белкину подошел матрос 2-й статьи Егор Болдырев и попросил разрешения выпить чарку, сказав, что он не пил в свое время, так как стоял на вахте на мостике.

Ф.М. Белкин приказал баталеру С. Крюченкову посмотреть по списку, пил ли Е. Болдырев чарку. Баталер, просмотрев список, сказал, что Е. Болдырева в списке нет. Однако, когда Е. Болдырев с разрешения Белкина выпил чарку, тот заметил, что матрос сразу «осовел».

Заподозрив подвох, Ф.М. Белкин взял у баталера список, где отмечают выпивших свою чарку, и обнаружил, что Е. Болдыреву чарка была выдана, так как его фамилия стояла почти в середине списка. Об этом обмане со стороны баталера С. Крюченкова и матроса Е. Болдырева Ф.М. Белкин письменно доложил капитану 2-го ранга А.И. Варнеку. Командир парохода приказал лейтенанту В.В. Дьяконову произвести дознание [5. Л. 103–103 об.].

После представления рапорта с результатами дознания был издан приказ командира парохода «Пахтусов» № 64 от 4 августа 1899 г. [5. Л. 105–106]. Так как в архивном деле его нет, содержание приказа остается неизвестным. Однако не приходится сомневаться в том, что сообщники С. Крюченков и Е. Болдырев были строго наказаны.

Через полтора месяца, когда «Пахтусов» уже вернулся в Архангельск, Е. Болдырев вновь «отличился». Дело было вечером 16 сентября 1899 г. Матрос 1-й статьи Герасим Костин в 7 ч вечера был послан за извозчиком для начальника экспедиции полковника А.И. Вилькицкого. Прошло полчаса, но Г. Костин на судно не вернулся. Тогда вахтенный И. Найрис отправил за извозчиком матроса 2-й статьи Е. Болдырева, однако и тот куда-то пропал. Кто из членов экипажа в итоге доставил извозчика к судну, документы не сообщают. Однако из рапортов лейтенанта Ф.М. Белкина известно, что Г. Костин вернулся на пароход «в 11 ч. ночи в пьяном виде», а Е. Болдырев – только «в 6 ч утра в пьяном виде». 17 сентября 1899 г. А.И. Варнек приказал первого «героя» не увольнять на берег в течение недели, а на «рецидивиста» Болдырева был наложен «усиленный арест на 8 суток» [5. Л. 118–119].

Потери в личном составе. Еще 7 августа 1899 г., когда пароход «Пахтусов» находился в устье реки Печоры, лейтенант А.А. Витков доложил капитану 2-го ранга А.И. Варнеку, что заболел и не может исполнять возложенные на него служебные обязанности. В связи с этим А.И. Варнек предложил штабс-капитану Корпуса флотских штурманов Н.В. Морозову «принять на себя обязанности ротного командира» [5. Л. 117].

А.А. Витков с 1894 г. служил в Гидрографической экспедиции для исследования устьев рек Енисея и Оби. Работая на барже «Лейтенант Скуратов», в первый же год заболел ревматизмом. Впоследствии, в период службы в ГЭСЛО, в кампанию 1899 г. «ревматизм перешел на сердечные клапаны» и в последние две недели А.А. Витков уже не вставал с постели. После возвращения в Петербург его лечили профессор Военно-медицинской академии Павлов и доктор медицины Я. Сердечный. По их рекомендации и ходатайству А.И. Вилькицкого, который высоко оценивал своего подчиненного, А.А. Виткову был предоставлен двухмесячный отпуск по состоянию здоровья с выездом в г. Новороссийск со 2 марта 1900 г. и назначено единовременное пособие на лечение в размере 400 р. Кроме того, он был переведен на должность производителя работ Отдельной съемки Балтийского моря. При возвращении в Петербург болезнь А.А. Виткова обострилась, и через месяц, в ночь на 2 июня 1900 г., он скончался от тяжелого порока сердца в квартире г. Хвостова, в здании Александровского кадетского корпуса (угол Бол. Итальянской и Садовой улиц). По просьбе вдовы покойного Екатерины Николаевны Витковой (22 года) и ходатайству ГМШ ей и дочери Марии (29.12.1898 г.р.) за службу мужа (13 лет и 7 мес.) была «всемилоостивейше» назначена «усиленная пенсия» в размере 210 р. в год. После рождения дочери Людмилы (3.08.1900 г.) ей была назначена пенсия в размере 52 р. 50 к. [9. Л. 1–5, 7, 9–13 об.; 17–18; 23].

О смерти лейтенанта А.А. Виткова его бывшие сослуживцы узнали, вернувшись на пароходе «Пахтусов» в Архангельск. 10 июня 1900 г. в своем рапорте в ГГУ полковник А.И. Вилькицкий, в частности, сообщал о том, что в Архангельске «мы узнали о смерти столь много потрудившегося на пользу Севера Лейтенанта Виткова и отслужили по нем панихиду» [10. Л. 91 об.–92].

Однако вернемся к событиям осени 1899 г. 23 сентября Врио командующего Архангелогородским резервным пехотным батальоном подполковник Аксенов отношением № 2815 сообщил командиру парохода «Пахтусов» следующее:

«Находившийся на излечении в Архангельском местном военном лазарете кочегар 1-й статьи вверенного Вам парохода Яков Крумин сегодня в 9 часов утра умер от болезни «легочная чахотка». Сообщая о сем, прошу, Ваше Высокоблагородие, уведомить меня, будет ли сделан наряд от команды вверенного Вам парохода для отдания последних почестей покойному или сделать этот наряд от батальона.

Похороны покойного назначены 25 сего Сентября и вынос тела из лазарета на военное кладбище будет в 10 ½ часов утра» [4. Л. 120–120 об.].

Так печально закончилась жизнь одного из рядовых исследователей Арктики. Не приходится сомневаться в том, что сослуживцы Я.Я. Крумина приняли участие в отдании ему последних почестей. После этого следовало позаботиться и об оставшемся имуществе покойного. 29 сентября 1899 г. заведующий пароходом «Пахтусов» и командой ГЭСЛО штабс-капитан Н.В. Морозов направил волостному старшине Ратговской волости Виндавского уезда Курляндской губернии запрос следующего содержания: «...прошу меня уведомить возможно скорее, какие ближайшие родственники и наследники имущества имеются у скончавшегося 23го Сентября, 6го Флотского Экипажа команды парохода «Пахтусов» кочегара 1 ст[атьи]. Якова Яковлева Крумин» [5. Л. 32].

В полученном вскоре ответе были указаны ближайшие родственники покойного кочегара: отец Яков Крумин, брат Андрей Крумин и сестра Лиза Крумин, которые проживали в Ратгофской волости [5. Л. 32 об.]. Им, надо полагать, и было отправлено нехитрое имущество умершего кочегара парохода «Пахтусов».

«Промотание» казенных вещей. В числе прегрешений, совершавшихся членами экипажа парохода «Пахтусов», было и «промотание» казенного имущества. Об этом можно судить по выявленному в материалах РГАВМФ рапорту лейтенанта В.В. Дьяконова командиру парохода «Пахтусов» о произведенном дознании «по делу о промотании казенных вещей машинистом 1-й статьи Михаилом Швецовым» [4. Л. 121].

К сожалению, материалов дознания в архивном деле нет, поэтому остаются неясными вопросы: 1) виновности М. Швецова и 2) его ответственности за совершенное преступление в случае установления вины.

Н.В. Морозов и команда парохода «Пахтусов». Осенью 1899 г. заведующим пароходом «Пахтусов» и командой ГЭСЛО в Архангельске был оставлен штабс-капитан Корпуса флотских штурманов Н.В. Морозов. В его подчинении были следующие нижние чины:

Звание	Имена и фамилии	Год в службе	Год в звании
Квартирмейстер	Александр Дьяченко	1895	1897
	Никита Корепанов	1897	1899
	Осип Головизнин	1897	1899
Матрос-марсовой	Василий Бешенов	1894	1896
Старший рулевой	Иван Агапов	1894	1899
Матрос-рулевой	Василий Васянгин	1894	1896
	Петр Киппор	1894	1897
	Яков Игуменов	1895	1897
Матрос-сигнальщик	Иван Бояринцев	1894	1896
	Михаил Кузьмичев	1895	1897
Матрос-минер	Кузьма Ельчанинов	1896	1897
Матрос-водолаз	Егор Варакин	1895	1896
	Ян Аракс	1896	1897
Матрос-горнист	Герасим Костин	1896	1897
Матрос 1 ст.	Иван Найрис	1894	1895
	Яков Сенчихин	1894	1895
	Александр Соколов	1895	1896
	Парфен Куфтарев	1895	1896
	Петр Бурдин	1896	1897
	Никифор Авдеев	1896	1897
	Дмитрий Игнатов	1897	1899
	Павел Инкин	1897	1899
	Феофан Сухарев	1897	1899
Алексей Подольский	1898	1899	
Матрос 2 ст.	Егор Болдырев	1894	1899
	Михаил Чурилов	1898	1899
Разряда штраф.	Павел Киселев	1894	1899
Подшкипер 1 ст.	Иван Молчанов	1897	1899
Баталер 2 ст.	Селиверст Крюченков	1895	1899
Фельдшер 1 ст.	Владимир Лукьянов	1897	1899
Машинный квартирмейстер 1 ст.	Федор Самсонов	1894	1898
	Зосим Холмовский	1897	1899
Машинист 1 ст.	Евстафий Карпов	1894	1899
	Михаил Розенберг	1895	1898
	Петр Волков	1895	1897
	Федор Василькин	1897	1899

Кочегар 1 ст.	Ефим Туркин	1895	1898
	Макар Малов	1896	1897
	Петр Болотников	1898	1899
	Никифор Трифонов	1898	1899
Кочегар 2 ст.	Тихон Решетников	1898	1898

Всего – 41 чел. [5. Л. 35].

Н.В. Морозов периодически докладывал обстановку командиру парохода «Пахтусов» капитану 2-го ранга А.И. Варнеку и начальнику ГЭСЛО полковнику А.И. Вилькицкому в своих письмах в Петербург, в которых подробно характеризовал и личный состав, и свои действия по улучшению бытовых условий жизни нижних чинов. Подлинники этих писем хранятся в РГАВМФ, и мы приведем их – с некоторыми сокращениями.

5 октября 1900 г. Н.В. Морозов отправил капитану 2-го ранга А.И. Варнеку следующее письмо:

«Милостивый Государь,

Многоуважаемый Александр Иванович!

Прошу извинить меня, что так долго не писал Вам о текущих делах по части парохода и команды, но эти дни было самое горячее время и у меня положительно до поз[д]няго вечера не оставалось свободной минуты, так как дела с командой оказалось гораздо более[труднее], чем я предполагал.

Теперь сделано следующее: ко 2 Октября разоружение парохода совершенно окончено и машинная команда перебралась из Поврахулки (река – приток Северной Двины, где зимой стоял «Пахтусов». – В.С.), а туда отправлена 1^я смена из 4 человек строевой команды, смены предполагаю менять каждую неделю по Субботам...

... Для команды я купил лошадь за 101 рубль со сбруей, надо еще купить телегу у сапа (? – В.С.) и водяную бочку; затем я заказал шкаф для обмундирования 1 срока, которое думаю отобрать с рук у команды, заказал стол для канцелярии, купил лампы и проч.

Завтра придет из баталиона закройщик для пригонки обмундировки 1 срока, так как оказалось, что в церковь нельзя послать людей в шинелях, ибо они не пригнаны и сидят безобразно, отчего команда занашивает пальто на урсовой подкладке (бушлат. – В.С.).

Инструменты отправляю в Петербург в пятницу 8 октября с первым пароходом.

Бессрочные Синдячинов, Сизачев и Нау уволены 25 сент[ября]. в отпуск по 7 Января. Уволены Холмовский (подлежит увольнению в запас), Головизнин (квартирмейстер), Костин, Куфтарев, затем пойдет Крюченков, но предварительно отсидит 10 суток в карцере за пьянство и драку с и[справляющим]. д[олжность]. фельдфебеля кварт[ирмейстером]. Дьяченко. Оба они не оказались на высоте своего положения и подают дурной пример команде, так что я хо-

тел просить Вашего распоряжения о высылке их в экипаж, но на первый раз думаю ограничиться своей властью, арестовав Дьяченко на 5, а Крюченкова на 10 суток. Собственно говоря, обоих их, особенно баталера, следовало бы отдать под суд, одного за то, что бил баталера, а последнего за то, что поднял руку на и[справляющего].д[олжность]. фельдфебеля; оба они пили пиво в роте, принеся его вопреки моему распоряжению и ссылаясь на пример прошлых лет. Если Вы находите наложенное мною взыскание недостаточным, то прошу Вас приказать мне подать рапорт. Поведение остальной команды, за исключением машиниста Карпова, бывшего нетчиком (отсутствовавшего на поверках. – В.С.) при усиленных работах по разоружению, нахожу пока удовлетворительным...» [6. Л. 25–26 об.].

Через месяц, 9 ноября 1899 г., Н.В. Морозов в письме начальнику ГЭСЛО полковнику А.И. Вилькицкому сначала спрашивал его о том, одобряет ли он приглашение для занятий с командой «Пахтусова» стрелка-гимнаста Тарасова из команды парохода «Лейтенант Овцын», а затем обрисовал ему ситуацию с «морской порцией» для нижних чинов:

«...Зачисление команды на морскую порцию встретило совершенно неожиданно горячего противника в лице Деплоранского, который находит, что эта мера поведет к баловству команды и что если и требуется некоторая добавка к харчевым сравнительно с размером их в Балтийском флоте, то никак не в размерах морской порции, а меньше; в этом смысле Деплоранский толковал при мне и Васильеву, который должен будет давать отзыв в штаб относительно полезности морской порции. Я, по глубокому моему убеждению, старался доказать, что кроме пользы и сохранения здоровья команды для летних трудов, обильное питание ни к какому баловству не поведет, но не знаю, какое мнение составилось у Петра Ивановича (Васильева. – В.С.), так как он упорно молчал...» [6. Л. 28–28 об.].

Далее Н.В. Морозов сообщал, что поведение команды удовлетворительное («нисколько не хуже, чем в экипаже»), а занятия идут своим чередом. Тем не менее обработка материалов гидрографических работ у Н.В. Морозова подвигалась медленно, так как большую часть дня у него отнимала команда, к которой он вынужден был заглядывать и вечерами, не надеясь на квартирмейстеров А. Дьяченко и Н. Корепанова.

Н.В. Морозов сообщал также, что команда здорова, «только машинист Розенберг малокровен и очень слаб, хотя и не лежит», да Крюченков лежал в госпитале («у него хронические атонические язвы левой стопы») [6. Л. 29].

Бытовые штрихи в подготовке к новому плаванию. Несмотря на различные трудности «бытия», Н.В. Морозову удалось пережить длинную северную зиму. Уже 10 марта 1900 г. он получил телеграмму от капитана 2-го ранга А.И. Варнека о необходимости приступить к вооружению парохода «Пахтусов» с таким расчетом, чтобы приготовить его к плаванию к 15 апреля. 15 марта Н.В. Морозов телеграфировал А.И. Варнеку в Петербург о том, что «сего числа приступлено к вооружению Вам вверенного парохода» [6. Л. 57, 61].

«Пахтусов» был приготовлен к плаванию своевременно, однако ледовые условия не позволяли выйти в море. Впрочем, эта вынужденная стоянка оказалась небесполезной. 14 мая 1900 г. комиссия в составе вахтенного начальника Н.В. Морозова, мичмана С.Я. Любимова и судового врача, коллежского асессора А.Г. Чернышева (председатель) произвела ревизию сухарей на судне и составила следующий акт:

«... из 306 пудов осмотренных нами сухарей, 186 пудов сухарей заготовки 1897 года, хотя еще и не пришли в совершенную негодность, но уже приняли такое состояние, при котором продолжительное хранение их делается невозможным, а потому принимая во внимание особенные условия плавания парохода «Пахтусов», при которых доброкачественность пищевых продуктов имеет первостепенное значение, мы считаем необходимым заменить 186 пудов сухарей другими более свежей заготовки» [6. Л. 90].

О произведенной ревизии была сделана запись в вахтенном журнале судна. Акт ревизии утвердил А.И. Варнек, который 19 мая 1900 г. рапортом представил его начальнику ГЭСЛО, испросив разрешение на продажу сухарей, признанных комиссией «неблагонадежными», по цене 30 к. за пуд как наибольшей из предложенных покупателями. 21 мая 1900 г. полковник А.И. Вилькицкий распорядился исполнить это, а вырученные деньги внести в казначейство для зачисления в государственную казну [6. Л. 89].

В эти же дни был составлен и акт о списании постельного белья (6 одеял, 9 простыней, 11 наволочек, 1 подушка) и 6 поясных ремней [6. Л. 91].

Не приходится сомневаться в том, что и запасы сухарей, и постельное белье, и поясные ремни на пароходе «Пахтусов» были пополнены.

Сверхсрочник И. Агапов. Среди нижних чинов «Пахтусова» были, конечно, не только разгильдяи и выпивохи. Одним из тех матросов, кто добросовестно служил, был старший рулевой Иван Агапов. В 1900 г. он подлежал увольнению в запас флота, но в начале года заявил штабс-капитану Н.В. Морозову о своем желании «остаться на сверхсрочной службе в ГЭСЛО». 22 января 1900 г. Н.В. Морозов сообщил об этом в рапорте командиру парохода «Пахтусов», указав при

этом, что «означенный рулевой и в зимнее время по своему поведению может служить прекрасным образцом для прочей команды» [6. Л. 38].

Капитан 2-го ранга Варнек дал этому делу ход. Уже 10 февраля в ГГУ было направлено отношение о том, что начальник ГМШ разрешил оставить старшего рулевого команды парохода «Пахтусов» на сверхсрочной службе по III разряду [8. Л. 30–31]. 15 февраля 1900 г. А.И. Вилькицкий направил отношение об этом командиру 6-го флотского экипажа. Однако только через полгода, когда 31 августа А.И. Варнек вновь обратился к командиру 6-го флотского экипажа с просьбой распорядиться о производстве старшего рулевого И. Агапова в рулевые квартирмейстеры и об оставлении его на сверхсрочной службе, эта просьба была удовлетворена. Уже 1 сентября 1900 г. копия приказа была отправлена директору маяков и лоции Белого моря [8. Л. 106–106 об.].

Оставление И. Агапова на сверхсрочной службе было весьма своевременным, так как штабс-капитан Н.В. Морозов 24 октября 1900 г. вступил в «заведывание сводной ротой команды судов, зимующих в г. Архангельске» [8. Л. 114]. Надо полагать, что сверхсрочник И. Агапов стал ему и другим офицерам надежным помощником.

Однако в кампанию 1901 г., когда пароход «Пахтусов» находился в проливе Маточкин Шар (Новая Земля), квартирмейстеру И. Агапову на берегу была нанесена огнестрельная рана вольнонаемным поваром Кочетовым. Рапорт об этом вместе с материалами дознания полковник А.И. Вилькицкий представил начальнику ГГУ 24 сентября 1901 г. На следующий день эти материалы были направлены в ГМШ [9. Л. 99–100]. Поскольку в архивном деле материалов дознания нет, трудно судить о том, было ли это ранение случайным или Кочетов пытался за что-то мстить Агапову.

Список литературы

1. История Гидрографической службы Российского флота: в 4 т. Т. 1. Гидрографическая служба Российского флота (1696–1917). – СПб.: ГУНиО МО РФ. 1997. – 634 с.
2. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 404. Оп. 1. Д. 301.
3. РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 1. Д. 313.
4. РГА ВМФ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 1.
5. РГА ВМФ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 3.
6. РГА ВМФ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 2.
7. РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 809.
8. РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 1. Д. 331.
9. РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 1. Д. 352.
10. РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 2. Д. 877.

References

1. *Istoriya Gidrograficheskoy sluzhby Rossijskogo flota. V 4-h tomah. T. 1. Gidrograficheskaya sluzhba Rossijskogo flota (1696–1917)* [The history of the Russian Navy's Hydrographic service. In 4th vol. Vol. 1. The Hydrographic Service of the Russian Navy (1696–1917)]. – SPb.: GUNiO MO RF. 1997. – 634 p.
2. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voенno-Morskogo Flota (RGAVMF). F. 404. Op. 1. D. 301* [RSNA. Fund 404. Inv. 1. File 301].
3. RGAVMF. F. 404. Op. 1. D. 313.
4. RGAVMF. F. 598. Op. 1. D. 1.
5. RGAVMF. F. 598. Op. 1. D. 3.
6. RGAVMF. F. 598. Op. 1. D. 2.
7. RGAVMF. F. 404. Op. 2. D. 809.
8. RGAVMF. F. 404. Op. 1. D. 331.
9. RGAVMF. F. 404. Op. 1. D. 352.
10. RGAVMF. F. 404. Op. 2. D. 877.

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94(47)"1914/19":642-057.36

ГРНТИ 03.23.55: История России новейшего времени (с XX в.)

М.В. Оськин

Питание солдата в окопах Первой мировой войны

На войне питание солдата играет громадную роль для ведения военных действий. В ситуации постоянной готовности к гибели в бою, нахождения под огнем противника, тяжелых физических перегрузок на марше и в окопах – еда является одним из немногих светлых моментов в жизни солдата, находящегося в экстремальных условиях войны. Русский продовольственный паек периода Первой мировой войны был сытным, калорийным, но не особенно разнообразным, а также, в отличие от неприятеля по Восточному фронту, не включал в себя спиртных напитков. За несколько лет войны кризисы снабжения в русской армии произошли всего два раза: осенью 1914 г., когда в приграничных регионах развернулись широко-масштабные боевые операции, и зимой 1917 г., накануне падения монархии. В целом в военный период российское интендантство достаточно успешно справлялось с обеспечением армии продуктами питания, ибо войскам отдавалось очевидное предпочтение перед тылом страны.

Ключевые слова: питание солдата, продовольственное снабжение, полевая кухня, походный котелок, интендантство, горячая пища, продовольственный кризис.

M.V. Os'kin

Food soldier in the trenches of the First World War

In war, the feeding of soldiers plays a huge role in doing military operations. Food was one of the few bright moments in the life of a soldier who was in extreme conditions of war. The food was necessary in a situation of constant readiness for death in battle, being under enemy fire, heavy physical overload on the March and in the trenches. Russian food rations during the First World War was hearty, high-calorie, but did not have variety. It also did not include alcoholic beverages unlike the enemy on the Eastern front. A few years of war, the crisis of supply in the Russian army occurred only twice. The first was in the autumn of 1914, when in the border regions launched huge military operations. The second was in the winter of 1917 on the eve of the fall of the monarchy. In General, in the war period, the Russian Commissariat, quite successfully coped with providing the army with food, because the troops were given priority over the rear.

Key words: food soldier, food supply, field kitchen, the mess kit, the Commissariat, hot food, food crisis.

Питание составляет один из важнейших процессов жизнедеятельности человека, но на войне оно важно по двум основным причинам. Во-первых, это поддержание энергетических ресурсов человеческого организма на должной высоте, соответствующей испытываемым перегрузкам. Ведь фронтовик несет громадные психологические и физические перегрузки, как правило, не сопоставимые с трудовыми нагрузками мирного времени. Поэт-улан вспоминал: «Высадившись, удивляешься пейзажами, знакомишься с характером жителей, – главное, что надо узнать, есть ли у них сало и продают ли они молоко» [1, с. 547]. Во-вторых, еда составляет одно из немногих светлых повседневных переживаний фронтовика, недаром первой жалобой в солдатских письмах в случае нехватки чего-либо было именно питание [2, с. 297].

В начале войны паек был не только разнообразен, но зачастую и столь обилён, что даже приходилось сокращать его [3. Л. 59]. С затягиванием войны стало не всегда возможным соблюдать нормы, многое зависело от времени года, участка фронта, близлежащей инфраструктуры. В воспоминаниях участников войны постоянно встречаются сообщения о перебоях со снабжением действующей армии продфуражом. Однако вплоть до зимы 1917 г. массовые перебои имели место лишь осенью 1914 г. [4. Л. 203]. Участник войны так пишет о сентябре 1914 г. в русской Польше: «В эти дни мы буквально голодали, ибо наши обозы не поспевали за нами по песчаным дорогам этого края. Достать что-либо у местного населения не представлялось возможным. Само население жило впроголодь, а тут еще побывали перед нами немцы и забрали остатки. Бывало, попросишь хлеба, а старики и старухи плачут, сами ничего не ели... Плач и отчаянные мольбы встречали и провожали нас на каждой остановке. В это время главным пищевым продуктом нам служила брюква, которую мы собирали по полям и сырой поедали. К счастью, за всю войну такой голодовки мы больше не испытывали» [5, с. 15].

Мобилизационные мероприятия и переброска войск на западную государственную границу поставили задачу снабжения и питания огромных людских масс. Прежде чем высадиться в пункте назначения и привести в действие походные кухни, люди должны были получать пищу в дороге. Довольствие в пути на фронт в начале войны имело следующий порядок: «для приготовления пищи в каждом эшелоне (батальон) заняты были крытые вагоны, в которых установлены походные кухни, и пища раздавалась людям приблизительно в те же часы, что и в мирное время при казарменном расположении. Для раздачи пищи пользовались более или менее продолжительными остановками, на которых люди шли к вагонам и кухням с котелками, а часто с ведрами, получали обед или ужин и располагались для принятия пищи или в

своих вагонах или по сторонам полотна железной дороги, в зависимости от продолжительности остановки поезда» [6, с. 477].

Питание солдат на войне обычно происходило дважды в сутки – днем или вечером. С установлением позиционной войны осенью 1915 г. передовые части получали еду ранним утром и ближе к ночи (чтобы кухни не попали под обстрел неприятеля), а то и один раз в день. Но в маневренной войне по возможности соблюдались предвоенные рациональные правила питания. Происходило это следующим образом: «утром перед самым выступлением приготовленные продукты закладываются в походные кухни, и обед готовится во время движения с таким расчетом, чтобы его можно было раздать на большом привале. Большой привал делали обычно, пройдя большую половину пути, на местности, достаточно укрытой от наблюдения воздушной разведки противника, преимущественно в лесу, а иногда, вопреки требованиям полевого устава, в самых селениях... Тотчас по остановке полка кухни подтягивались к своим батальонам, и начиналась раздача обеда. За получением пищи направлялись к кухне от каждого взвода по несколько человек с котелками под командой дежурного по роте, который следил за порядком раздачи и сообщал дежурному по кухне о количестве состоящих на довольствии в роте людей... Котелок рассчитывался на 2–3 человека. Мясных порций не выдавали, а мясо крошилось мелкими кусками в суп. При благоприятных условиях обед готовился из двух блюд... По раздаче обеда сейчас же вымывались котлы, и закладывались продукты на ужин, который обычно состоял из одного блюда, так называемой кашицы – с крошеным мясом или картофельного супа». Во время позиционной войны походные кухни полка из обоза 1-го разряда находились в 5–6 верстах от линии окопов, откуда в передовые части подвозился обед (между 12 и 14 ч) и ужин (в 19–21 ч). Роты, стоявшие в резерве, получали еду напрямую, а от окопников приходили несколько человек от каждого взвода с походными котелками и ведрами. Тут же передавали газеты, письма и посылки. В случае активной позиционной войны обед готовился ночью и подвозился в 6–7 ч утра и теперь только в ведрах, которые вмещали больше еды, чем котелки, и, следовательно, меньше было задействовано солдат для их переноски. Ужин – с наступлением сумерек. Чай, сахар и хлеб раздавались взводными раздатчиками на несколько дней. Чай готовился ночью в котелках самими солдатами в землянках 2-й линии окопов, где были устроены кирпичные печурки [6, с. 478–479].

В маневренных операциях артельщики и командиры полков закупали различные продукты у местного населения, так как кухни не успевали за войсками, и еда готовилась на месте в котелках. Ротные кухни (четыре в батальоне) сосредоточивались в обозе 1-го разряда и шли непосредственно за полком на установленной дистанции (200–300 шагов), а при длительных остановках для отдыха или ночлега от-

тягивались к какому-либо прикрытию (лесу, роще, избе), где шло приготовление и раздача пищи. Каждая рота поочередно в продолжение месяца довольствовалась свой батальон, обслуживая кухни своим хозяйственным аппаратом. Хозяйственные двуколки и парные повозки (по одной единице той и другой на каждую роту), обывательские подводы по мере надобности и порционный скот находились в обозе 2-го разряда. Этот обоз, в зависимости от обстановки, двигался или за полком в расстоянии около полуперехода, или в составе общей колонны обозов дивизии, присоединяясь к полку на ночлег.

Продовольствие для рот получалось из магазинов или полкового обоза ежедневно, обыкновенно на ночлеге, артельщиками довольствующих рот из обоза 2-го разряда, который, в свою очередь, получал их из интендантских учреждений дивизии или корпуса. К концу каждого дня фельдфебелями довольствующих рот собирались сведения о наличном количестве людей в ротах, на основании которых выписывалось требование на продукты и хлеб полковому квартирмейстеру на каждый батальон отдельно. После раздачи ужина артельщики довольствующих рот приходили в обоз 2-го разряда и принимали продукты для закладки в походные кухни, а также пополняли запасы чайного довольствия и вкусовых продуктов, возимых на подводах при обозе 1-го разряда. В ротах в это время шла мойка котлов и наполнение их водой, а также заготовка дров для топки. Часа за три до выступления полка с ночлега около кухонь начиналась работа по подготовке полученных накануне продуктов к закладке в котлы (чистится картофель, рубится на куски мясо, промывается крупа и проч.), а также готовился кипяток для утреннего чая. Чай должен был быть готов не позже как за час до выступления, после чего раздавался людям в походные котелки, для чего от каждого отделения посылались к кипяtilьникам по 3 чел. с несколькими котелками. В то же время солдаты наполняли кипятком походные фляги для питья во время движения. К сожалению, этой воды не хватало на весь день, почему солдаты часто пили воду из открытых источников, а зимой использовали снег для варки чая в окопах.

На Кавказе войска на первом этапе военных действий пользовались переносными котлами и индивидуальными котелками, так как все запасы полевых кухонь и все их производство шло на австро-германский фронт. Тем не менее постепенно эта проблема была решена, насытив войска. Офицер-гвардеец так вспоминал о деятельности полевых кухонь в различные периоды войны: «Каждая рота с выступлением в поход имела свою ротную походную кухню, в которой варили супы. Причем кашеварам, при наступательных операциях в начале войны, необходимо было готовить пищу на ходу с таким расчетом, чтобы она была готова к приходу на бивак или большому привалу. Иногда же кухни, в зависимости от боевой обстановки, посы-

лались вперед, или же, наоборот, они подъезжали, когда полк уже пришел на свою стоянку. При окопной жизни вопрос питания решался иначе, и кухни обычно подъезжали к тыловым окопам с наступлением темноты. Позже, при длительном пребывании на одном и том же участке, были проложены особые “подъездные” широкие рвы, по которым кухни подъезжали к окопам. Там же, в окопах, на передовой линии, устанавливались примитивные полевые печи в земле, в виде коленчатого отверстия, в которое с одного конца, снизу, подкладывалась и зажигалась или солома, или сухое дерево, а в другое, лицом к небу, ставился или чайник с водой, или котелок» [7, с. 43].

Во время активных боев солдаты не всегда могли получать горячую пищу, как того требовало командование, и зачастую по несколько дней пользовались сухим пайком. Несоблюдение приема войсками горячей пищи наблюдалось не только потому, что соединения совершали постоянные марш-маневры. Сила современного огня уничтожала все на своем пути, в том числе и полевые кухни, пытавшиеся подойти к передовым окопам, чтобы накормить стрелков. В условно позиционных боях осенью 1914 г. на Восточном фронте окопы еще не приобрели развитой защищенности, как во второй половине войны. Поэтому «немецкая артиллерия не позволяла высунуть головы до наступления темноты, благодаря чему только ночью подходили наши кухни с горячей пищей» [5, с. 26].

Неблагоприятный ход военных действий в кампании 1915 г. еще более повлиял на процесс приготовления пищи. В связи с тем, что войска стали отступать преимущественно по ночам, стремясь сделать наивозможно больший «отскок» от неприятеля, чтобы не подставлять своих солдат под огонь превосходящей австро-германской артиллерии, обед также стали готовить преимущественно по ночам. Тогда же определилось и значение полевых кухонь в общей системе русских обозов. Например, саперный офицер вспоминал, что при отходе в 1915 г. небольшие мосты взрывались только тогда, когда проходила последняя полевая кухня: «это было безошибочным указанием, ибо кухня была всегда последней, что после нее уже наверное нет никаких отсталых повозок и уничтожению моста ничто больше не препятствовало» [8, с. 28].

В 1915 г., при отходе русских армий из Галиции и Польши, чтобы не оставлять противнику местных средств, Ставкой были даны указания о поголовной реквизиции скота из районов, непосредственно примыкающих к войскам. Свидетельства участников войны описывают, что войска, как правило, не нуждались в мясе. Ведь все продовольствие (а любой скот это тоже продовольствие) должно было либо отправляться на восток, либо уничтожаться, чтобы не достаться наступающему по всему фронту врагу. Практика реквизиций у населения, не желавшего уходить в глубь страны, дешевая скупка скота у го-

лодавших беженцев, простое подбирание брошенных животных – все это увеличивало войсковые запасы, чтобы вскоре быть отправленным в голодные солдатские желудки. Противоречивость практики снабжения войск мясом отчетливо выразил офицер интендантской службы: «В голодное село приходят голодные резервы. Через четыре часа они будут брошены в наступление. Должны ли мы их накормить? Разумеется, так. Ибо раз мы воюем, то мы хотим победить, а раз мы хотим победить, то солдаты должны быть сыты... Если мы заберем у бабы последнюю корову, то ее детишки останутся без молока и помрут, быть может, голодной смертью. Но ведь одной коровой я могу накормить роту солдат, из которых 20 % будут через четыре часа убиты и ранены. Имею ли я право лишить солдат последнего утешения на земле – умереть, по крайней мере, сытым? И как я должен поступить, когда стоит передо мной голый вопрос: рота солдат или одна галицийская семья?.. Чем мы виноваты, что европейская политика сделала именно эту вонючую Галицию средоточием войны, что именно нашу армию поставила она в центре событий, и что русский солдат съедает разом по четыре фунта картофеля?» [9, с. 49].

Между тем продовольственное разнообразие начала войны являлось достаточно высоким, при том что Россия, бесспорно, не могла производить в массовом порядке тех деликатесов, что были привычны европейским странам. Постановление Верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца А.П. Ольденбургского от 30 октября 1914 г. знакомит с перечнем тех продуктов, что можно было продавать частным порядком «с лотков и корзин» для солдат на железнодорожных станциях и пароходных пристанях. Сюда входили: «1. хлеб всякого рода (черный, белый, баранки, калачи и пр.), 2. мясо и птица – вареная и жареная, 3. ветчина и колбаса – вареная, 4. сало свиное, 5. яйца сырые и вареные, 6. рыба вареная и жареная, 7. молоко кипяченое, 8. творог, 9. огурцы соленые, 10. яблоки моченые, 11. апельсины и лимоны, 12. пироги с начинкой, 13. чай в упаковке, 14. сахар колотый или пиленый, 15. соль, 16. дешевые сорта табака и папирос». В то же время были продукты, продажа которых солдатам запрещалась по санитарно-гигиеническим соображениям. Ни в коем случае нельзя было продавать: «1. фрукты сырые, кроме лимонов и апельсинов, 2. овощи сырые, 3. квасы всякого рода» [10, с. 31–32]. Правда, на практике продажи такой номенклатуры продуктов просто не было, что не позволило организовать торговлю продуктами на станциях [11. Л. 1].

С наступлением зимы значение горячей пищи в войсках увеличилось. Во-первых, прием горячей еды означал обогрев организма. Во-вторых, это предотвращало распространение дизентерии и других заболеваний желудка. В-третьих, зимой человеку требуется более калорийный паек. Высшие командиры постоянно отдавали распоряжения

об улучшении пищевого довольствия солдат под угрозой лишения должности. Понимая, что неудачи могут тяжело сказаться на духе войск, командование распорядилось повысить солдатский паек как количественно, так и качественно, повысив нормы дачи мяса и хлеба [12, с. 728]. Сытый солдат – более надежный солдат, нежели голодный боец: эту истину военное ведомство помнило крепко.

В то же время большая часть солдат в наиболее пострадавших соединениях уже состояла из запасных. Таким образом, той «семейной спайки» мирного времени, что наблюдалась до войны в кадровых полках, уже не было. На первом этапе войны, когда войска были еще кадровыми, когда солдаты и офицеры чувствовали себя одной большой семьей с более привилегированными «старшими братьями» (офицерами) и рядовой массой «младших братьев» (солдатами), еда делилась поровну. Участник войны, офицер, сообщает, что когда в бою тылы отстают, и из-за артиллерийского обстрела нет возможности подвезти к позициям полевые кухни, то войска достают еду, где только смогут: «вот тут-то и сказывается сердечное отношение стрелков к командирам. Каждый из принесших картофель или чай, пробираясь по окопу, несет в бумаге несколько картофелин, соль и кружку чая, достает из сумки кусок хлеба и, обращаясь, говорит: "Покушайте, а то проголодались!"» [6, с. 90]. Отсюда и пробелы в такой хрупкой субстанции, как забота командира о подчиненном.

Зимний период требовал некоторого изменения в организации довольствия людей в окопах. Той же зимой, но уже в Восточной Пруссии, приказ по армиям Северо-Западного фронта от 10 января 1915 г., в частности, сообщал: «3. Кипяченую воду для питья окислять клюквенным или черничным экстрактом; 4. Хлеб, перевозимый на подводах, прикрывать брезентом, а отнюдь не соломой или сеном; 5. При расположении на месте сухарный запас иметь не на людях, а в полковом обозе, и выдавать его на руки лишь перед выступлением; 6. Частям, выводимым с позиций на отдых, давать кашу и, вообще, возможно улучшать питание; 7. Кашу давать и на позициях, если есть к этому малейшая возможность» [13. № 422].

Ситуация с кашей объясняется тем, что в войсковых кухнях варили только первое, а для варки каши специальных кухонь не было. В годы же войны кашу стали активно использовать в питании бойцов. Отчет главного начальника снабжений Юго-Западного фронта от 29 мая 1915 г. указывает, что «люди получают вообще отличную пищу, хотя в большей части каша не готовится за отсутствием кухонных приспособлений» [14. Л. 73 об.]. Кашу стали варить в позиционный период войны. Второе блюдо на фронте – это обычно пшенная или гречневая каша на бараньем либо говяжьем сале. Так, приказ командующего 3-м кавалерийским корпусом графа Ф.А. Келлера от 25 января 1916 г. гласил: «Ввиду уменьшения выдачи мяса, предписываю начальникам ча-

стей принять все меры, дабы это не отозвалось на качестве пищи. Требую, чтобы борщ и щи были наваристы и густы, а каша была бы достаточно сдобрена салом и кашница к ужину не была бы жидка. Начальникам частей своевременно озаботиться заготовкой в достаточном количестве запасом продуктов» [15, с. 1082].

В Румынии зимой 1917 г. часто выдавали рисовую кашу, но вообще рис был введен в солдатский рацион (25 г) в начале войны (в мирное время его не было), и его норма только повышалась. Одна из причин – легкость закупок риса в соседних государствах. Вторая – полезность применения. Приказ главноюза Н.И. Иванова гласил: «Ввиду полезного действия риса на желудок, в особенности при некоторых родах желудочных заболеваний, приказываю ежедневно на одну из варок делать суп, в который, кроме овощей и других приварочных припасов, класть по шесть фунтов риса на каждых сто человек» [16, от 29 авг.]. С 1916 г. рисовый паек солдата составлял уже 85 г.

Каша являлась не просто вторым блюдом, но, как правило, и ужином. Поэтому понятно то внимание, которое отводилось ей штабами в деле интендантского снабжения и продовольствования войск. В приказе по Особой армии от 12 декабря 1916 г. сообщалось: «В деле питания я усматриваю во многих частях недостаток в овощах, зелени и жирах; пища разнообразится мало. Каша готовится не везде ежедневно из-за недостатка круп. В некоторых частях на ужин дается суп с сельдями, что вызывает ночью жажду, утоляемую нижними чинами нередко сырой водой, за неимением ночью кипятка. Продукты принимаются не всегда доброкачественными... Не везде соблюдаются правила гигиены при перевозке и хранении продуктов» [17. № 330/74].

Известно, что человек в процессе своей жизнедеятельности привыкает к определенному рациону, исходя из народной привычки, условий климата, а также из наличия определенного вида продуктов, имеющих в данной местности. О том, что каша вообще свойственна русским, знал и противник. Так, австрийские власти при определении пищи для русских военнопленных настаивали, что «при изготовлении пищи принимается во внимание следующее: русские военнопленные особенно ценят количество и плотность пищи. Для этих военнопленных пища должна быть приготовлена в виде густой каши (кукуруза, картофель) и подаваема в чашке, наполненной до краев» [18, с. 21].

Соответственно, хорошо кормили и в госпиталях. Приказ по Тульскому гарнизону от 27 ноября 1915 г., изданный после инспекции лазарета Тульского городского общественного управления, гласил: «Пища раздается больным высокой доброкачественности. Обыкновенная порция состояла из вкусного борща с мясом, а на второе больным раздавали селедку с вареным картофелем. На ужин выдается мясное блюдо, причем на каждого больного приходится не менее 12 золотни-

ков мяса». Особо констатировалось, что во всех лазаретах больные и раненые получали хорошую пищу [19. Л. 217].

Зима 1916 г. поставила перед интендантством новые задачи снабжения в условиях позиционной войны. Снабжение облегчалось тем, что большинство войсковых соединений располагалось в одном и том же районе длительное время. Однако теперь снабжение строилось на подвозе продовольствия из глубины страны, что накладывало сильные обязательства на транспорт, продовольственные органы тыла и деятельность интендантства вообще. Поэтому той зимой разные подразделения могли получать питание по-разному. Одни были полностью довольны, другие, напротив, недоедали.

Можно привести противоположные друг другу в этом отношении письма. Письмо солдата 14-го полка в конце 1915 г.: «Мы здесь живем прекрасно, кормят нас хорошо и здорово, например, утром пьем чай с булками и маслом. Два раза в день горячая пища, 1 фунт мяса на каждого и сало дают, кашу варят, и сами жарим себе картошку с салом, одним словом – шик». Письмо солдата 197-го полка в январе 1916 г.: «Хлеба нам выдают по 1,5 фунта, черный, горелый, собака и та не будет есть, да и дают мало. Суп вода, да 1–2 картошки, а мясо съели по ошибке собаки и кошки за нас». Письмо солдата 1-го финляндского стрелкового полка в феврале 1916 г.: «Порции уменьшили как мяса, так и сахара. Мяса за 1 ф. дают $\frac{3}{4}$ ф., сахар за 16 золотников (зол.) дают 12 зол. и хлеба тоже 10-фунтовый каравай на 5 человек». Письмо солдата 173-го полка в феврале 1916 г.: «Сидим без хлеба по суткам четыре и без порции, потому что хлеба не хватает у нашей России и мяса тоже, и все вот так стали сильно сдаваться в плен» [20, с. 372, 377, 502–503].

Или так вспоминал служивший вольноопределяющимся (солдатский паек) в период оперативной паузы зимы-весны 1916 г. на Западном фронте будущий советский писатель В. П. Катаев в своем «Юношеском романе» о феврале месяце: «Едим мы два раза в день: днем и вечером. В двенадцать обед – борщ, каша и около полфунта мяса – чрезвычайно твердого. Борщ до того наперчен, что есть его я не могу. Каша на постном масле или с салом, крошенным кусочками» [21, с. 48]. К концу зимы снабжение немного ухудшилось потому, что стали подходить к концу запасы 1915 г. и к тому же перед Верховным командованием встал вопрос сокращения наиболее дефицитных продуктов солдатского пайка.

Сравнительно небольшая цифра солдатского пайка быстро увеличивается при больших цифрах людей в действующей армии. И большая часть суточного пайка в подразделениях подвозилась для лошадей. Суточная дача по раскладке продфуража в начале 1916 г. на 50 тыс. чел. (численность армейского корпуса): хлеб – 3 125 пудов, сухари – 2 188, мука – 2 357, крупа – 313, рис – 75, сушеные овощи – 52,

соль – 143, сало – 210, чай – 13, сахар – 195, табак – 52 пуда. А на 50 тыс. лошадей корпуса – 5 085 пуд сена и 25 тыс. пуд овса [22. Л. 107]. Точно так же цена пайка лошади была почти в два раза выше пайка человека: стоимость суточной дачи осенью 1916 г. на человека в сутки составляла 64,33 к., в том числе 20 к. – мясо, 9,64 – сало и 11,33 – мука. Для лошади – 112 к., в том числе 81 к. зернофураж и 31 к. сено и солома [23. Л. 193].

Интересно, что стоимость суточного пайка союзников, воевавших в рядах русской армии, была выше, чем русского солдата, составляя около 1 р. Суточный оклад продовольствия в 1917 г. для французских, британских и бельгийских солдат на русском фронте: чай – $\frac{3}{4}$ зол., кофе – 8 зол., белый хлеб – $1\frac{1}{4}$ ф., черный хлеб – $1\frac{1}{4}$ ф., мясо – $1\frac{1}{4}$ ф. (стоимость – 60,6 к.), сахар – 20 зол. (стоимость – 12,5 к.), картофель – $2\frac{1}{4}$ ф. (стоимость 11,25 коп.), сало и масло – 10 зол., соль – 11 зол., подболточная мука – 4 зол., перец – $\frac{1}{6}$ зол., крупа или рис – 20 зол. [24. Л. 171].

Офицеры обычно довольствовались около солдатских котлов, так как для офицерского состава пайка не полагалось. Это правило соблюдалось практически всю войну, а смысл заключался в том, что пайковые нормы отпускались только на солдат. Например, 11 июля 1916 г. штаб Московского военного округа уведомил гарнизоны, что «зачисление на довольствие из котла офицерских чинов неправильно, так как мясо отпускается только на нижних чинов» [25. Л. 216]. То есть, если в больших подразделениях несколько офицеров вполне могли питаться из солдатского котла, и это было бы незаметно для солдатского желудка, то в маленьких (отдельные команды, разъезды и проч.), напротив, получалось бы, что офицер объедает подчиненных. Компромисс обычно находили в увеличении нормы варки, чтобы учесть и офицеров.

Вообще же офицеры должны были покупать себе продукты питания, что на фронте происходило оптом для офицеров всего подразделения (соединения) в продовольственных магазинах или офицерских лавках. В целом офицерский паек фронтовиков не сильно отличался от солдатского. Более существенно – в ближайшем войсковом тылу. В наиболее привилегированном положении находилась Ставка Верховного командования. Снабжением офицерской столовой в Ставке с августа 1915 г. заведовал специальный поставщик – советник коммерции Байрашев, который ежемесячно присылал из Петрограда вагон-ледник с мясом, копченостями, птицей, маслом, мукой, сахаром, фруктами, зеленью и вином. Мелочи (хлеб, молоко, творог) закупались на месте. Общий расход составлял 6–7 тыс. р. в месяц. С декабря 1916 г., в связи с развитием продовольственного кризиса, столовая перешла на получение продуктов от интендантства и местных производителей. При офицерской столовой были открыты молочная ферма из 30 коров, булочная, квасоварня, мясная, птичий двор [26. Л. 43].

Ухудшение снабжения стало наблюдаться с осени 1916 г., в разгар сражений на Юго-Западном фронте и в Румынии, а ближе к зиме ухудшение вылилось в кризис снабжения всей действующей армии. Генерал-квартирмейстер Ставки первого состава Ю.Н. Данилов вспоминал, что «уже в середине 1916 г. развал транспорта был у нас налицо... Постепенно стал существенно страдать солдатский желудок. С большими затруднениями связано было раздобывание для войск сахара и белой муки – этих единственных лакомств ежедневного солдатского пайка. Затем стали встречаться серьезные препятствия в обеспечении солдат свежим мясом и овощами. Приходилось довольствоваться рыбой, консервами и сушеной зеленью». Тем не менее власти верили в «прочность и обилие сельскохозяйственных богатств России» [27, с. 193–194]. Последний тезис не совсем верен, к тому времени в отвечавшем за снабжение фронта и тыла Министерстве земледелия правильно оценивали общую ситуацию в стране. Но важно первое – как раз зимой 1917 г. особенно частыми были жалобы солдат на плохое продовольствие, а максимальное количество пришлось на январь 1917 г. [2, с. 290–291].

В сравнении с русскими, положение немцев было более тяжелым. Невзирая на перебои со снабжением, русский солдат и зимой 1917 г. получал довольствие большее, нежели противник. Например, солдат П.А. Карнаухов, служивший на Юго-Западном фронте, вспоминал: «Еще с октября 1916 г. на нашем участке началось братание с неприятелем, за что, конечно, немало влетало от офицерства, а в январе братание у нас уже стало обычным явлением. Доходило до того, что наши солдаты обменивались разными вещами, давая хлеб, сахар и получая ножичек, бритву» [28, с. 57]. И в начале 1917 г. русские солдаты имели в своем пайке хлеб и даже сахар, которых хватало настолько, что эти продукты могли служить в качестве предмета обмена при братании. Напротив, противник предлагал изделия промышленности, испытывая недостаток продовольствия. Невзирая на все жалобы начальников и пестревшие в тогдашних газетах и современных трудах сообщения, голода на фронте так и не случилось, хотя как раз данный фактор стал одним из важнейших в перечне причин, приведших к падению монархического режима в России.

Нехватка полноценного питания, наслонившись на неудачные бои, даже дала несколько вооруженных выступлений, ставших предупреждением для властей. Прежде всего – это неповиновение солдат в 12-й армии Северного фронта по итогам Митавской наступательной операции. Смертные приговоры были вынесены 66 солдатам: 37 из состава 55-го Сибирского стрелкового полка, 24 – 17-го Сибирского стрелкового полка, 5 – 223-го пехотного Одоевского полка. Масса других солдат была приговорена к каторжным работам, арестам, переводу в штрафные части и т. д. По заключению военных властей неповино-

вление боевому приказу проявилось под влиянием агитации – письменных прокламаций, разносимых агитаторами. Однако общее недовольство проявилось именно на фоне ухудшения питания. Зимой 1917 г. в войсках появилась цинга, ставшая следствием замены свежего мяса консервами, солониной и соленой рыбой и нехватки овощей.

Таким образом, однообразие режима питания как таковое оказывается довольно рискованным. Продукты передавались войскам по мере поступления, а потому положенного разнообразия пайка не могло быть по объективным причинам. Например, 22 декабря 1916 г. Главполит сообщил, что по донесениям соединений разные виды круп отпускаются неравномерно, а потому следует передавать войскам крупу поровну «не только по количеству, но и примерно по сортам» [29. Л. 99]. На одних фронтах люди могли получать положенную гречку или рис, а на других – опостылевшую чечевицу.

Скверное качество и малое количество пайка зимы 1917 г. подтверждается современниками – простыми солдатами. Один из них вспоминал о питании в 1-м запасном пулеметном полку (Ораниенбаум): «Более чем полтора месяца подряд, изо дня в день, для нас варили суп из чечевицы. Никогда раньше не ел я такого отвратительного супа: мутное, безвкусное "хлёбово" едва лезло в рот. К тому же, на второе к обеду ежедневно варили кашу из чечевичной крупы на хлопковом масле. Она нам до того надоела, что многие из ребят совсем ее не ели, предпочитая вылезать из-за стола после обеда впроголодь» [30, с. 65]. А ведь это окрестности столицы.

Однообразие питания опасно не только потому, что лишь разнообразная пища позволяет организму правильно развиваться, но и потому, что «сама надежность пропитания, возможность получать его каждый день зависит от того, насколько широк диапазон доступных пищевых ресурсов» [31, с. 172]. Кризис снабжения, зависевший от бесперебойной работы железных дорог, не позволил власти в надлежащей степени выполнять свои обязательства перед воинами. Хотя нельзя еще раз не отметить, что голода на фронте не было, но лишь – временное (не более трех месяцев) ухудшение питания зимой 1917 г.

Итак, в годы Первой мировой войны солдатский рацион являлся достаточно разнообразным, хотя это разнообразие зачастую перекрывалось периодическими недопоставками многих видов продуктов. Тем не менее энергетическая ценность русского пайка, положенного солдату, являлась весьма высокой [32, с. 226]. Главный же смысл продовольственных затруднений фронта заключался в том, что по объективным причинам с каждым годом войны возможности тыла падали, а потребности армии увеличивались, что в конечном счете и вылилось в продовольственный кризис зимы 1916/1917 г. С 1916 г. уже половина товарного зерна шла в армию, а накануне Февральской революции практически все товарные излишки хлеба должны были по-

ступить на довольствие Вооруженных сил. Что касается других продуктов, то все они в максимально возможной степени шли на довольствие действующей армии.

Таким образом, в период Первой мировой войны номенклатура довольствия и соотношение и объем каждого продукта в пайке солдата претерпели немалые изменения. По мере затягивания войны и проявления дефицита в отношении продовольственных ресурсов Российской империи происходит некоторое сокращение в пайке продуктов животноводства, нарастает процесс взаимозаменяемости продуктов питания, в довольствие вводятся те продукты, питание которыми до войны вообще не предусматривалось. Парадоксальным образом боец стал получать более разнообразное питание, нежели это предусматривалось нормативно-правовыми актами мирного времени; но другой вопрос, что калорийность пайка тем не менее немного сократилась, оставшись, впрочем, на приемлемом уровне. Интендантские структуры, Министерство земледелия и его разветвленный аппарат уполномоченных, земские и городские организации, кооперативы и другие общественные организации в целом справились с решением задач снабжения действующей армии. Имевшиеся недостатки явились естественными издержками огромного дела.

Список литературы

1. Гумилев Н.С. «Когда я был влюблен...». – М.: Школа-пресс, 1994. – 624 с.
2. Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. – М.: Новый хронограф, 2014. – 736 с.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2686. Оп. 1. Д. 138.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 826. Оп. 1. Д. 338.
5. Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. 1914–1920. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2007. – 237 с.
6. Суворов А.Н. Тактика в примерах. – М.: Военный вестник, 1926. – 506 с.
7. Военная быль. 1972. № 118.
8. Военная быль. 1970. № 102.
9. Войтоловский Л. По следам войны. Походные записки 1914–1917. – Л.: Госиздат, 1925.
10. Военно-санитарный сборник Юго-Западного фронта. № 1. – Бердичев, 1915. – 105 с.
11. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Оп. 1. Д. 7484.
12. Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 965 с.
13. Приказы по армиям Северо-Западного фронта за 1915 г. – Б.М., 1915.
14. РГВИА. Ф. 2072. Оп. 1. Д. 346.
15. Граф Келлер. – М.: Посев, 2007. – 1142 с.
16. Приказы по армиям Юго-Западного фронта за 1914 г. – Б.М., 1915.
17. Приказы по Особой армии за 1916 год. – Б.М., 1917.
18. Правила австро-венгерского министерства о положении военнопленных на работах в Австрии. – Пг., 1917. – 51 с.

19. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 1300. Оп. 1. Д. 746.
20. Письма с войны 1914–1917 / составление, комментарии и вступительная статья А.Б. Асташова и П.А. Симмонса. – М., 2015. – 794 с.
21. Катаев В.П. Сухой лиман: повести. – М.: Советский писатель, 1986. – 427 с.
22. РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 232.
23. РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 22.
24. РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 17.
25. ГАТО. Ф. 1130. Оп. 1. Д. 18.
26. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 283.
27. Данилов Ю.Н. На пути к крушению. – М.: XXI век; Согласие, 2000. – 394 с.
28. История гражданской войны в СССР. – М.: Госиздат, 1936. Т. 1. – 578 с.
29. РГВИА. Ф. 2072. Оп. 1. Д. 150.
30. Лезин М. Воспоминания рядового. – Горький: Горьковское книжное издательство, 1958. – 174 с.
31. Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе. – СПб.: Alexandria, 2009. – 274 с.
32. Вещиков П.И. Военное хозяйство – Тыл Вооруженных Сил России (XVIII–XX вв.). – М.: ИВИ МО РФ, 2003. – 460 с.

References

1. Gumilev N.S. «Kogda ja byl vlyublen...» [When I was at enamored]. – М.: Shkola-press, 1994. – 624 s.
2. Astashov A.B. *Russkij front v 1914 – nachale 1917 goda: voennyj opyt i sovremennost'* [Russian front in 1914 – early 1917: military experience and modernity]. – М.: Novyj hronograf, 2014. – 736 s.
3. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA)* [Russian State Military-Historical Archive]. F. 2686. Op. 1. D. 138.
4. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF)* [State Archive of the Russian Federation]. F. 826. Op. 1. D. 338.
5. Popov K. *Vospominanija kavkazskogo grenadera. 1914–1920* [Memories of the Caucasus Grenadier]. – М.: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2007. – 237 s.
6. Suvorov A.N. *Taktika v primerah* [Military tactics at examples]. – М., 1926. – 506 s.
7. *Voennaja byl'*. [Military true story]. – 1972. – № 118.
8. *Voennaja byl'*. [Military true story]. – 1972. – № 102.
9. Vojtolovskij L. *Po sledam vojny. Pohodnye zapiski 1914–1917* [On the trail the war. Combat the memoir 1914–1917]. – L.: Gosizdat, 1925.
10. *Voенно-sanitarnyj sbornik Jugo-Zapadnogo fronta* [The military-sanitary collection of documents of the South-Western Front] № 1. Berdichev, 1915. – 105 s.
11. *Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj oblasti (GAOO)* [State Archive of Orel region]. F. 580. Op. 1. D. 7484.
12. Buldakov V.P. *Krasnaja smuta: Priroda i posledstvija revoljucionnogo nasilija* [Red Troubles: nature and consequences of revolutionary violence]. – М.: ROSSPJeN, 2010. – 965 s.
13. *Prikazy po armijam Severo-Zapadnogo fronta za 1915 g.* [Orders for the armies of the North-Western Front for 1915] B.M., 1915.
14. RGVIA. F. 2072. Op. 1. D. 346.
15. Graf Keller [Earl Keller]. – М.: Posev, 2007. – 1142 s.
16. *Prikazy po armijam Jugo-Zapadnogo fronta za 1914 god* [Orders for the armies of the South-Western Front for 1914]. – B.M., 1915.

17. *Priказы po Osoboj armii za 1916 god* [Orders for Special army for 1916]. – B.M., 1917.
18. *Pravila avstro-vingerskogo ministerstva o polozenii voennoplennyh na rabotah v Avstrii* [The rule of the Austro-Hungarian Ministry on the situation of prisoners at work in Austria]. – Pg., 1917. – 51 s.
19. *Gosudarstvennyj arhiv Tul'skoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tula region]. F. 1300. Op. 1. D. 746.
20. *Pis'ma s vojny 1914–1917* [Letters from the war] / sostavlenie, kommentarii i vstupitel'naja stat'ja A.B. Astashova i P.A. Simmonsa. – M., 2015. – 794 s.
21. *Kataev V.P. Suhoj liman: Povesti* [Sukhyi Lyman: the story]. – M.: Sovetskij pisatel', 1986. – 427 s.
22. *RGVIA*. F. 2032. Op. 1. D. 232.
23. *RGVIA*. F. 2009. Op. 1. D. 22.
24. *RGVIA*. F. 2086. Op. 1. D. 17.
25. *GATO*. F. 1130. Op. 1. D. 18.
26. *RGVIA*. F. 2003. Op. 2. D. 283.
27. *Danilov Ju.N. Na puti k krusheniju* [On the way to the collapse]. – M.: XXI vek. Soglasie, 2000. – 394 s.
28. *Istorija grazhdanskoj vojny v SSSR* [History of the civil war in USSR]. – M.: Gosizdat, 1936. T. 1. – 578 s.
29. *RGVIA*. F. 2072. Op. 1. D. 150.
30. *Lezin M. Vospominanija rjadovogo* [Memories of private soldier]. – Gor'kij: Gor'kovskoe knizhnoe izdatel'-stvo, 1958. – 174 s.
31. *Montanari M. Golod i izobilie. Istorija pitanija v Evrope* [Hunger and abundance. The history of food in Europe]. – SPb.: Al-exandria, 2009. – 274 s.
32. *Veshhikov P.I. Voennoe hozjajstvo – Tyl Vooruzhennyh Sil Rossii (XVIII–XX vv.)* [War economy – The rear of the armed forces of Russia (XVIII–XX century)]. – M.: IVI MO RF, 2003. – 460 s.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(47):359"1919"

ГРНТИ 03.23.55: История России новейшего времени (с XX в.)

В.В. Каминский

Они создавали Красную армию: Генерального штаба генерал-майор Ф.Ф. Новицкий – реальный организатор побед Красной армии на Восточном фронте 1919 г.

Генштаба генерал-майор «старой армии» Ф.Ф. Новицкий вполне может быть назван «баловнем судьбы». Имея уже в «добольшевистской» армии на исход 1917 г. солидный командный опыт, он сделал серьезную карьеру и в РККА. Весной-летом 1919 г., по сути являясь реальным командующим 4-й армией «красного» Восточного фронта и Южной группы войск того же фронта, Федор Новицкий внес существенный вклад в разгром Колчака и уральских белоказаков, а на исходе 1920 г. – в разгром войск барона П.Н. Врангеля в Крыму.

Пребывая на активной военной службе в Красной армии и в 1920-е гг., Федор Федорович отделался «легким испугом» во время т.н. «дела Весна» (1930–1931 гг.), когда, отсидев в тюрьме 1 год, он не только был освобожден досрочно, но и вернулся к военно-преподавательской работе. «Большие чистки» 1937–1938 гг., казалось бы, сокрушившие командный состав РККА, вообще обошли Ф. Новицкого стороной: на этот момент он благополучно состоял для особо важных поручений при начальнике Военно-воздушных сил РККА. Затем, оказавшись на какое-то время в отставке, Ф.Ф. Новицкий в 1943–1944 гг. занял должность преподавателя кафедры военной истории при Академии Генштаба. Федор Федорович Новицкий дослужился в РККА до весьма высокого чина – генерал-лейтенанта авиации.

Между тем, в официальной советской, да и в постсоветской историографии имя Генерального штаба генерал-майора Ф.Ф. Новицкого до сих пор стояло позади имени М.В. Фрунзе. Объяснение этому факту лежит на поверхности: Михаил Васильевич Фрунзе, никогда и нигде военному делу не обучавшийся, состоял в партии большевиков с 1904 г., а вот Генштаба генерал-майор Федор Федорович Новицкий членом этой правящей партии никогда не был.

Ключевые слова: армия, Генштаба, «красные», фронт, командующий.

V.V. Kaminsky

They created the Red Army: major-General of General staff F.F. Novitsky, the real organizer of the victories of the Red Army on the Eastern front in 1919

The General Staff Major-General of the "old army" F. F. Novitsky may well be called a "darling of fate". Having already a solid command experience in the "pre-Bolshevik" army on the outcome of 1917, he made a serious career in the Red Army. In

the spring and summer of 1919, in fact being the real commander of the Fourth Army of the "red" Eastern Front and the Southern Group of Forces of the same front, Fyodor Novitsky made a significant contribution to the defeat of Kolchak and the Ural White Cossacks, and at the end of 1920 – troops of Baron P. N. Wrangel in the Crimea.

Staying on active military service in the Red Army and in the 1920s, Fyodor Fyodorovich got off with a "slight fright" during the so-called "The affairs of Vesna" (1930–1931 gg.): having served a year in jail, he was not only released early, but also returned to military teaching work. "Great purges" of 1937-1938, seemingly crushing the command of the Red Army, generally bypassed F. Novitsky side: at this point, he safely was for particularly important assignments with the chief of the Air Force of the Red Army. Then, after being retired for some time, F. F. Novitsky in 1943–1944. took the post of lecturer at the military history department of the Academy of the General Staff. Fedor Fedorovich Novitsky rose to the Red Army a very high rank - Lieutenant General of Aviation.

Meanwhile, in the official Soviet, and in post-Soviet historiography, the name of the General Staff of Major-General FF Novitsky was still behind the name of M. V. Frunze. The explanation for this fact lies on the surface: Mikhail Vasilievich Frunze, who never studied military affairs anywhere, has been a member of the Bolshevik party since 1904 – in the same party that, from November 1917 and during 1930–1940, was invariably found in Russia in power. But the General Staff Major-General Fyodor Fyodorovich Novitsky was never a member of this ruling party.

Key words: army, General Staff, "red", front, commander.

На заре 2000-х гг. пишущему эти строки довелось опубликовать материал, посвященный расколу в семьях русских «генштабистов»¹ в дни «русской смуты» 1917–1920 гг., когда родные братья оказывались по разные стороны баррикад [1, с. 115–126]. Однако следует признать, что наличие такого раскола – лишь одна сторона медали. Другой ее стороной является т.н. «семейный подряд», когда в рядах армии одной и той же «окраски» периода гражданского конфликта начала прошлого столетия служили целые семьи русских «генштабистов». Так, в Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – РККА) служили братья Александр и Иван Бармины, Владимир и Константин Берендс, Евгений и Николай Берман, Александр и Сергей Верховские, Александр и Борис Геруа, Никодим и Павел Жданко и целый ряд других, равно как и отец, и сын Пневские, Подгурские, Радкевичи, Руссет, Шуваевы, Юзвюк².

Василий и Федор Новицкие также являются неотъемлемой частью того же самого «семейного подряда». Причем, о Генштаба генерал-лейтенанте Василии Федоровиче Новицком, крупном военном историке, профессоре Академии Генерального штаба (далее – АГШ) уже написана достаточно содержательная академическая статья. Ее автором является крупнейший военный историк XX в. А.Г. Кавтарадзе – основатель нашей темы «служебных биографий выпускников АГШ,

---

¹ Так в Красной армии 1918–1920 гг. называли выпускников и курсантов Николаевской академии Генерального штаба.

² Биографии всех этих персон будут подробно представлены в справочнике автора настоящей статьи.

находившихся на службе в Красной Армии» [2, с. 635–643]. Потому на страницах настоящей статьи наше внимание будет уделено младшему из братьев Новицких – Федору¹.

Федор Федорович Новицкий родился 2 августа 1870 г. в г. Опатов (Опатов) (Радомской губ. Польша) [3. Д. 193042; 4] в дворянской семье (его отец был кадровым офицером) [3. Д. 193044, 193045; 4]. Начальное военное образование Федор Новицкий получил в Полоцком кадетском корпусе.

1 сентября 1887 г. юноша поступил на военную службу, став юнкером 1-го Павловского военного училища, которое окончил в 1889 г. и был выпущен из него подпоручиком в 40-й пех. Колыванский полк; с 9 августа 1892 г. – поручик [5, с. 95; 6, с. 282].

В 1895 г. главный герой нашей статьи окончил самое престижное военно-учебное заведение Российской империи – Николаевскую академию Генерального штаба – полный курс по 1-му разряду с последующим причислением к Генштабу [6, с. 282; 7, с. 52; 8. Л. 75; 9. Л. 52; 10. Л. 356 об.; 11. Л. 3; 12, с. 161]. По окончании Академии – штабс-капитан (ст. 20 мая 1895 г.); капитан (ст. 15 апреля 1897 г.). Как и положено молодому выпускнику Академии, Федор Федорович в период с 6 ноября 1897 г. по 6 ноября 1898 г. отбывал цензовое командование ротой в 200-м пех. рез. Александро-Невском полку (1 год), а в период с 4 мая до 8 сентября 1901 г. – цензовое командование батальоном в 29-м пех. Черниговском полку (4 мес.) [5, с. 95; 6, с. 282]; 25 августа – 27 сентября 1907 г. был прикомандирован к кавалерии, а 15 мая – 15 июля 1908 г. – к артиллерии [6, с. 282].

Одновременно, сразу по окончании АГШ (1895) Ф. Новицкий приступил и к службе по Генштабу: занимал различные штабные должности в Варшавском военном округе; 11 ноября 1896 г. – 1 апреля 1901 г. – ст. адъютант штаба 8-й пех. дивизии (4 года 5 мес.); 1 апреля 1901 г. – 14 октября 1903 г. – начальник строевого отдела штаба Брест-Литовской крепости (2 года 6 мес.); 14 октября 1903 г. – 27 июля 1910 г. – начштаба 8-й пех. дивизии (6 лет 9 мес.) [6, с. 282, 5, с. 95; 12, с. 161; 13, с. 469]; подполковник (ст. 1 апреля 1901 г.) [5, с. 95; 6, с. 282]. В 1905 г. Федор Федорович был произведен в полковники (за отличия по службе) [5, с. 95]; на 1 января 1909 г. – начштаба 8-й пех. дивизии (г. Пултуск), полковник [14, с. 212].

С 27 июля 1910 г. на 15–18 июля 1914 г. Ф. Новицкий являлся командиром 21-го пех. Муромского полка [5, с. 95; 6, с. 282], во главе которого в составе 6-й пех. дивизии он вступил в Первую мировую войну. В августе 1914 г. в период похода в Восточную Пруссию Ф. Новицкий

---

¹ А был еще и старший – Евгений Федорович Новицкий (1867 г. р.), также выпускник АГШ (1892), во время гражданского конфликта в России служивший в «белой» армии А.И. Деникина [4].

командовал 1-й бригадой 8-й пех. дивизии [4]; 2 октября 1914 г. – 25 апреля 1917 г. – начштаба 1-го арм. корпуса (2 года 6 мес.), генерал-майор [4; 12, с. 161]¹; командующий 22-й пех. дивизией (2 мес.); с 25 апреля 1917 г. – начальник 82-й пех. дивизии (7 мес.). В декабре 1917 г. Федор Новицкий был избран командиром 43-го арм. корпуса [12, с. 161; 13, с. 470; 4]. Последней должностью Ф.Ф. Новицкого в «добольшевицкой» армии было командование 43-м арм. корпусом [8. Л. 75; 12, с. 161]², а последний чин: генерал-майор [8. Л. 75; 15. Л. 70 об.; 16. Л. 2 об.; 9. Л. 52; 17. Л. 29; 10. Л. 356 об.; 11. Л. 3; 12, с. 161].

Здесь надобно отметить одну существенную деталь в служебной занятости Ф.Ф. Новицкого: он был строевым офицером (т. е. возглавлял преимущественно не штабы войсковых частей и соединений, но сами эти части и соединения), на чем сделал вполне приличную карьеру. Как мы показали выше, Федор Федорович Новицкий за 7 лет (1910–1917) прошел путь от командира пехотного полка до командира стрелкового корпуса.

Руководством бывшей 12-й армией РИА, докладывавшим 20 марта 1918 г. Верховной демобилизационной комиссии, созданной уже при большевиках, о состоянии комсостава армии, Федор Новицкий характеризовался как «выдающийся офицер, могущий быть назначенным на соответствующую должность в строю или по Генштабу» [8. Л. 75].

28 марта 1918 г. произошел переход Генштаба генерал-майора Ф.Ф. Новицкого на службу в РККА [3. Д. 193042, 193043] и состоялся таковой вполне безболезненно, как и у многих десятков его коллег по старому Генштабу. Таким образом, герой нашей статьи вполне может быть зачислен в ту группу русских «генштабистов» (всего их было, по крайней мере, 318 чел.), кто начал служить большевистскому режиму еще до 12 апреля 1918 г. – срока начала официальной политики ведомства Л.Д. Троцкого по привлечению «генштабистов» на службу в РККА [18, с. 24, 76–77, 84, 89, 109, 360, 419, 433–468]³.

Достаточно скоро Федор Федорович был привлечен большевистским военным ведомством к активной военной службе, причем именно

---

¹ По другим данным: в последней должности состоял до 1916 г. [13, с. 469–470].

² По другим данным: командир 82-й пех. дивизии [15. Л. 70 об.; 16. Л. 2 об.].

³ Последние, в т. ч. и архивные изыскания автора заставили его пересмотреть указанную здесь цифру и добавить к тем 318 персонам Генштаба, кто служил большевикам уже до 12 апреля 1918 г., еще несколько десятков человек, прежде всего – курсантов АГШ. Более точная общая цифра будет представлена позднее.

по строевой части¹: с 1 июня до 1 августа 1918 г. он являлся военруком Калужского отряда и начальником Калужской дивизии Московского района Западного участка отрядов Завесы (ЗУОЗ) [19. Л. 32, 45, 54 об., 82 об., 152; 20. Л. 357 об., 360; 15. Л. 70 об.; 16. Л. 2 об.; 12, с. 161; 18, с. 165]²; 28 июля – не позднее 4 августа 1918 г. Федор Новицкий вступил в должность военрука Ярославского военного округа (далее – ЯВО) [21. Л. 45; 22. Л. 196, 233, 294 об., 313], в которой состоял в течение пяти месяцев, том числе и на 28 ноября 1918 г. [12, с. 161; 9. Л. 52].

К периоду службы Федора Федоровича в ЯВО относится, кроме прочего, его знакомство с видным военно-партийным деятелем большевистского режима – М.В. Фрунзе, членом РСДРП (б) с 1904 г. [23, с. 1438]. Следует отметить, что взаимоотношения между военруком ЯВО Ф. Новицким и окружным комиссаром М.В. Фрунзе (последний занял эту должность 7 августа 1918 г.) сложились настолько благоприятно, что «генштабист» Ф. Новицкий позднее даже ходатайствовал перед большевистским военным руководством о назначении не имеющего военного образования Фрунзе «на крупный командный пост»! Самое интересное, что Ф. Новицкому удалось этого добиться: 26 декабря 1918 г. приказом РВСР № 470/64 М. Фрунзе был назначен командующим 4-й армией «красного» Восточного фронта, а начальником штаба той же армии стал «генштабист» Ф. Новицкий [24. Л. 312; 25, с. 164–167]. Но вернемся пока что к лету 1918 г.

Перед военруком ЯВО и его комиссаром стояла тогда весьма непростая задача – создание органов «местного» военного управления и обеспечение их эффективного функционирования, прежде всего по мобилизации (далее – мобработка). Представить себе всю степень сложности мобработки на «местах» поможет свидетельство того же Ф. Новицкого, военрука ЯВО, осуществлявшего указанную работу на территории округа вместе со своим штабом с августа и до конца 1918 г. [21. Л. 45; 22. Л. 196, 233; 9. Л. 52]. Ф. Новицкий отмечал, что «управление военным округом (ЯВО – *В.К.*) сосредотачивало в себе решительно все функции военного управления и мирного и военного времени. Но наиболее сложным вопросом явился вопрос мобилизации» [25, с. 164]. И далее: «Вновь сформированные органы местного

---

¹ И этот момент лишней раз доказывает наличие в арсенале главы военного ведомства большевиков Л.Д. Троцкого политики жесткого прагматизма по отношению к «лицам Генштаба», лейтмотивом коей было стремление ставить того или иного «генштабиста» на такую должность, где бы он мог принести максимальную пользу для армии нового режима. Ранее мы не раз писали об этом явлении [Подробнее см., например: 18, с. 8, 9, 12, 26, 27, 108–136, 144, 145, 146–150, 174–187 и др.].

² Завеса – оперативное объединение Красной Армии в 1918 г., которое послужило основой для развертывания ряда армий и фронтов [23, с. 442].

военного управления должны были в кратчайший срок совершенно заново выполнять все то, что в прежнее время являлось результатом длительной предварительной работы военных специалистов. Деятельность эта особенно осложнялась тем, что одни и те же органы и лица были ответственны как за формирование новых боевых частей столь крупного масштаба, как дивизии, так и за высылку многочисленных укомплектований в те части Красной армии, которые уже дрались на боевых фронтах». Как следует из дальнейшего изложения Ф. Новицкого, эти же «лица» должны были решать «... все вопросы, связанные с учетом людей, лошадей, повозок, запасов материального снабжения, сбором всего этого по специальным нарядам, перевозками, размещением, обучением, формированием...»; все эти вопросы «... являлись чрезвычайно сложными в условиях тогдашней обстановки...» [25, с. 165]. По словам крупнейшего военного теоретика XX в. А.А. Свечина это была кропотливая работа «... людей, которые могут высчитать потребность армии до мельчайшей пуговицы...» [26, с. 220].

Тем не менее штабу ЯВО, а прежде всего Генштаба генерал-майору Ф.Ф. Новицкому, удалось добиться на поприще военного строительства серьезных успехов. Только в октябре-ноябре 1918 г. на территории округа уже шло формирование трех стрелковых бригад и одной стрелковой дивизии и при них шести запасных пехотных батальонов для подготовки пополнений. А в системе окружного всеобщего военного обучения (Всевобуч) за это же время было подготовлено более 77 тыс. чел. [27, с. 681]. К весне 1919 г. в той же системе обучалось уже 150 654 чел. (т. е. почти вдвое больше!) [28, с. 48].

Успешная работа на окружном уровне сказалась на дальнейшей карьере «генштабиста» Ф. Новицкого самым благоприятным образом: секретным приказом РВСР за № 470/64 от 26 декабря 1918 г. он был назначен сразу на две должности: начальником штаба 4-й армии Восточного фронта и помощником командующего этой же армии – все того же М.В. Фрунзе [24. Л. 312; 17. Л. 29; 12, с. 161, 240]. Соответственно, тем же приказом «военный самоучка» М.В. Фрунзе был назначен *формально* на должность командующего 4-й армией [24. Л. 312].

Прежде чем говорить о реальной роли этих двух персон в деле обеспечения руководства таким сложнейшим аппаратом военной машины, как армия, тем более находящаяся в условиях ведения боевых действий, скажем несколько слов о самой 4-й армии «красного» Восточного фронта и ее роли в обеспечении победы РККА над Колчаком весной-летом 1919 г.

4-я армия «красного» Восточного фронта была создана постановлением фронтового РВС от 20 июня 1918 г. из отрядов, сражавшихся на саратовско-уральском направлении под наименованием Особой армии; с 20 июля 1918 г. – 4-я армия. С 5 марта до 14 августа 1919 г. 4-я армия находилась в составе Южной группы Восточного фронта

(последняя была образована 5 марта 1919 г.¹), а с 15 августа 1919 г. до 18 апреля 1920 г. – в составе Туркестанского фронта [27, с. 116, 654]. «Вклад» 4-й армии в победоносные операции большевистского Восточного фронта 1918–1919 гг. трудно переоценить: уже летом 1918 г. она вела боевые действия против войск Кому² в Заволжье, а в августе того же года – оборонительные бои в районе городов Вольска и Хвалынска; участвовала в наступлении фронта осенью 1918 – зимой 1919 гг., в частности, захватывала Самару; в ноябре 1918 г. действовала против казачьей Уральской армии «белых» и освободила Уральск (январь 1919 г.). Бугурусланская, Белебейская и Уфимская операции (весна 1919 г.), активным участником которых являлась 4-я армия, были проведены на высоком профессиональном уровне и закончились тяжелым поражением противника. Успешно закончилась последующая борьба 4-й армии по снятию блокады с Уральска (весна – июль 1919 г.). Наконец, именно Южная группа Восточного фронта, одной из важнейших частей которой являлась 4-я армия, летом 1919 г. «...прикрывала оренбургское и уральское направления и обеспечивала наступление главных сил» Восточного фронта «красных» [27, с. 116, 281, 378, 405, 654, 676].

Кто же реально обеспечивал осуществление столь блестящей боевой деятельности 4-й армии и Южной группы Восточного фронта РККА осенью 1918 – летом 1919 гг.?

Анализ списка командармов-4³ за период с середины июля 1918 г. до середины августа 1919 г. показывает, что из 17 чел., командовавших 4-й армией на разных этапах указанного периода, «генштабистов» было всего трое: генерал-майоры А.А. Балтийский и Ф.Ф. Новицкий и подполковник В.С. Лазаревич. Однако здесь следует иметь в виду, что именно Федор Федорович Новицкий должность командующего 4-й армией реально исполнял как раз в период решающих сражений с Колчаком: с 25 февраля до 15 августа 1919 г., являясь официально помощником командарма-4⁴, а также, по крайней мере, на середину лета 1919 г. – врид. командующего южной группой Востфронта [17. Л. 29]. Далее на 15 ноября 1919 г. Федор Новицкий состоял в распоряжении командующего Туркестанским фронтом (3 мес.) [10. Л. 356 об.;

---

¹ Южная группа «красного» Востфронта была создана Директивой фронтального РВС от 5 марта 1919 г. с задачей отвоевания Урала у Колчака и последующего наступления на Туркестан. В связи с наступлением войск Колчака в марте 1919 г. и отступлением Востфронта РККА, на Южную группу была возложена задача разгрома армий Колчака [27, с. 116, 676].

² Кому² – Комитет членов Учредительного собрания.

³ Командарм-4 – командующий 4-й армией.

⁴ Подсчитано автором по следующим материалам: [9. Л. 45 об., 50; 12, с. 17, 127, 161; 27, с. 654].

12, с. 161], и наконец в течение одного года он же являлся заместителем командующего того же фронта [12, с. 161].

Очевидец и участник событий А. Федоров вспоминал, что на конец октября 1919 г. «начальником штаба и заместителем командующего фронтом (Туркестанским – В.К.) был Ф.Ф. Новицкий. Новицкий часто выезжал с Фрунзе в войска. В штабе видели его редко» [29, с. 239].

Какова же была реальная роль двух этих людей в руководстве войсками 4-й армии и Южной группы Восточного фронта в 1919 г.? Если верить традиционной советской историографии, Фрунзе состоял в должности командарма-4 до 4 мая 1919 г., и одновременно он же с 5 марта до 18 июля 1919 г. якобы являлся командующим Южной группы Востфронта [27, с. 654, 676]. Фрунзе и досталась вся «слава» победителя Колчака в боях весны-лета 1919 г. [30, с. 59, 63; 31, с. 28, 153; 32, с. 140; 33, с. 157; 34, с. 316, 323, 521].

Проблема, однако, состоит в том, чтобы выяснить, насколько оправданным стало подобное распределение «славы»? Любопытно, что военный историк-эмигрант А.А. Зайцов, который вряд ли питал какие-то симпатии к тем своим братьям по alma mater, кто служил режиму Ленина и Троцкого, отвечает на поставленный здесь вопрос совершенно недвусмысленно и явно в пользу Ф. Новицкого: «Советская военная история превозносит сейчас стратегию Фрунзе и считает высоким образцом его апрельскую (1919) операцию на Урале. Но дело это обстояло несколько иначе. При нем начальником штаба состоял в то время генерал Новицкий, бывший профессор Военной академии и, несомненно, что все стратегическое руководство лежало именно на этом последнем» [35, с. 229]¹.

Анализ сроков замещения высших командных и штабных должностей как в штабе 4-й армии, так и в штабе Южной группы войск «красного» Восточного фронта заставляет серьезно усомниться в правомочности именовать М.В. Фрунзе «победителем Колчака». По крайней мере, он непременно должен был поделиться своей славой в этом деле с целой группой «лиц Генштаба», прежде всего с Ф.Ф. Новицким, а также с А.А. Балтийским, А.К. Климовичем и В.С. Лазаревичем. Попробуем теперь разъяснить выдвинутое положение.

Во-первых, в энциклопедии Гражданской войны (издана в 1983 г.) срок замещения М. Фрунзе должности командующего 4-й армией (31 января – 4 мая 1919 г.), по крайней мере, частично является составной частью того срока, в течение которого в той же должности пребывал Ф. Новицкий (25 февраля – 15 августа 1919 г.) [27, с. 654].

---

¹ Правда, сам А. Зайцов здесь путает Федора Новицкого с его родным братом Василием, который действительно был профессором АГШ, видимо, с 1911 г. [36. Л. 6 об., 51 об.; 37. Л. 27 об., 167 об.; 3. Д. 192959; 2, с. 636].

Такая «накладка» вовсе не случайна. Хотя Ф. Новицкий *официально* с 26 декабря 1918 г. был назначен только на должность начальника штаба 4-й армии, на самом деле *реально* он являлся (видимо с 25 февраля 1919 г.) одновременно и помощником официального командующего 4-й армией (т. е. – Фрунзе). **Именно Генштаба генерал-майор Ф.Ф. Новицкий, а не «самоучка» М. Фрунзе был реальным командующим 4-й армией «красных» весной – летом 1919 г.**

Во-вторых, в течение всего того периода, когда Фрунзе занимал должность командующего войсками Южной группы «красного» Восточного фронта (с 5 марта до 13 июля 1919 г.), в должности его помощника состоял тот же Ф. Новицкий. Мало того, с 1/19 июля до 14 августа 1919 г. Ф. Новицкий уже сам занимал должность командующего войсками указанной группы [17. Л. 29; 12, с. 161; 27, с. 394].

Причем серьезные сомнения вызывает факт замещения Фрунзе должности командующего войсками Южной группы уже в июне 1919 г., поскольку именно с этого месяца в той же должности состоял Генштаба генерал-майор А.К. Климович [3. Д. 116764, 116765].

Справедливости ради надо признать, что позднее, в 1920-е гг. Советская республика оценила военные усилия Ф. Новицкого периода Гражданской войны 1918–1920 гг. по заслугам, и в 1928 г. он был награжден орденом Красного Знамени – как раз за бои 1919 г. против уральских белоказаков [27, с. 394–395]. Здесь же следует отметить, что на середину 1920-х гг. Ф. Новицкий был беспартийным [3. Д. 193042, 193043] и, по всей вероятности, оставался таковым на протяжении всей своей жизни¹.

И этот факт никоим образом не повредил его служебной карьере в РККА. После руководства Туркестанским фронтом Ф. Новицкий с августа 1920 г. занял должность военного эксперта при советской военной делегации на мирных переговорах с Польшей [27, с. 395].

По некоторым данным, именно Ф. Новицкий являлся одним из главных авторов плана штурма Перекопа и разгрома войск барона П.Н. Врангеля в ноябре 1920 г. [13, с. 470]². На 12 апреля 1921 г. Федор Федорович состоял в распоряжении начальника Штаба РККА [11. Л. 3], и в этой должности находился в течение 10 мес. С 1 сентября 1921 г. по 1 марта 1923 г. он начштаба Рабоче-крестьянского Красного воздушного флота (РККВФ) [12, с. 161; 36, с. 103]. Затем преподаватель Академии военно-воздушных сил (ВВА); в 1923–1930 гг. – начальник факультета Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского (та же ВВА) [4].

---

¹ По крайней мере, ни в одном из изученных нами документов, относящихся к службе Ф. Новицкого в РККА, факт его партийности не упоминается.

² А. Лихотворик в данном случае представляется более осторожным, указывая, что Ф. Новицкий «принимал деятельное участие в разработке плана взятия Перекопа и разгрома Врангеля» [4].

20 июня 1930 г. Ф.Ф. Новицкий был арестован по делу «Весна», но 18 июля 1931 г. освобожден до окончания следствия. Вернулся на преподавательскую работу [13, с. 255, 470]. С 1933 г. – начальник ВВА [4]. Приказом НКО СССР за № 2492 от 29 ноября 1935 г. Ф. Новицкому было присвоено персональное воинское звание «комдив» [39]. В 1933–1938 гг. он состоял для особо важных поручений при начальнике Военно-воздушных сил (ВВС) РККА, затем – в отставке. В 1943–1944 гг. – преподаватель кафедры военной истории при Академии Генштаба. С 1943 г. – генерал-лейтенант авиации.

Генерал-лейтенант советской авиации Федор Федорович Новицкий скончался в Москве 6 апреля 1944 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище (участок 4, ряд 5, № 13) [4]. О его личной жизни известно до обидного мало: на 18 июля 1914 г. он был женат и имел троих детей [6, с. 282].

Подведем некоторые итоги нашему биографическому очерку. Генштаба генерал-майор «старой армии» Ф.Ф. Новицкий вполне может быть назван «баловнем судьбы». Имея уже в «добольшевистской» армии на исход 1917 г. солидный командный опыт, он сделал серьезную карьеру и в РККА. Весной-летом 1919 г., по сути являясь реальным командующим 4-й армией «красного» Восточного фронта и Южной группы войск того же фронта, Федор Федорович внес существенный вклад в разгром войск адмирала А.В. Колчака и уральских белоказаков. И он же на исходе 1920 г. существенным образом способствовал разгрому войск барона П.Н. Врангеля в Крыму.

Военно-административные успехи Федора Федоровича Новицкого во время Гражданской войны начала прошлого столетия возвели его к началу 1920-х гг. в статус бесспорного фаворита одного из крупнейших военно-политических руководителей советского режима – М.В. Фрунзе.

Федор Федорович оставался востребованным на активной военной службе «красных» и после окончания Гражданской войны 1918–1920 гг., что является весьма показательным моментом, учитывая факт резкого сокращения численности самой РККА и ее комсостава к середине 1920-х гг.¹ Наш герой отделался «легким испугом» во время т. н. «дела Весна» (1930–1931 гг.), когда, отсидев в тюрьме один год, он не только был освобожден досрочно, но и вернулся к военно-преподавательской работе.

«Большие чистки» 1937–1938 гг., казалось бы, сокрушившие командный состав РККА, вообще обошли Ф. Новицкого стороной: на этот момент он благополучно пребывал в должности для особо важных поручений при начальнике ВВС РККА. Затем, оказавшись на какое-то

---

¹ С 3 млн чел., каковой была численность РККА к началу 1920 г., она к 1 апреля 1924 г. сократилась почти в 5,6 раз, составив 537 514 [см. последовательно: 40, р. 183; 41, с. 70, 265].

время в отставке, Ф.Ф. Новицкий в 1943–1944 гг. занял должность преподавателя кафедры военной истории при Академии Генштаба – традиционно самого престижного военно-учебного заведения как Российской империи, так и Страны Советов. Федор Федорович Новицкий дослужился в РККА до весьма высокого воинского чина – генерал-лейтенанта авиации.

Вполне благополучная судьба одного из очевидных создателей РККА Ф.Ф. Новицкого показывает, что проблема «больших чисток» в армии отнюдь не так проста, как она может показаться нам на первый взгляд. Прежде всего потому, что на десятки репрессированных представителей комсостава РККА (речь идет только о тех, кто на исход 1917 г. имел офицерский чин выше прапорщика) приходится целый ряд аналогичных персон, кого репрессии не задели никоим образом. Федор Федорович Новицкий – тому наглядный пример.

И еще один существенный штрих к биографии нашего героя, точнее к ее исторической востребованности. В официальной советской, да и постсоветской, историографии имя Генерального штаба генерал-майора Ф.Ф. Новицкого неизменно стояло позади имени М.В. Фрунзе. Объяснение этому факту лежит на поверхности: Михаил Васильевич Фрунзе, никогда и нигде военному делу не обучавшийся, состоял в партии большевиков с 1904 г. [23, с. 1438]. А вот Генштаба генерал-майор Федор Федорович Новицкий членом правящей тогда в стране партии не был.

Список литературы

1. Каминский В.В. Брат против брата: офицеры-генштабисты в 1917–1920 гг. // Вопросы истории. – 2003. – № 11.
2. Кавтарадзе А.Г. Крупный военный историк В.Ф. Новицкий // Первая мировая война. Пролог XX века. – М.: Наука, 1998.
3. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 40895. Оп. 1.
4. Картотека *Лихотворика* А.А. Новицкий Федор Федорович. – URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=70>
5. Список полковникам по старшинству, сост. по 1 марта 1914 г. с указанием главнейших перемен по прибыли и убыли полковников, происшедшие за время печатания списка с 1 марта по 15 июля 1914 г. – Петроград, 1914.
6. Список Генерального штаба, исправлен по 1 июня 1914 г. с приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г. – Петроград, 1914 г.
7. Список Генерального Штаба (исправлен по 3-е января с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). – Петроград, 1917.
8. РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51.
9. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97.
10. РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191.
11. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 8.
12. Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (составлен по данным к 1 марта 1923 г.). – [М., 1923].

13. Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 гг. – М.: МОНФ, 2000.
14. Общий Список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Составлен по 1 января 1909 г. – СПб.: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1909.
15. РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96.
16. РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 447.
17. РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609.
18. Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. – СПб.: Алетейя, 2011.
19. РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36.
20. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122.
21. РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42.
22. РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57.
23. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. Прохоров А.М. – М.: Советская энциклопедия, 1994.
24. РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11.
25. Новицкий Ф.Ф. Против Колчака и на путях к Туркестану (1918–1920 гг.) // Гражданская война 1918–1921 гг.: в 3 т. / под ред. А.С. Бубнова. Т. 1. – М., 1928. – С. 164–189.
26. Свечин А.А. Вопрос о Генштабе // Российский военный сборник. – 1999. – Вып. 15.
27. Гражданская война и военная интервенция. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
28. Кубланов А.Л. Совет Рабочей и Крестьянской Обороны. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1975.
29. Федоров А.Ф. Октябрьские зори. – М.: Воениздат, 1962.
30. Erickson J. Soviet High Command (A Military-Political History 1918–1941). – London, 1962.
31. Footman D. Civil War in Russia. – Connecticut, 1961.
32. Mawdsley E. The Russian Civil War. – Boston, 1987.
33. Pipes R. Russia under the Bolshevik regime 1919–1924. – London, 1995.
34. Smele J. D. Civil War in Siberia (The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1918–1920). – Cambridge University Press, 1996.
35. Зайцов А. А. Шестнадцать лет РККА // Российский военный сборник. – Вып. 16. – М., 1999.
36. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 88.
37. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 89.
38. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1923 год. – М., 1923.
39. Список присвоения высших офицерских званий Армии, Флота и НКВД 1935–1942 гг. // Энциклопедия РККА. – URL: <http://www.rkka.ru/ihandbook.htm>
40. Figes O. The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War 1918–1920 // Past & Present. – 1990. – № 129.
41. Реформа в Красной Армии. Документы и материалы 1923–1928 гг. – Кн. 1. – М., СПб.: Летний сад, 2006.

References

1. Kaminskij V.V. *Brat protiv brata: oficery-genshtabisty v 1917–1920 gg.* [Brother against brother: the officers, staff in 1917–1920] // *Voprosy istorii* [Questions of history] – 2003. – № 11.

2. *Kavtaradze A.G. Krupnyj voennyj istorik V.F. Novickij* [A major military historian V. F. Novitskiy] // *Pervaya Mirovaya vojna. Prolog XX veka* [First World war. The prologue of the twentieth century]. – M.: Nauka, 1998.

3. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (dalee – RGVA)* [Russian state military archive (hereafter RGVA)]. F. 40895. Op. 1.

4. *Kartoteka Lihotvorika A.A. Novickij Fedor Fedorovich* [Card Index Of Latveria A.A. Novitskii, Fedor Fedorovich]. – URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=70>

5. *Spisok polkovnikam po starshinstvu, sost. po 1 marta 1914 g. s ukazaniem glavnejshih peremen po pribyli i ubyli polkovnikov, proissshedshie za vremya pechataniya spiska s 1 marta po 15 iyulya 1914 g.* [The list of colonels by seniority, comp. on March 1, 1914, indicating major changes on profit and loss of the colonels that occurred during the printing of the list from March 1 to July 15, 1914]. – Petrograd, 1914.

6. *Spisok General'nogo SHtaba, ispravlen po 1 iyunya 1914 g. s prilozheniem izmenenij, ob'yavlenykh v Vysochajshih prikazah po 18 iyulya 1914 g.* [A list of the General Staff, fixed June 1, 1914, with the application of the changes announced in the Higher orders on 18 July 1914]. – Petrograd, 1914 g.

7. *Spisok General'nogo SHtaba (ispravlen po 3-e yanvarya s prilozheniem izmenenij po 8 fevralya 1917 g.)* [A list of the General Staff (fixed on the 3rd of January with app of the changes on February 8, 1917)]. – Petrograd, 1917.

8. RGVA. F. 3. Op. 1. D. 51.

9. RGVA. F. 11. Op. 5. D. 97.

10. RGVA. F. 185. Op. 3. D. 1191.

11. RGVA. F. 7. Op. 2. D. 8.

12. *Spisok lic s vysshim obshchim voennym obrazovaniem, sostoyashchih na sluzhbe v Raboche-Krest'yanskoj Krasnoj Armii (sostavlen po dannym k 1 marta 1923 g.)* [The list of people with the highest General military education in the service in the worker-Peasant red Army (drawn up according to the March 1, 1923)]. – [M., 1923].

13. *Tinchenko YA. Golgofa russkogo oficerstva v SSSR 1930–1931 gg.* [Calvary of the Russian officers in the Soviet Union 1930-1931 gg.]. – M.: MONF, 2000.

14. *Obshchij Spisok oficerskim chinam Russkoj Imperatorskoj Armii. Sostavlen po 1 yanvarya 1909 g.* [General List officer ranks of the Russian Imperial Army. Compiled on January 1, 1909]. – SPb.: Voennaya Tipografiya (v zdanii Glavnogo SHtaba), 1909.

15. RGVA. F. 11. Op. 6. D. 96.

16. RGVA. F. 11. Op. 6. D. 447.

17. RGVA. F. 4. Op. 3. D. 1609.

18. *Kaminskij V.V. Vypuskniki Nikolaevskoj Akademii General'nogo SHtaba na sluzhbe v Krasnoj Armii* [The graduates of the Nicholas Academy of the General Staff serving in the red Army]. – SPb.: Aletejya, 2011.

19. RGVA. F. 3. Op. 1. D. 36.

20. RGVA. F. 11. Op. 5. D. 122.

21. RGVA. F. 3. Op. 1. D. 42.

22. RGVA. F. 3. Op. 1. D. 57.

23. *Bol'shoj EHnciklopedicheskij Slovar'. Glav. red. Prohorov A.M.* [Big Encyclopaedic Dictionary. Chapters. edited by Prokhorov, A. M.]. – M.: Sovetskaya EHnciklopediya, 1994.

24. RGVA. F. 3. Op. 1. D. 11.

25. *Novickij F.F. Protiv Kolchaka i na putyah k Turkestanu (1918–1920 gg.)* [Against Kolchak, and on the way to Turkestan (1918–1920)] // *Grazhdanskaya vojna 1918–1921 gg. v 3 tomah* [Civil war 1918-1921 In 3 volumes] / pod red. Bubnova A. S. – T. 1. – M., 1928. – S. 164–189.

26. *Svechin A.A. Vopros o Genshtabe* [The question of the General staff] // *Rossijskij voennyj sbornik* [of the Russian military collection]. – 1999. – Vyp. № 15.
27. *Grazhdanskaya vojna i voennaya intervenciya. EHnciklopediya* [Civil war and military intervention. Encyclopedia]. – M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1983.
28. *Kublanov A.L. Sovet Rabochej i Krest'yanskoj Oborony* [The Soviet of workers 'and peasants' Defense]. – L.: Izd-vo Len. un-ta, 1975.
29. *Fedorov A.F. Oktyabr'skie zori* [October dawns]. M.: Voenizdat, 1962.
30. Erickson J. *Soviet High Command (A Military-Political History 1918–1941)*. – London, 1962.
31. Footman D. *Civil War in Russia*. – Connecticut, 1961.
32. Mawdsley E. *The Russian Civil War*. – Boston, 1987.
33. Pipes R. *Russia under the Bolshevik regime 1919–1924*. – London, 1995.
34. Smele J. D. *Civil War in Siberia (The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1918–1920)*. – Cambridge University Press, 1996.
35. *Zajcov A.A. SHestnadcat' let RKKA* [Sixteen years of the red army] // *Rossijskij voennyj sbornik* [Russian military collection]. Vyp. 16. – M., 1999.
36. RGVA. F. 33892. Op. 1. D. 88.
37. RGVA. F. 33892. Op. 1. D. 89.
38. *Vsya Moskva. Adresnaya i spravocchnaya kniga na 1923 god* [The Whole Of Moscow. Address and reference book in 1923]. – M., 1923.
39. *Spisok prisvoeniya vysshih oficerskih zvanij Armii, Flota i NKVD 1935-1942 gg.* // *EHnciklopediya RKKA* [The list of assignment of senior officer ranks of the Army, Navy and NKVD 1935-1942. // encyclopedia of the red army]. – URL: <http://www.rkka.ru/ihandbook.htm>
40. Figs O. *The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War 1918–1920* // *Past & Present*. – 1990. – № 129.
41. *Reforma v Krasnoj Armii. Dokumenty i materialy 1923–1928 gg.* [Reform in the red Army. Documents and materials 1923-1928 gg.]. Kn. 1. – M., SPb.: Letnij sad, 2006.

ПУБЛИКАЦИИ МЕМУАРОВ

УДК 930.2(47+57):796.2

ГРНТИ 03.23.55: История России новейшего времени (с XX в.)

Л.А. Рамазанова

Дворовые игры нашего детства (воспоминания)

В статье автор дает описание типичных дворовых игр начала 1980-х гг., в которые играли не только дети, проживавшие на улице Рихарда Зорге города Уфы, но и всего необъятного Советского Союза. Детство – очень важный этап в жизни человека. Правила игр со сверстниками укрощали собственное эго, подчиняли коллективным интересам. Смена ролей ведущего и рядового игрока учила ответственности, эмпатии. Все психические процессы сопровождались двигательной активностью. Таким образом, в детстве во время игр мы испытывали немалую психическую и физическую нагрузку.

Анализ собственных личностных детских переживаний привел к выводу о том, что детство – это преходящее специфическое состояние человека, познающего через коллективную игру социокультурные законы, способы взаимодействия материального мира. Процесс социализации сопровождается постепенной утратой непосредственного восприятия объективной реальности.

Ключевые слова: детство, игра, социализация, двор, воспоминания, коллективный, советский.

L.A. Ramazanova

Yard games of our childhood (memories)

In the article the author gives a description of the typical courtyard games of the early 1980s, played not only by children living on the street of Richard Sorge of Ufa, but the whole vast Soviet Union. Childhood is a very important stage in a person's life. The rules of games with peers tamed their own ego, subordinated to collective interests. Changing the roles of the lead and the rank-and-file player taught responsibility, empathy. All mental processes were accompanied by motor activity. Thus, in childhood during the games we experienced considerable mental and physical stress.

An analysis of their own personal childhood experiences led to the conclusion that childhood is a transient specific state of a person who knows the sociocultural laws through the collective game, the ways of interaction of the material world. The process of socialization is accompanied by a gradual loss of direct perception of objective reality.

Key words: childhood, play, socialization, yard, memories, collective, Soviet.

© Рамазанова Л.А., 2017

© Ramazanova L.A., 2017

Игра сопровождает человечество с самого его «детства», о чем свидетельствуют находки археологов. Являясь одним из самых древних видов человеческой деятельности, игра пронизывает все сферы человеческого бытия, сопровождает человека на протяжении всей его жизни. В философии сложилось целое направление, представители которого считают, что игра «старше» самой культуры, ибо является ее предшественницей, – предаваясь играм, ритуалам, обрядам, человек «творит культуру». Отечественная и зарубежная гуманитаристика обращалась к изучению феномена игры не раз, однако игра по-прежнему таит в себе загадки, остается некоей непознанной человеческой тайной, постичь которую пытались и пытаются многие исследователи [1].

Откуда берутся детские дворовые игры? А анекдоты, которые травил, сидя на лавочке? В связи с аналогией вспоминается известный рассказ «Остряк» (1956) американского фантаста Айзика Азимова, в котором некий гроссмейстер Меерхоф загружает в супермощную вычислительную машину все известные анекдоты и задает два вопроса:

1. Проследить происхождение анекдотов.

2. Что произойдет, если человечество узнает, какой ответ получен на первый вопрос?

И получает следующие ответы:

1. Происхождение анекдотов взеземное... [они] служат пособием для изучения людской психологии.

2. Как только хоть одному человеку откроется правда о таком методе психологического анализа людского разума, этот метод лишится объективной ценности и станет бесполезен для взеземных сил, которые сейчас им пользуются.

Далее герой рассказа, известный интеллектуал и остряк силится вспомнить хоть один анекдот и не может, а его коллега констатирует, что дар юмора исчез и ни один человек больше не засмеется. Последний абзац произведения шокирует: «Все трое сидели с широко раскрытыми глазами, чувствуя, как мир сжимается до размеров крысиной клетки, откуда вынули лабиринт, чтобы вместо него поставить нечто другое, неведомое».

Одним из первых обратил внимание на проблему игры немецкий мыслитель Ф. Шиллер. Для него игра стала одним из смыслообразующих компонентов мировоззрения человека. Он считал, что человек в игре и посредством игры творит себя и мир, в котором живет. Утверждение Ф. Шиллера, что человеком можно стать только играя, является достаточно убедительным и созвучным с высказыванием другого немецкого мыслителя – Й.В. Гёте: играет не только человек, а вся природа. Заслуга немецкого философа И. Канта в том, что он вводит игру в предметное пространство философского знания, акцентируя внимание на трансцендентном потенциале этого феномена. На значение игры

как источника культуры обратил внимание нидерландский историк культуры Й. Хейзинга. По его мнению, человеческая цивилизация не добавила никакого существенного признака общему понятию игры, человеческая культура возникает и разворачивается в игре как игра, игра может варьироваться, но не может модифицироваться [1].

Педагоги и психологи выделяют социализирующую функцию детской коллективной игры. Историки и социологи дополняют сословно-классовым пониманием. Действительно, к примеру, в нашем недавнем советском обществе у подрастающего поколения культивировался коллективизм, взаимовыручка, способность жертвовать собственными интересами во имя общественных. Большое внимание государство уделяло занятиям девушек и юношей физической культурой и спортом. Практически в каждом дворе были турники, а в квартале спортивные площадки.

Ныне мы живем на сломе общественной формации, с переходом к рыночным отношениям частный интерес вытеснил коллективный. Под влиянием цифровых технологий у подрастающего поколения формируется новый тип мышления. Игра привлекает особенно пристальное внимание к себе на этапах реформирования общества, испытания на прочность, выяснения степени укорененности культурных ценностей и норм в сознании этноса. Не является исключением и нынешняя эпоха, когда человек оказался растерян, дезориентирован в социокультурном пространстве, испытывает серьезные затруднения в выборе надежных жизненных ориентиров в строительстве своей собственной социальной биографии, позволяющих ему сохранить свою этнокультурную принадлежность, свою этническую идентичность [1].

Представленные вашему вниманию воспоминания о городских дворовых играх моего поколения, рожденных в 70-е гг. прошлого века и отражавших преемственность с предыдущими, ныне становятся предметом изучения общественной жизни прошлого.

«Секретки»

В нашем детстве была такая забава, мы делали «секретки». Находили стекляшку, тут же мыли ее в ближайшей луже. Это была рамка. Далее в ход шли фантики от конфет. Всегда было хорошо, если это была «Красная шапочка», а лучше «Гулливвер». Но самой ценной находкой, впрочем, не столь уж и редкой, была пачка из-под сигарет «Ту-134», являвшая внутри сказочное чудо – серебристую оберточную подложку. В укромном месте двора где-нибудь под деревом разрывалась ямка, в нее закладывалось нехитрое детское творчество. Дополнительно в «секретик» могли попасть веточки ели, гроздь рябины и прочие ботанические изыски, сброшенные местными деревьями...

«Регата»

С наступлением весны и таянием снега стартовала дворовая регата. Плавсредством служили перезимовавшие сережки ясеня, клена, но спички были гораздо маневреннее. Судна спускались в бурлящий поток ручья на заранее определенном условном старте и состязание начиналось. Со стороны это смотрелось как гурьба детей – участников, наблюдателей и судей – одновременно что-то эмоционально комментируя, перемещается вдоль ручьевого потока, время от времени переходя то на одну, то на другую сторону...

«Свистульки»

Уже летом в период созревания стручков акации, которая росла как нельзя кстати – за нашими спинами сидящих на нагретом солнцем днище перевернутого катера – мы делали свистульки. Для этого нужно было аккуратно удалить плоды, вскрыв створку с выпуклой стороны и уж совсем по-мастерски отсечь загибающийся кончик стручка. Вот только так можно было получить настоящий инструмент и освистать профанов...

«Колечко, колечко, выйди на крылечко...»

Обычно на лавочке между кустами сирени и жасмина могли поместиться пять человек. Это кроме ведущего. У него в ладонях прятался камешек, заменявший то самое «колечко». Среди обычных советских детей, носящих подобное украшение, не было. Семейные драгоценности (у кого они были) передавались уже совершеннолетним, иначе надетые на детские тонкие пальчики, они рисковали быть неминуемо утерянными. Ведущий поочередно обходил всех сидящих с вытянутыми вперед в сомкнутые ладошки руками, приговаривая: «Колечко, колечко, выйди на крылечко» и незаметно для окружающих вкладывал камешек избранному. Тот должен был подчиниться судьбе и «выйти на крылечко». Любопытно, как детская игра проецирует законы социума: казалось бы, выбор сделан, ан нет, по правилам игры ряд аутсайдеров должен был инстинктивно сомкнуться, напрячься телами и, не пуская в ход рук, не менявших положения, не выпустить счастливого на свободу. Как правило, сделать это ему все же удавалось. Таким образом, ведущих становилось двое и игра продолжалась. Они загадывали числа, первые буквы названия какого-нибудь популярного фильма, которые участники должны были отгадать. В случае, если этого сразу не происходило, давали подсказки. Победителя ждала награда – роскошные платья, дома, редкие породы собак, королевские кареты, запряженные тремя парами лошадей. Все это под заказ, на выбор и немедленно. Чем ограниченнее была окружающая нас материальная действительность, тем безграничнее детская фантазия. Возможно, современное изобилие и творческий прорыв в мире вещей и мире виртуальном есть плод мечтаний нашего босоного поколения.

«Вышибалы»

Необходимым атрибутом игры в вышибалы был мяч. Все желающие играть в вышибалы посредством считалочки делились на две команды. Команда определяла двух вышибал. Они с мячом отходили друг от друга на 10–12 м за отмеченную черту, переступить которую по правилам игры запрещалось. Команда соперников вставала в центр между ними. Вышибалы перекидывали друг другу мяч, метко целясь в жертву. Тот, в кого попадал мяч, выходил из игры, становясь болельщиком. Он, кстати, мог следить за тем, чтобы вышибалы не заступали за черту, так как его сотоварищам в это время было не до этого. Помню, только успеешь увернуться от мяча, как он уже летит в тебя со спины. Да еще кидая в нас мяч, вышибалы в последний момент могли выкрикнуть задание. Например, при команде «бомба» мяч подкидывали высоко над нашими головами, а мы, присев на корточки, замирали на месте. Прокатывавшийся по земле «мяч картошкой» пропускали через расставленные ноги. Не все успевали выстроиться в очередь. «Картошка» при этом в любой момент могла оказаться «гнилой», и тогда нужно было сторониться ее как от чумы. Особенно ответственно становилось, когда оставалась один на один с вышибалами, потому что судьба всей команды целиком зависела от тебя. Чтобы всех спасти, надо было выдержать прогоны столько раз, сколько было лет последнему игроку.

Не каждая из участниц могла запросто ответить на вопрос о возрасте. Тогда девочки на год-два постарше деловито определяли «на глаз»: «Ей пять с половиной». Половинки с четвертинками учитывались, и в жертву летел мяч. Это было испытание не из легких, но перед нами всегда были киногерои – разведчики, космонавты, передовики производства – и становилось легче.

«Резиночка»

Лично к нам во двор эта игра была завезена из Прибалтики. Оттуда с ней возвратилась гостившая у родственников одна наша девочка с пятого этажа. Часто там же в нее мы и играли – на просторных, еще не огороженных тамбурами этажах.

Необходимым атрибутом этой прыгучей игры была обыкновенная бельевая двухметровая резинка. Число игроков не менее трех. Две напарницы, они же наблюдатели, становились напротив друг друга, заступая в буквальном смысле на пост и за резинку. Последняя должна была натянуться как тетива в две параллели, обозначив игровое поле. Третья участница приступала к выполнению заданий, которые в зависимости от правильности и последовательности выполнения усложнялись за счет того, что уровень натянутой резинки поднимался все выше от земли. Сначала она находилась на щиколотках, затем в

коленях, далее на бедрах. Высшую ступень испытания, когда резинка поднималась по пояс, не удавалось пройти почти никому.

Названия выполнявшихся элементов игравшая проговаривала вслух. Например «дуб-ки» по слогам, в этот самый момент параллели резиночки становились предательски узкими из-за того что охватывали только щиколотку одной ноги напарниц, и нужно было перпендикулярно их направления запрыгнуть на одну резинку, прижав ее ступнями обеих ног к земле на первом слоге и на вторую – на втором.

«Классики»

За битами, они же чечки, бегали вопреки запрету взрослых через дорогу, включавшую две автомобильные проезжие части и трамвайную линию посередине, на стройку. В то время там возводилось новое административное здание Октябрьского района. Но нам, детям казалось все происходящее вокруг сказкой. А как же иначе, ведь тому подтверждением были белые мраморные глыбы, драгоценно поблескивавшие на летнем солнце. Нам везло и мы непременно отыскивали подходящие экземпляры. Тут же тестировали их бросками. У камня должны были быть две грани плоскими, гладкими до шлифовки, чтобы после соприкосновения с поверхностью асфальта движение до полной остановки еще продолжилось некоторое время на заданное расстояние. Примерно как в керлинге – современном олимпийском виде спорта, только без швабры.

Мелом на асфальте расчерчивали игровое поле – классы. Как и полагалось, было 10 ступеней испытаний, усложнявшихся по мере их преодоления. Сначала биты бросали фактически у ног в квадрат с цифрой «1», далее на одной ноге, не наступая на биты, в него запрыгивали. Отпрыгивали тем же путем. Это был самый первый, простейший класс, который благополучно закончила первоклассница. Затем она переходила во второй класс. Для этого битой нужно было попасть во второй квадрат с цифрой «2», при этом ни испытываемая, ни ее биты не должны были совершить заступ «на» или «за» очерченное игровое пространство второго класса. Прыжки на одной ноге повторялись и в этом случае. Квадраты третьего и четвертого классов располагались по горизонтали, третий – слева, четвертый – справа и имели одну общую линию. В них запрыгивали уже обеими ногами одновременно. Следующий пятый класс снова был одиночным, затем шли парные шестой и седьмой. Далее одиночный восьмой. Заканчивались классики парой девятого и десятого классов. Сложность игры заключалась в необходимости меткого попадания битой в нужный класс, а прыжки были делом техники.

Были еще классики круговые. В них играли без биты. Круг делился на девять секторов, а в центре выделенный в отдельный круг находился десятый. В них скакали особым образом, вкруговую. Это было

испытание вестибулярного аппарата не хуже того, что тренировали мальчишки на качелях, выписывая солнышко.

Список литературы

1. Репринцева Е. А. Педагогика игры: теория, история, практика. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. – 421 с.
2. Игры нашего детства (80-х – начала 90-х). – URL: <http://magspace.ru/blog/274633.html> (дата обращения: 22.11.2017).
3. Игры нашего детства и наших родителей. Современные дети о них ничего не знают! – URL: <http://aloha-plus.ru/2017/08/13/igry-nashego-detstva-i-nashih-roditeli-sovremennye-deti-o-nih-nichego-ne-znayut/3/>
4. Ulyanovsk Online рассказывает о том, чем можно занять себя на майские праздники. – URL: <http://on-line73.ru/news/life-134-ulyanovsk-online-rasskazyvaet-o-tom-chem-mozhno-zanjat-sebja-na-maiskie-prazdniki.html> (дата обращения: 22.11.2017).
5. Игры времен СССР. Детство без гаджетов. – URL: <http://ussr-kruto.ru/2015/10/13/igry-vremen-sssr-detstvo-bez-gadzhetov/> (дата обращения: 22.11.2017).
6. История игры в классики. – URL: <https://pustunchik.ua/online-school/history/gra-v-klassiky-istoriia> (дата обращения: 22.11.2017).

References

1. *Reprintseva E. A. Pedagogika igry: teoriya, istoriya, praktika* [Pedagogy of the game: theory, history, practice]. – Kursk: Publishing house. Course. state. un-ta, 2005. – 421 p.
2. *Igry nashego detstva (80-kh nachala 90-kh)* [Games of our childhood (80's early 90's)]. – URL: <http://magspace.ru/blog/274633.html> Date of the application: 22.11.2017.
3. *Igry nashego detstva i nashikh roditelej. Sovremennye deti o nikh nichego ne znayut!* [Games of our childhood and our parents. Modern children do not know anything about them!]. – URL: <http://aloha-plus.ru/2017/08/13/igry-nashego-detstva-i-nashih-roditeli-sovremennye-deti-o-nih-nichego-ne-znayut/3/> Date of the application: 22.11.2017.
4. *Ulyanovsk onlajn rasskazyvaet o tom, chem mozhno zanyat' sebya na majskie prazdniki* [Ulyanovsk Online tells about what you can do for the May holidays]. – URL: <http://on-line73.ru/news/life-134-ulyanovsk-online-rasskazyvaet-o-tom-chem-mozhno-zanjat-sebja-na-maiskie-prazdniki.html> Date of the application: 22.11.2017.
5. *Igry vremen SSSR. Detstvo bez gadzhetov* [Games of the times of the USSR. Childhood without gadgets]. – URL: <http://ussr-kruto.ru/2015/10/13/igry-vremen-sssr-detstvo-bez-gadzhetov/> Date of the application: 22.11.2017.
6. *Istoriya igry v klassiki* [History of the game in classics]. – URL: <https://pustunchik.ua/online-school/history/gra-v-klassiky-istoriia> Date of the application: 22.11.2017.

Сведения об авторах

Бойкова Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: boikova_tatiana@bk.ru

Веретенко Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: v.a.veremenko@ya.ru

Войтиков Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, главный специалист, Центральный государственный архив г. Москвы; e-mail: svoyt@mail.ru

Демидова Ольга Ростиславовна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: olgard55@yandex.ru

Каминский Валерий Владимирович, PhD истории, независимый исследователь (г. Ашдод, Израиль); e-mail: kaminskij.valera@yandex.com

Михеев Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия; e-mail: tankred85@mail.ru

Никуленкова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: elena_na2004@mail.ru

Окладникова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра социологии и религиоведения, Российский педагогический университет им. А.И. Герцена; e-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Оськин Максим Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин, Институт законовения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, г. Тула; e-mail: maхозv@yandex.ru

Рамазанова Лариса Асгатовна, старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Башкортостан; e-mail: LarisaUFA2012@mail.ru

Савчук Анна Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Департамент истории и археологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета; e-mail: adas_87@mail.ru

Смирнов Валентин Георгиевич, доктор исторических наук, директор, Российский государственный архив Военно-морского флота; e-mail: sam1956@mail.ru

Теуш Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург; e-mail: olga.teush@yandex.ru

About authors

Boykova Tatiana Yu., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: boikova_tatiana@bk.ru

Demidova Olga R., Doctor of Philosophy, Full Professor, Department of Philosophy, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: olgard55@yandex.ru

Kaminsky Valeriy V., PhD in History, independent researcher (Ashdod, Israel); e-mail: kaminskij.valera@yandex.com

Mikheev Dmitry V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History and Area Studies, Pskov State University (Pskov, Russia); e-mail: tankred85@mail.ru

Nikulenkova Elena V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: elena_na2004@mail.ru

Okladnikova Elena A., Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Department of Sociology and Religion Studies, Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Os'kin Maxim V., Candidate of Historical Sciences. Assistant professor of general humanitarian and socio-legal disciplines. Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian police association; e-mail: maxozv@yandex.ru

Ramazanova Larisa A., Senior Researcher of the State Budgetary Institution of Culture and Art of the Republic of Bashkortostan National Museum of the Republic of Bashkortostan; e-mail: LarisaUFA2012@mail.ru

Savchuk Anna A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Archaeology, School of Humanities, Far Eastern Federal University; e-mail: adas_87@mail.ru

Smirnov Valentin G., Doctor of Historical Sciences, Russian State Navy Archive, Director; e-mail: sam1956@mail.ru

Teush Olga A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: olga.teush@yandex.ru

Veremenko Valentina A., Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Head of Department of History, Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: v.a.veremenko@ya.ru

Voytikov Sergey S., candidate of History, Senior Specialist, Moscow Central State Archive (Moscow, Russia); e-mail: svoyt@mail.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА»

приглашает Вас к сотрудничеству в **новом научном журнале**

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Актуальность данного направления определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и филологии. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

К публикации в научном журнале «История повседневности» принимаются оригинальные (ранее не публиковавшиеся) научные статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов данного направления исторической науки:

- теория и методология истории повседневности;
- историография и источники по истории повседневности;
- событийная область публичной повседневной жизни отдельных людей и социальных групп;
- производственный быт и повседневность труда;
- экономическая повседневность в условиях мирного и военного времени;
- экстремальная, военная, революционная повседневность;
- аномальная повседневность;
- праздничная повседневность;
- влияние государственной политики на повседневную жизнь людей;
- международные отношения и их влияние на повседневную жизнь населения той или иной страны;
- общественное сознание и повседневная жизнь;
- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- гендерная история, история семьи и детства;
- этно-конфессиональный аспект истории повседневности;
- проблемы макро- и микро- истории.

На страницах научного издания (журнала) найдут свое место также информация о конференциях и других научных мероприятиях, затрагивающих проблемы повседневности и проходящих в разных регионах нашей страны и мира, комментированные публикации источников, рецензии и отзывы. Мы рассчитываем, что данный журнал станет посредником и организатором многочисленных научных дискуссий, объединив тех, кто активно занимается или только приступает к освоению проблем истории повседневности.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи на русском или английском языках **объемом от 0,5 до 1,0** печатного листа (электронная версия обязательна). С текстом статьи необходимо предоставлять один экземпляр внешнего отзыва, заверенного печатью организации, дающей отзыв.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

Правила оформления материалов:

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ в статье должны быть указаны **УДК**, название статьи, аннотация (800–1000 знаков), ключевые слова (10–12 слов), ФИО авторов (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы или учебы, должность или курс (кафедра, институт, университет), страна, город, адрес служебный/домашний, телефон служебный/домашний, адрес электронной почты.

Компьютерный текст должен быть набран 14 кеглем в редакторе WORD; параметры страницы (поля) 2,0 см; абзац – 1,25; интервал – полуторный; шрифт – Times New Roman; сноски оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [2. Л. 3].

Список литературы приводится 14 кеглем в конце статьи **по порядку упоминания в тексте**.

В списке источников и литературы должно быть указано не менее 10 наименований.

В ссылках на книги обязательно указываются издательство и количество страниц, в ссылках на журналы – страницы на которых расположена статья, в ссылках на Интернет ресурсы – дата обращения.

См. образцы:

1. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). – СПб.: В. Березовский, 1911. – 32 с.

2. Мельцин М.О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В.Н. Долгорукова (Владимирова) // Новейшая история России. – 2013. – № 3(08). – С. 174–186.

3. Лобанов В. В. Роль труда в опытах физического воспитания В.С. Пирусского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9(137). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-truda-v-opytah-fizicheskogo-vozpitaniya-v-s-pirusskogo> (дата обращения: 01.12.2015).

4. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) и переведенный на английский язык библиографический список. Транслитерация должна осуществляться автоматически (можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>).

Порядок написания: **Авторы** (транслитерация); **название статьи** (транслитерация); [**перевод названия статьи на английский язык** в квадратных скобках]; **название русскоязычного источника** (транслитерация); [**перевод названия источника на английский язык**]; **выходные данные** с обозначениями на английском языке (город, издательство); **цифровые данные** (год, страницы).

Пример:

References

1. *Drake L.L. Kadetskii byt 50-kh godov (otryvochnye vospominaniya)* [Cadet Life 50s (fragmentary memories)]. St. Petersburg: V. Berezovskii, 1911. – 32 p.

2. *Mel'tsin M.O. Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetskogo intelligenta: zhizn' i tvorchestvo V.N. Dolgorukova (Vladimirova)* [Of noble origin to the fate of the Soviet intelligentsia: the life and work of VN Dolgorukov (Vladimirov)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. – 2013. – № 3(08). – P. 174–186.

Полнотекстовые версии журнала размещаются на сайтах Научной электронной библиотеки и Киберленинки, включены в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования).

Статьи, оформленные в соответствии с указанными требованиями, можно отправить по электронной почте – **E-mail: v.a.veremenko@ya.ru**

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 3 (5)

На обложке размещена репродукция картины
К.С. Петрова-Водкина «Тревога», 1926 г.

Редактор *Л. М. Григорьева*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 25.12.2017. Формат 60x84 1/16.

Гарнитура Arial. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 10,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1402

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10